

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Удмуртский государственный университет»

На правах рукописи

Зайнуллина Саида Радиковна

**ТРАДИЦИОННЫЕ ФОРМУЛЫ РУССКИХ ЛЕТОПИСЕЙ:
СТРУКТУРА И СЕМАНТИКА
(НА МАТЕРИАЛЕ «ПОВЕСТИ ВРЕМЕННЫХ ЛЕТ»
ПО ЛАВРЕНТЬЕВСКОМУ СПИСКУ)**

Специальность 10.02.01 – русский язык

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель –
кандидат филологических наук,
доцент Л.Ф. Килина

Ижевск – 2015

Оглавление

ВВЕДЕНИЕ	4
ГЛАВА 1. ДРЕВНЕРУССКИЙ ЛЕТОПИСНЫЙ ТЕКСТ И ЕГО ЖАНРОВО-СТИЛЕВАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ	16
1.1. Жанрово-стилевая специфика древнерусских текстов	16
1.1.1. Термины <i>стиль</i> и <i>жанр</i> с точки зрения синхронии и диахронии.....	16
1.1.2. Проблемы жанрово-стилевой дифференциации древнерусских текстов.....	21
1.2. Жанрово-стилевая типология фрагментов «Повести временных лет»	26
1.2.1. «Повесть временных лет» как объект лингвотекстологического исследования.....	26
1.2.2. Деловые фрагменты в «Повести временных лет»	29
1.2.3. Военские фрагменты в «Повести временных лет».....	33
1.2.4. Агиографические фрагменты в «Повести временных лет».....	38
1.3. Традиционные формулы в древнерусском тексте	45
1.3.1. Термин <i>традиционная формула</i>	45
1.3.2. Проблемы диахронического исследования устойчивых сочетаний	50
Выводы по первой главе.....	55
ГЛАВА 2. ТРАДИЦИОННЫЕ ГЛАГОЛЬНЫЕ ФОРМУЛЫ В «ПОВЕСТИ ВРЕМЕННЫХ ЛЕТ».....	58
2.1. Глагольные формулы в деловых фрагментах	58
2.2. Глагольные формулы в воинских фрагментах.....	75
Выводы по второй главе.....	102
ГЛАВА 3. ТРАДИЦИОННЫЕ ИМЕННЫЕ ФОРМУЛЫ В «ПОВЕСТИ ВРЕМЕННЫХ ЛЕТ».....	105
3.1. Атрибутивные формулы в агиографических фрагментах	105

3.2. Парные формулы в агеографических фрагментах	118
Выводы по третьей главе	135
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	138
СПИСОК УСЛОВНЫХ СОКРАЩЕНИЙ	141
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ СПИСКИ	142
Список источников	142
Список словарей	142
Список литературы	144

ВВЕДЕНИЕ

Каждый отдельно взятый этап развития языка является частью его истории. Любое явление современного русского языка также объясняется исторически. Поэтому диахронический подход к изучению лингвистического материала не может ограничиваться простой констатацией тех или иных фактов, он непременно предполагает «наличие объяснения того, как и почему совершались те или иные преобразования» [Абдулхакова, с. 4]. В связи с этим в лингвистике встает вопрос о необходимости выделения двух отделов внутри исторической науки о языке: первый включает дисциплины, изучающие строй языка (фонетику и орфографию, грамматику, семасиологию), второй – дисциплину, изучающую употребление языка (стилистику). Данную идею выдвинул профессор Г.О. Винокур в статье «О задачах истории языка» [Винокур]. Ученый отвел стилистике особое место и подчеркнул, что «в отличие от прочих отделов истории языка, стилистика имеет дело не с одной, а с многими системами» [Винокур, с. 223].

Стилистика имеет непосредственно отношение к выбору того или иного варианта употребления. Неслучайно В.М. Марков в «Заметках по исторической стилистике» определяет стилистику как «область знания, которая исследует различные формы проявления сознательного отношения к языку» [Марков, с. 149]. «Сознательность» подразумевает в частности наличие у автора произведения определенных установок, которыми он руководствуется при написании текста. Авторская интенция в конечном итоге играет решающую роль в выборе того или иного языкового средства, а значит, и в определении стиля. В связи со сказанным исследование особенностей функционирования языковых единиц в древнерусском тексте в зависимости от жанрово-стилевых особенностей памятника представляется нам перспективным.

Изучение текста «Повести временных лет» (далее ПВЛ) в обозначенном аспекте имеет свои особенности, связанные с тем, что данное произведение представляет собой текст особого рода – компилятивный, т.е. состоящий из ряда фрагментов. При этом труд человека, создавшего такую компиляцию, нельзя назвать механическим – соединение частей в единое смысловое целое представляло собой процесс творческий, подчиненный одной общей идее. Существует мнение, что именно летописные тексты «благодаря своей уникальности и открытости, становятся ведущим элементом всей жанровой системы» [Крысько, с. 51].

Традиционно считается, что «летопись была своеобразной энциклопедией средневековых исторических знаний» [Лихачев 1947, с. 10], и это, несомненно, так. Однако видеть в летописи произведение исключительно фактографического характера – значит обеднять русскую средневековую литературу. Внимательный читатель летописи не может не обратить внимания на ее сложный состав: «Беллетризованные» сюжетные сказания сочетаются <...> с отступлениями-комментариями летописца, исполненными пророческого пафоса и с эмоционально как будто бы нейтральными записями; в текст включены документы (договоры русских с греками)» [Ранчин, Электр. ресурс]. Можно сказать, что сущность стиля летописи и состоит в совмещении погодных записей как своеобразного монотонного фона и выделяющихся на их фоне ярких повествований. Выдающийся русский лингвист Н.С. Трубецкой в «Лекциях по древнерусской литературе» писал: «Если рассматривать летопись как эстетическое целое, то её можно сравнить с медальонной живописью, где яркие медальоны то тут, то там прорисованы по одноцветному спокойному фону» [Трубецкой, с. 568].

Неудивительно, что летописи уже не первое столетие привлекают внимание отечественных и зарубежных филологов, историков, культурологов, медиевистов и т.д. В истории русского языкознания

исследованием летописи занимались Д.С. Лихачёв, О.В. Творогов, В.В. Колесов, Е.В. Душечкина, Г.Ф. Ковалёв, Ф.П. Филин, А.С. Львов, Н.П. Некрасов, Г.А. Хабургаев, А.А. Шахматов и многие другие выдающиеся учёные [Лихачёв, 1979; Творогов, 2001; Колесов, 2001; Душечкина; Ковалёв, 1980; Филин; Львов; Некрасов, Хабургаев, 1979; Шахматов, 1940]. Перечисленные работы широко известны специалистам и носят фундаментальный характер, но являются по преимуществу описательными. Лингвистические особенности летописных произведений в аспекте употребления начали изучаться сравнительно недавно, в связи с чем область исторической стилистики в настоящее время представляет для ученых особенный интерес: появляются новые подходы к работе с материалом, все чаще поднимаются вопросы о функции тех или иных языковых элементов текста.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью структурно-семантического изучения устойчивых единиц древнерусского языка в функциональном аспекте, а также стремлением выработать понятийную и теоретико-методологическую базу, адекватную объекту настоящего исследования.

Летописные тексты представляют собой прекрасный материал для сопоставительного изучения, поскольку они нередко бытовали в нескольких списках, а значит, отличались по времени и месту создания. Специфика летописных произведений обуславливает тот факт, что многие работы, посвященные изучению языка летописи, основаны на применении лингвотекстологического метода. По мнению Л.Г. Панина, лингвотекстологический метод используется «при изучении списков одного памятника с целью восстановления картины истории языка, получившей свое преломление (отражение) в развитии языка памятника» [Панин, 1995, с. 101]. Разработанный и впервые примененный на практике Л.П. Жуковской, лингвотекстологический метод получил дальнейшее развитие в трудах

А.М. Камчатного, А.А. Гиппиуса, Д.В. Аникина, Л.Г. Панина, Л.И. Шелеповой и др. [Жуковская; Камчатнов; Гиппиус; Аникин; Панин 1988; Шелепова]. Сопоставительному изучению летописных списков посвящены также современные исследования А.А. Гиппиуса, Д.В. Аникина, Л.Ф. Килиной, Е.И. Безматерных и др. [Гиппиус; Аникин; Килина; Безматерных]. В данных работах лингвотекстологический метод представлен в «классическом» виде, т.е. в его применении по отношению к разным редакциям памятника (спискам).

Ставшее традиционным сопоставление летописных текстов по разновременным спискам предполагает отношение к каждому из памятников как к целому, но необходимо учитывать, что это целое в свою очередь неоднородно. Существует мнение, что именно летописные тексты «благодаря своей уникальности и открытости, становятся ведущим элементом всей жанровой системы» [Крысько, с. 51]. Гетерогенность (фрагментарность, «мозаичность», «ансамблевый принцип» построения) текста изучаемого памятника объясняет многие его черты, в том числе интересующую нас стилистическую неоднородность, определившую в конечном итоге способы реализации авторской интенции в языке произведения. Так, по мнению Рикардо Пиккио, известного итальянского лингвиста и слависта, «из летописи можно было бы выделить многие главы и сгруппировать их по «жанрам» и таким образом составить отдельные панорамы развития повествования, агиографии, ораторского искусства, дидактической литературы» [Пиккио, с. 58].

Новизна диссертационного исследования заключается в самом подходе к анализу изучаемых единиц. Лингвотекстологический метод, традиционно направленный на изучение параллельных контекстов по разновременным спискам, в данной диссертационной работе применяется при анализе однотипных текстовых фрагментов в пределах одного списка, что обусловлено жанрово-стилевой спецификой летописного текста. При

этом учитывается двоякий характер традиционной формулы, которая в условиях распада именованного синкретизма являлась основной строевой единицей древнерусского текста и в то же время, будучи неоднократно использованной в повторяющихся однотипных речевых ситуациях, воспринималась как маркер того или иного типа текста.

Объект исследования – формульность древнерусского текста как явление, обусловленное, с одной стороны, синтагматичностью древнерусского языка и, с другой стороны, широким культурным контекстом. Использование в произведениях традиционных устойчивых сочетаний помогало древнерусскому человеку выражать новые значения, а также соответствовало основному мировоззренческому принципу Средневековья – традиционности.

Предмет диссертационного исследования – традиционные формулы во фрагментах ПВЛ, отличающихся жанрово-стилевыми характеристиками. Диссертационное исследование демонстрирует новаторский подход к изучаемым единицам. Компилятивный материал, использованный в настоящем исследовании, позволяет посмотреть на традиционную формулу с разных позиций и составить относительно законченную картину изучаемого языкового явления. Кроме того, в историко-лингвистических исследованиях крайне мало внимания уделяется методике поиска устойчивых сочетаний, поэтому в работе представлены критерии выделения формул в древнерусском тексте. Данный подход также направлен на выявление способов соотношения устойчивых сочетаний в синхронии и в диахронии.

Основные типы древнерусских традиционных формул – глагольные и именные. Причем глагольные названы таковыми с определенной долей условности: они действительно обозначают действие, однако глагол в них является распространителем смысла имени. Организующий центр формулы всегда представлен именем, что связано с явлением именованного синкретизма:

«В средние века воплощение синкреты – это только имя в собственном контексте» [Колесов 2004, с. 47].

Цель диссертационной работы – выявить структурно-семантические особенности и закономерности функционирования традиционных формул в тексте ПВЛ в зависимости от жанрово-стилевой принадлежности фрагмента.

Для достижения поставленной цели были выдвинуты следующие **задачи**:

1. Определить жанрово-стилевые особенности ПВЛ в контексте развития древнерусской литературы.
2. Выделить критерии, на основании которых осуществляется поиск традиционных формул в древнерусском тексте.
3. Выявить традиционные формулы в каждом из типов летописных фрагментов.
4. Провести комплексный анализ употребления традиционных формул с точки зрения их структурно-семантических особенностей в условиях языкового и культурного контекстов.
5. Установить характер зависимости между типом формулы и летописным фрагментом, в котором она функционирует.

Материалом для исследования послужил текст ПВЛ по Лаврентьевскому списку летописи (1377 г.). Данный список был сделан монахом Лаврентием по заказу великого князя Суздальско-Нижегородского Дмитрия Константиновича, является самым древним из сохранившихся и содержит первую редакцию ПВЛ (1118 г.), хотя известно, что существовали и более древние своды, датируемые XI в. [Шахматов 2001, с. 17]. В нескольких местах в Лаврентьевском списке можно обнаружить пропуски текста. Принято считать, что таких пропусков шесть: 1) 6406 (898) – 6430 (922) гг.; 2) кон. 6596 (1088) – нач. 6597 (1089) гг.; 3) нач. 6705 (1197) г.; 4) 6711 (1203) – 6713 (1205) гг.; 5) 6771 (1263) – 6791 (1283) гг.; 6) 6795 (1283) – 6802 (1294) гг. [Словарь книжников... , с. 241]. Наличие таких лакун может

быть объяснено утратой листов рукописи, пропуском в протографе и т.д. Как бы то ни было, в таких случаях обычно принято обращаться к параллельным текстам близких летописей. По этой причине мы время от времени будем рассматривать также контексты из Радзивилловской летописи, которая, как и летопись Лаврентьевская, восходит к Владимирскому летописному своду кон. XII – нач. XIII в., но отражает более позднюю редакцию памятника.

Начало летописания вообще, по мнению известного филолога-слависта и текстолога И.И. Срезневского, должно быть отнесено к 986 г. (создание Начальной летописи Русской). Исследователь полагает, что летопись включала «заметки о событиях до смерти Святослава», то есть о событиях, предшествующих 988 г. [Срезневский 1861, с. 8]. Создание летописного текста действительно не без оснований можно связывать с начальным этапом в истории христианизации Руси. Следовательно, данный памятник действительно стоит в самом начале развития (в том числе стилистического) русского языка.

В качестве **методологической основы** исследования выступают положения о системности языка, а также о непрерывности семантических изменений в ходе его исторического развития. Отдельное внимание в работе уделяется идее об отражении ментальных особенностей средневековых русичей в языке создаваемых ими текстов. Анализ языковых единиц носил комплексный характер: учитывалась внутренняя системная организация единиц, их включение в парадигматические и синтагматические отношения, особое внимание уделялось особенностям функционирования единиц в контекстных условиях и в их отношении к законченному тексту.

При изучении материала и его описании использовались различные **методы работы** с языковыми единицами:

1. *Лингвотекстологический* метод лежит в основе исследования и предполагает сопоставление языковых особенностей различных летописных фрагментов и их типов между собой. Благодаря жанрово-стилевой специфике

выбранного для анализа текста оказалось возможным рассмотреть не только и не столько параллельные контексты по разновременным спискам, а, в первую очередь, однотипные фрагменты в пределах одного списка. В ряде случаев данный метод помогает сопоставить между собой единицы, функционирующие в каком-либо типе летописных фрагментов и в самостоятельном произведении некомпильтивного характера, имеющем сходные жанрово-стилевые характеристики.

2. *Сравнительно-исторический* метод позволял осуществлять лингвистический анализ материала, значительно отдаленного в хронологическом отношении.

3. *Описательный* метод исследования применялся непосредственно в ходе анализа языковых единиц и изменений в их компонентном составе.

4. *Количественный* метод, позволяющий учитывать частотность употребления исследуемых единиц в изучаемом тексте или же в его фрагменте, был использован с целью установления устойчивого характера словосочетания.

5. *Компонентный анализ* был необходим для подробного рассмотрения семантической структуры традиционных формул.

6. *Контекстуальный анализ* использовался при работе со смысловым наполнением лингвистического материала и предполагал определение значения единиц с учетом их языкового окружения.

7. *Функционально-семантический анализ* и *стилистический анализ* оказались необходимыми для проведения исследования, поскольку позволили говорить о синтагматических и парадигматических связях слов в процессе их функционирования в тексте, а также делать выводы о роли исследуемых единиц в жанрово-стилевом развитии русского литературного языка.

Теоретическая значимость исследования определяется тем, что в нем, во-первых, представлена методология работы с древнерусскими

традиционными формулами; во-вторых, определены основные критерии устойчивости составных единиц в диахронии; в-третьих, содержится информация о соотношении таких понятий, как древнерусская формула и современный фразеологизм; в-четвертых, делаются выводы об исторической преемственности между данными языковыми единицами. Предложенный подход к работе с языковым материалом может быть использован в дальнейшей разработке вопросов, касающихся анализа древнерусских текстов разной жанрово-стилевой принадлежности.

Практическая значимость исследования заключается в том, что выводы и наблюдения, полученные в ходе работы над диссертацией, могут быть использованы в преподавании курсов историко-филологического цикла, при чтении курсов по исторической стилистике, по исторической и современной лексикологии, а также в лексикографии.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Система стилей и жанров в древнерусский период еще не была сформирована, однако это не противоречит идее о том, что древнерусские тексты имели определенные жанрово-стилевые особенности. ПВЛ отражает одновременно две основные традиции в развитии средневековой русской литературы – светскую и конфессиональную – и содержит фрагменты делового, воинского и агиографического типов. Основаниями для фрагментирования являются тематика летописного отрывка, цель его включения в текст произведения и традиционное языковое оформление.

2. Характерные для всех типов древнерусских текстов традиционные формулы имеют непростую историю развития: появившись как средство экспликации новых для языка значений, они со временем стали восприниматься в качестве стилистического средства. Данный процесс был обусловлен ходом языкового и литературного развития и напрямую связан с процессом распада именного синкретизма.

3. Зависимость выбора традиционной формулы определенного структурно-семантического типа от жанрово-стилевой принадлежности летописного фрагмента свидетельствует о том, что уже в древнерусский период имела место определенная специализация лингвистических средств в зависимости от установки создателя текста.

4. Глагольные формулы, будучи первичными и наиболее древними, встречаются во всех типах летописных фрагментов, но характерными они являются только для деловых и воинских отрывков ПВЛ, что связано с необходимостью языковой репрезентации в данных фрагментах идеи о традиционном, повторяющемся действии.

5. Именные формулы характерны для агиографических фрагментов ПВЛ, поскольку нацелены на экспликацию признака и способны передавать абстрактные значения. Агиографические фрагменты связаны с конфессиональной традицией и направлены на передачу христианской системы ценностей, следовательно, именные формулы в данных частях текста нередко отличаются образностью и эмоциональностью.

6. Традиционные формулы уже в древнерусский период начали употребляться в текстах определенной жанрово-стилевой направленности для описания типичных, повторяющихся ситуаций. Некоторые древнерусские сочетания оказались настолько устойчивыми, что вошли во фразеологический фонд современного русского языка и знакомы большинству его носителей.

Достоверность результатов исследования обеспечена обоснованностью его исходных методологических положений; использованием комплекса теоретических и эмпирических методов, выбранных с учетом цели и задач работы; проведением многоаспектного анализа полученных результатов; возможностью их использования в образовательном процессе высшей школы, а также обсуждением материалов диссертации на конференциях и семинарах разного уровня.

Апробация работы проводилась на следующих научных конференциях: 1. XLVII Международная научная студенческая конференция «Студент и научно-технический прогресс», Новосибирск, Новосибирский государственный университет, 11-15 апреля 2009 г. 2. Международная научно-практическая конференция «Славянская культура: истоки, традиции, взаимодействие. XI Кирилло-Мефодиевские Чтения», Москва, Государственный институт русского языка имени А.С. Пушкина, 18-19 мая 2010 г. 3. XIV Межвузовская научная конференция студентов-филологов, Санкт-Петербург, Санкт-Петербургский государственный университет, 4-8 апреля 2011 г. 4. Международный молодежный научный форум «ЛОМОНОСОВ-2012», Москва, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, 9-13 апреля, 2012 г. 5. Межвузовская научная конференция «Кормановские чтения-2013» (лингвистические секции), Ижевск, Удмуртский государственный университет, 18-19 апреля 2013 г. 6. Межвузовская научная конференция «Кормановские чтения-2014» (лингвистические секции), Ижевск, Удмуртский государственный университет, 17-18 апреля 2014 г. 7. VIII международная конференция молодых ученых «Актуальные проблемы филологии». Екатеринбург, Уральский государственный педагогический университет, 24 апреля 2014 г. 8. Межвузовская научная конференция «Кормановские чтения-2015» (лингвистические секции), Ижевск, Удмуртский государственный университет, 16-17 апреля 2015 г. 9. IV Межвузовская научно-практическая конференция «Актуальные проблемы современной лингвистики». Санкт-Петербург, Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет, 20-21 апреля 2015 г. и др.

По теме диссертационного исследования опубликовано 16 работ, в том числе 3 статьи в изданиях, рекомендованных ВАК РФ.

Цели, задачи и методы определили **структуру** работы: она состоит из введения, трех глав, заключения, списка использованной литературы и

списка источников. Первая глава определяет теоретические основания исследования и содержит информацию о некоторых жанрово-стилевых особенностях древнерусских текстов и специфике «Повести временных лет» в связи с ее лингвотекстологическим анализом, а также о традиционной формуле как о характерном для древнерусских текстов типе устойчивых сочетаний. Вторая и третья главы содержат комплексный анализ глагольных и именных традиционных формул соответственно. Единство методики анализа языковых единиц и полученных во второй и третьей главах результатов направлены на то, что доказать общеязыковой характер изменений в жанрово-стилевой системе древнерусского языка путем выявления роли традиционных формул в разнотипных фрагментах ПВЛ.

ГЛАВА 1. ДРЕВНЕРУССКИЙ ЛЕТОПИСНЫЙ ТЕКСТ И ЕГО ЖАНРОВО-СТИЛЕВАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ

1.1. Жанрово-стилевая специфика древнерусских текстов

1.1.1. Термины *стиль* и *жанр* с точки зрения синхронии и диахронии

Изучение научной литературы, касающейся историко-стилистической проблематики, обнаружило недостаточную разработанность системы понятий, необходимых для описания жанрово-стилевого своеобразия древнерусских текстов. Ситуация осложняется еще и тем, что на современном этапе развития языка и литературы термины *стиль* и *жанр* известны в нескольких значениях.

Стиль – понятие не одномерное: это и образ искусства, и совокупность приемов использования языковых средств, и манера вести себя, говорить, одеваться и др. Лингвистический термин *стиль*, в свою очередь, имеет несколько словарных дефиниций: 1) разновидность языка, характеризующаяся особенностями в отборе, сочетании и организации языковых средств в связи с задачами общения (*стиль языка, функциональный стиль*); 2) совокупность приемов использования средств языка, характерная для какого-либо писателя, произведения, жанра (*стиль Пушкина, стиль «Евгения Онегина», стиль романтиков, стиль басни, стиль фельетона*); 3) отбор языковых средств по принципу экспрессивно-стилистической их окраски (*стиль книжный, стиль официальный, стиль торжественный, стиль сатирический, стиль юмористический*); 4) построение речи в соответствии с нормами словоупотребления и синтаксиса (*стиль искусственный, стиль небрежный, стиль простой, ошибки в стиле, работать над стилем*) [Розенталь].

Для синхронного лингвистического исследования наиболее актуальным является понимание стиля как функционального – исторически сложившегося типа функционирования языка, который присутствует в сознании говорящих, представляет собой крупные композиционные типы речи и создается под влиянием комплекса базовых экстралингвистических стилеобразующих факторов [Бахтин, 1979; Виноградов, 1955; Головин; Кожин; Одинцов; Панфилов; Шмелев]. Понятие функционального стиля неразрывно связано с понятием нормы литературного языка: текст только тогда соответствует тому или иному стилю, когда несет в себе черты, обязательные для этого стиля. Поэтому, думается, время складывания системы современных функциональных стилей следует соотносить со временем появления русского литературного языка как нормированной, устойчивой, общеобязательной системы. Возникновение такой системы традиционно связывают с именем А.С. Пушкина, хотя известно, что «основы нормализации русского литературного языка заложены великим русским ученым и поэтом М.В. Ломоносовым», а также другими деятелями эпохи классицизма [Виноградов, 1978, с. 48].

Изучение функциональных стилей русского языка в диахроническом аспекте неизбежно сталкивается с рядом трудностей. Главная сложность состоит в том, что возможности стиля напрямую зависят от границ нормы, а «норма чем далее от нас во времени, тем все неопределенней по очертаниям» [Колесов, 1990, с. 17]. В связи с этим «говорить о функциональных стилях (в современном понимании стиля) применительно к древнерусской и старорусской речи не приходится» [Крылова, 2011, с. 87].

Термин *стиль* нередко можно встретить в исследованиях, касающихся средневекового периода, однако исследования эти не столько лингвистические, сколько литературоведческие, и данный термин определяется в них как определенная манера изображения мира и человека в соответствии с той или иной традицией. Именно таким смыслом наполнено

понятие 'стиль' в терминологических сочетаниях *стиль монументального историзма* и *эпический стиль* у Д.С. Лихачева. Во вступительных замечаниях к труду «Человек в литературе Древней Руси» ученый замечает: «Здесь и в дальнейшем я говорю о стиле так, как говорят о стиле искусствоведы: в широком значении этого слова. Я говорю о стиле литературы, а не о стиле литературного языка» [Лихачев, Электр. ресурс]. Действительно, «вопрос о характере стилевой дифференциации и стилевой системе древнерусского языка остается открытым в большей степени, чем другие вопросы, связанные с языковой ситуацией в Киевской Руси» [Горшков, с. 107].

О необходимости адаптации лингвистических определений стиля к особенностям древнерусских текстов пишет Н.С. Ковалев, по мнению которого стиль древнерусского языка – «совокупность реализованных в литературном тексте устойчивых способов применения языковых средств (книжных и устных) в соответствии с принятой автором ориентацией на литературные тексты-образцы» [Ковалев, 2001, с. 28]. Думается, что именно таким содержанием следует наполнять термины *стиль* и *стилистический* в их применении к языку древнерусских произведений.

Особого внимания заслуживает вопрос об определении границ и такого общепилологического понятия, как 'жанр', а также вопрос о выделении жанров в древнерусской литературе.

В настоящее время под жанром в лингвистике понимается «род, разновидность произведений в составе художественной литературы, за которым в известные исторические эпохи могла закрепляться та или иная стилистическая разновидность языка», а также «род, разновидность речи, определяемая данными условиями ситуации и целью употребления» [Ахманова]. Первое определение относится к литературному жанру, второе – к жанру речевому. Вопрос о соотношении этих двух «жанров» в лингвистике решается неоднозначно: «Наиболее аргументированной представляется точка

зрения, согласно которой понятие речевого жанра является родовым по отношению к понятию литературного жанра, обозначающему не все реально существующие жанры, но лишь те из них, которые исторически признаны таковыми» [Кожина, с. 56].

В отечественной науке основоположником теории речевых жанров считается М.М. Бахтин, русский философ, литературовед начала XX в., являющийся автором нескольких общетеоретических лингвистических работ, а также работ по стилистике. Именно он связал понятие жанра с повторяющимися время от времени ситуациями общения. Речевой жанр ученый понимает как особую коммуникативную форму, в которой текст находится в непосредственной зависимости от контекста [Бахтин, Электр. ресурс].

Описание категории жанра в литературе средневековой Руси представляет определенные трудности ввиду хронологической отдаленности интересующих нас текстов. Так, в исследуемый период не существовало четкого разграничения между литературными жанрами и жанрами речевыми. Художественная литература еще не была представлена системно, и представление о жанре было по-своему синкретичным: «Здесь еще не было жанров в современном литературоведческом понимании» [Кусков, 2003, с. 13].

Жанровые рамки ранних древнерусских произведений, по образному выражению Д.С. Лихачева, вообще «отличаются младенческой мягкостью и неопределенностью форм» [Лихачев, 1986, с. 83]. В работе «Зарождение и развитие жанров древнерусской литературы» ученый пишет: «Жанры действительно были заимствованы из Византии и Болгарии, но далеко не все: часть не перешла на Русь, другая часть создавалась здесь самостоятельно начиная с XI в.» [Лихачев, 1986, с. 79]. Даже будучи заимствованными из византийских источников, тексты того или иного жанрового типа на славянской почве подвергались трансформации.

Исследователи неоднократно предпринимали попытки создания классификации жанров древнерусской литературы. Так, Н.И. Толстой разделил всю древнерусскую литературу на конфессиональную, конфессионально-светскую и светскую. К примеру, Псалтырь, Апостол, Евангелие, согласно этой иерархически выстроенной классификации, относятся к конфессиональной литературе, исторические сочинения и переводные повести – к светской и т.д. [Толстой, с. 69].

В.В. Кусков также разработал собственную систему древнерусских жанров, среди которых выделил две основные группы: жанры исторические (предание, сказание, повесть) и религиозно-дидактические (торжественные слова, поучения, жития хождения) [Кусков, 2003, с. 48].

Эти классификации соотносимы между собой: в обоих случаях за основание взято известное «двоемирие», признается своеобразная полярность средневековой культуры. Конфессиональную и светскую литературу Н.И. Толстого можно сопоставить с религиозно-дидактической и исторической В.В. Кускова соответственно.

В целом классификации древнерусских жанров трудно назвать законченными. Ученые, главным образом историки литературы (В.В. Кусков, И.П. Еремин, Н.И. Толстой, Д.С. Лихачев и др.), говоря о каком-либо древнерусском жанре, зачастую или не указывают признаки, на основании которых он был ими выделен, или нарушают основной критерий этих признаков – специфичность [Кусков 2003; Еремин 1966; Толстой; Лихачев 1986].

Современной науке широко известна и точка зрения, принадлежащая В.М. Живову, согласно которой светское в ареале древнерусской культуры воспринимается как анахронизм, поскольку отсутствует отмеченная дихотомия *светское / духовное*. «В Византии светская и духовная культура, переплетаясь и взаимодействуя, остаются тем не менее противостоящими традициями. В древней Руси подобная дихотомия (в рамках книжной

культуры) отсутствует, элементы византийской светской культуры, попадая на Русь, осмысляются как часть единой христианской духовной традиции» [Живов, 2002, с. 95]. Оригинальные восточнославянские сочинения, по мнению ученого, также не создают оппозиции духовной и светской литературы. Следовательно, в древнерусском литературном пространстве отсутствует первоначальная расчлененность, в частности структурирование литературных произведений по жанровому принципу. Указанная точка зрения подробно изложена исследователем в работе «Особенности рецепции византийской культуры в древней Руси» [Живов, 2002].

Таким образом, мы пришли к выводу об отсутствии четких критериев для выделения того или иного жанра в древнерусский период. Ясно также и то, что термин *стиль* в его применении к лингвистическому исследованию древнерусских текстов имеет значение довольно обобщенное. Сказанное позволяет сделать вывод о том, что нельзя отождествлять древнерусское и современное представления о стиле и жанре.

1.1.2. Проблемы жанрово-стилевой дифференциации древнерусских текстов

В предыдущем параграфе мы сделали вывод о том, что вопрос о выделении жанров в древнерусской литературе можно назвать проблемным. Д.С. Лихачев в «Поэтике древнерусской литературы» пишет, что названия жанров «различаются между собой далеко не точно», что «под одним названием могут находиться совершенно различные произведения» (в связи с этим книжники очень часто ставят в заглавие произведения одновременно по два жанровых определения, а то и больше; например «Сказание и повесть...», «Сказание и послание...», «Повесть и чудеса...» и т.д.) [Лихачев, 1967, с. 320]. Главная причина такого смешения, по мнению ученого, заключается в том, «что основой для выделения жанра, наряду с

другими признаками, служили не литературные особенности изложения, а самый предмет, тема, которой было посвящено произведение» (например «Мучение Варвары и Иулиании», «Видение Григория» и т.д.) [Лихачев, 1967, с. 321].

По мнению Д.С. Лихачева, «жанры средневековой русской литературы были тесно связаны с их употреблением в быту – светском и церковном. В этом их отличие от жанров новой литературы, образующихся и развивающихся не столько из потребностей обихода, сколько под влиянием внутренних законов литературы и литературных требований» [Лихачев, 1979, с. 448]. Итак, древнерусские жанры сопоставимы не столько с современными литературными жанрами, сколько с жанрами речевыми, поскольку также удовлетворяли потребность общества в закреплении тех или иных отношений (житие, к примеру, было частью обряда канонизации, мирный договор закреплял политические отношения и т.д.).

Существуют современные исследования, которые по-новому освещают интересующую нас проблему. Так, подробным изучением категории жанра в средневековой восточнославянской книжности занимается Л.В. Левшун. В статье, опубликованной в научном журнале «Древняя Русь: вопросы медиевистики», она освещает общепринятый взгляд (в первую очередь, Д.С. Лихачева) на теорию жанра и канона.

Исследователь приходит к довольно смелому, но не безосновательному выводу: «Жанров в каноническом христианском искусстве потенциально может быть столько, сколько адресатов», то есть бесконечно много [Левшун, с. 11]. Известный историк языка, специалист в области исторической стилистики В.В. Колесов высказывает сходную мысль: «То, что теперь понимается как стиль, в средние века определялось установкой текста» [Колесов 1989, с. 155].

Приведем некоторые традиционные положения, отмеченные Л.В. Левшун:

1. Средневековое творчество канонично. Все без исключения категории поэтики средневековой книжной культуры так или иначе связаны с категорией канона.

2. Канон – устойчивый жанрово-стилевой комплекс, который должен обязательно воспроизводиться в каждом произведении.

3. Каноническое искусство отождествляется с искусством устойчивых жанрово-стилевых комплексов – это часто называют еще традицией, традиционалистским искусством.

4. По Д.С. Лихачеву определение *каноническое* присваивается церковному *традиционалистскому* искусству, а определение *этикетное* – светскому *традиционалистскому* искусству.

Л.В. Левшун иначе смотрит на поставленную проблему: канон в собственном смысле не есть устойчивый жанрово-стилевой комплекс, которому необходимо следовать внешне-формально. Канон – это принцип (ракурс) видения, «думания» и воспроизведения; это творческий принцип, актуализирующий известную функцию (цель) произведения, а через нее – художественную форму; это творческий метод христианской культуры.

Особое внимание в работе Л.В. Левшун уделяется жанровому канону (именно он актуализирует тот или иной жанр). Жанровый канон вообще не имеет непосредственного отношения к формально-изобразительным признакам жанра, не ограничивает художественную форму жанра. Жанр имеет смысл, то есть собственно функционален настолько, насколько он соответствует своему жанровому канону, своему жанровому методу. Основной критерий различения жанров – жанровая внелитературная функция, которая традиционно отождествляется со сферой употребления произведений того или иного жанра. Жанровый канон / метод, по мнению исследователя, есть модификация творческого метода / канона христианской культуры в отношении характера адресата. Жанр как категория, в свою очередь, представляется актуализацией или проявлением жанрового канона в

условиях конкретной аудитории. Канон лишь указывает ориентир, а адресат «диктует» признаки жанра. Следовательно, жанров в каноническом христианском искусстве потенциально может быть столько, сколько адресатов, а значит, трудно систематизировать средневековые жанры по какому-то одному основанию.

Изложенная здесь точка зрения представляется нам довольно убедительным объяснением тех неточностей, с которыми мы сталкивались при изучении литературы по данной теме.

Таким образом, вопрос о жанрово-стилевой принадлежности того или иного произведения решается тем труднее, чем раньше был создан интересующий исследователя текст. По этой причине возникают трудности терминологического характера: размываются границы таких понятий, как канон, традиция, стиль, собственно жанр, и их производных, что также затрудняет проведение исследования. С определенной долей уверенности можно сказать лишь о том, что русская жанровая система складывалась постепенно: путем создания многих и многих текстов, развивавшихся в русле той или иной традиции.

Несмотря на сказанное, «несомненно, что и древнерусская, и старорусская речь, представленная в многочисленных памятниках письменности XI-XVII вв. – текстах, неодинаковых по своему функциональному назначению и речевой организации, была внутренне дифференцирована» [Рылов, с. 187]. Именно осознание трудности (если не невозможности) определения древнерусских жанров привела многих известных исследователей к идее классификации русских средневековых текстов на более общих основаниях, то есть с учетом таких категорий, как литературный канон (Д.С. Лихачев), тип повествования (О.В. Творогов), форма летописного повествования (И.П. Еремин) и др.

Одной из наиболее авторитетных в этом отношении остается точка зрения академика В.В. Виноградова. Ученый выделил два типа

древнерусского литературного языка: книжно-славянский и народно-литературный (отдельно был рассмотрен язык деловых памятников) [Виноградов 1978, с. 185].

Несколько позже Н.А. Мещерский, опираясь на концепцию В.В. Виноградова, писал о трех жанрово-стилистических типах – деловом, церковно-книжном и светско-литературном – считая неправомерным выведение языка деловой письменности за рамки языка литературного [Мещерский, Электр. ресурс]. Что важно, названные типы не были различными языками, но функционально разграниченными и жанрово разнородными системами средств выражения.

Подобные классификации являются более гибкими, поскольку базируются на широко распространенном в науке взгляде на древнерусский язык как на результат взаимодействия двух традиций: светской и конфессиональной. *Традиция* понимается как «термин, применяющийся в литературе и по отношению к преемственной связи, объединяющей ряд последовательных литературных явлений, и по отношению к результатам такой связи, к запасу литературных навыков» [Литературная энциклопедия... , Электр. ресурс].

В связи со сказанным для наименования однородных текстовых образований, созданных в рамках данных традиций наиболее целесообразно, на наш взгляд, использовать термин *тип текста*, обозначающий одну из жанровых разновидностей текстов, «образованных по единой композиционно-смысловой схеме и реализующих некоторые общие для этих текстов компоненты коммуникативно-прагматической установки» [Ковалев, 2001, с. 29].

1.2. Жанрово-стилевая типология фрагментов «Повести временных лет»

1.2.1. «Повесть временных лет» как объект лингвотекстологического исследования

Внутренняя дифференциация речи может наблюдаться в пределах не только разных текстов, но также и одного текста, если последний обладает таким свойством, как компилятивность.

Компилятивность можно назвать отличительной чертой древнерусской литературы в целом: «Произведение существовало не в виде отдельной, самостоятельной рукописи, а входило в состав различных сборников, преследовавших определенные практические цели» [Кусков, 2003, с. 5]. Русский человек эпохи Средневековья был знаком с огромным множеством оригинальных и переводных четких сборников. Особенно известными среди них были Великие Четыи Минеи, Златоструй, Златоуст, Измагард, Лествица Иоанна Синайского и др. Компилятивность литературы Древней Руси, ее соборный характер связаны с анонимным характером культуры Средневековья. Образ автора книги в Древней Руси далек от образа современного автора-творца, выразителя независимого сознания. Средневековый автор – сводчик, переписчик, хроникер, редактор. И когда он осмеливается взять на себя роль создателя текста, то называет себя рабом Божьим, подчеркивая, что его творческое начало подчинено Высшему разуму.

Еще более ярко компилятивность в литературе Древней Руси проявлялась не на уровне сборника текстов, а на уровне отдельного текста. В пределах компилятивного целого жанрово-стилевые различия древнерусских произведений (или их фрагментов) становятся особенно заметными. И чем меньше расстояние между сравниваемыми объектами, тем сильнее

бросаются в глаза те черты, которые отличают их друг от друга. Показательным примером компилятивного произведения можно считать ПВЛ – древнейший летописный текст, названный О.В. Твороговым «литературно изложенной истории Руси» [Творогов, 1981, с. 31]. Данное произведение представляет собой свод: судя по всему, ее создатель мастерски работал с богатым арсеналом источников (византийские хроники, Священное Писание, исторические документы и др.), что не могло не отразиться на языковой организации памятника, в котором «соединены сугубо информативные фрагменты и повествования, обладающие несомненными литературными достоинствами» [Пауткин, 2002, с. 6]. По этой причине многие исследователи и называют летопись компиляцией, а компилятивность считают отличительной чертой летописных текстов.

Итак, древнейшие образцы русской литературы могли обладать разными жанрово-стилевыми особенностями, которые нередко проявлялись не только на уровне законченных произведений, но и на уровне их частей. Причем, как уже сказано ранее, мы не можем называть средневековые русские тексты и их фрагменты разножанровыми, то есть относящимися к разным жанрам: сам язык еще только формировался, зарождалась литературная традиция. В этом отношении летописные тексты вообще и ПВЛ в частности ввиду своей компилятивной природы представляют для исследователя особенный интерес.

В.В. Виноградов связывает летописные тексты с народно-разговорной традицией, что справедливо: они написаны на древнерусском языке с включением небольшого числа переводных элементов. Летописи в целом действительно можно обозначить как произведения светские: основной интерес для летописца, как было сказано выше, представляла история государства. Однако В.В. Виноградов делает очень важное замечание: в некоторых фрагментах летописи «явственно проступают элементы агиографической стилизации, основные черты церковнославянского языка»,

в таких фрагментах довольно часто можно встретить «традиционные церковнославянские формулы, литературные штампы» [Виноградов, 1978, с. 267].

Сходные мысли высказывает Д.С. Лихачев. Признавая, что в основе своей летописи отражали народную тенденцию, академик добавляет, что произведения эти «не были свободны» и от тенденции «книжной» [Лихачев, 1947, с. 7]. Неслучайно ученый назвал летопись «объединяющим жанром». Интересна точка зрения еще одного известного медиевиста, В.М. Живова, который говорит о двух регистрах в рамках книжного языка и относит летописи к гибриднему типу: «Объединенные общим религиозным пониманием, эти тексты не образуют четких жанровых границ и относительно свободно перераспределяют текстовый материал» [Живов, 1996, с. 41].

Таким образом, имеет смысл говорить о светской и конфессиональной традициях в литературе Древней Руси. Сделаем небольшую оговорку. Деление древнерусской литературы на светскую и конфессиональную вообще носит весьма условный характер, поскольку «чисто светских произведений, ориентированных на секулярное сознание и восприятие, до конца XVII в. не могло быть» [Данилевский, Электр. ресурс]. Тем не менее светская и конфессиональная традиция все же противопоставлены: первая ориентирована в большей мере на читателя-мирянина, нередко содержит развлекательный элемент, вторая же направлена на передачу и сохранение христианских ценностей; в центре внимания первой – «внешняя» жизнь человека, в центре внимания второй – «внутренняя».

Получается, что части, составляющие компилятивное летописное произведение, могут быть исследованы в зависимости от их принадлежности одной из двух обозначенных традиций – светской или конфессиональной. Если следовать терминологии В.В. Виноградова, в языке летописи действительно присутствуют как народно-разговорные, так и книжно-

славянские элементы, а значит, существуют основания для создания жанрово-стилевой типологии фрагментов ПВЛ.

Для историко-стилистического изучения ПВЛ значимы следующие основания для фрагментирования: тематика фрагмента, цель его включения в общее повествование и, конечно, его традиционное языковое оформление. На данный момент оказалось возможным выделить в исследуемом тексте такие типы фрагментов, как воинский (соотносимый со светской традицией), агиографический (соотносимый с конфессиональной традицией) и деловой. Кратко охарактеризуем каждый тип.

1. Воинский: изображение исторического события, связанного с борьбой русского народа против внешних врагов (в основном печенегов и половцев), а также с княжескими усобицами; центральный герой – обычно реальная историческая личность, как правило, князь.

2. Агиографический: в качестве главного предмета изображения выступают деяния святого или его жизненный путь в целом; предполагает использование определенных мотивов, например, мотивы наставничества, пророчества и др.

3. Деловой: в центре внимания автора находится та или иная деловая ситуация.

Обозначенное фрагментирование летописного текста делает возможным применение по отношению к нему лингвотекстологического метода, нацеленного на выявление сходных черт и различий в языковой организации разнородных частей исследуемого памятника.

1.2.2. Деловые фрагменты в «Повести временных лет»

Как было сказано выше, истории русского литературного языка известны различные подходы к изучению развития русской деловой

письменности. В данном исследовании мы не умаляем роли деловых текстов в складывании обработанной формы общенародного языка и считаем, что «деловые тексты древнейшего периода, безусловно, являются текстами русского литературного языка» [Воронцова, с. 5]. Более того, «деловая письменность как раз и явилась тем связующим звеном в цепи языковых и литературных «превращений», которые позволяли смешивать светские и духовные традиции, бытовое и гражданско-обиходное миропонимание» [Никитин].

Говоря о первых попытках закрепить устное право на письме, обычно вспоминают о «Русской правде» – своде феодальных законов Киевской Руси XI-XII вв. Но науке известны и более ранние юридические памятники – это договоры русских с греками, помещенные в ПВЛ под 911, 945 и 971 гг. М.Н. Тихомиров, известный отечественный историк, чья докторская диссертация посвящена происхождению текстов «Русской Правды», отмечает, что по сравнению с русско-византийскими договорами «Правда» «знает нормы, несомненно, более поздние» [Тихомиров, с. 20]. Вообще, определение деловой традиции в летописях – это серьезная текстологическая проблема. Несмотря на то, что сами тексты договоров сохранились лишь в относительно поздних списках (не ранее XIV в.), принято считать, что в них нашел отражение язык X в. [Лавровский, Якубинский, Обнорский, Ларин 1975], а значит, эти памятники действительно являются «древнейшими письменными источниками русской государственности» [Бибиков]. Включение названных текстов в летопись свидетельствует о жанрово-стилевой неоднородности последней, это и «есть подтверждение того факта, что текст летописи не может рассматриваться только в русле исторической традиции, а представляет собой весьма сложное, разноуровневое литературно-эстетическое, идеологическое и в целом художественное произведение, допускавшее в свой состав документальные свидетельства,

выделяющиеся не только содержанием, но и особенностями слога и построения» [Никитин].

Исследования, посвященные стилю русско-византийских договоров и технике их перевода, начали появляться еще в XIX в., однако и современные ученые признают, что до сих пор «в лингвистическом отношении договоры изучены недостаточно» [Максимович, с. 128]. Существует несколько факторов, затрудняющих работу с данными текстами. Во-первых, они невелики по объему, в то время как в историко-стилистическом исследовании объем материала напрямую связан с уровнем доказательности результатов. Во-вторых, ставится под сомнение оригинальный характер интересующих нас памятников. Установлено, что договоры имеют переводной характер, в их языке можно найти черты так называемого греческого влияния [Лавровский, Срезневский 1986, Якубинский]. В-третьих, хронологическая отдаленность памятника также представляет собой своего рода препятствие на пути историка языка: возникает множество испорченных при переписке чтений, что делает затруднительным реконструкцию первоначального смысла произведения. Тем не менее, изучение языка договоров Руси с Византией в жанрово-стилевом аспекте представляет большой интерес, и дело не только в том, что в этих произведениях представлены древнейшие сохранившиеся образцы русской деловой речи – договоры Руси с Византией отличаются от остальных частей ПВЛ в собственно лингвистическом отношении.

В современной стилистике деловая речь определяется как «совокупность стандартов письменной речи, необходимых в официально-деловых отношениях» [Граудина, с. 230]. Такие стандарты присутствовали уже в первых текстах деловой тематики. Более того, в отечественной науке бытует мнение, что определенные стилевые черты начали складываться еще в дописьменный период: «В посольских, договорных, воинских речах до появления письменности были выработаны, очевидно, деловые термины и

устойчивые выражения» [Улуханов, с. 96]. Официально-деловой стиль вообще «выделился прежде других письменных стилей благодаря тому, что обслуживал важнейшие сферы государственной жизни: внешние отношения, закрепление частной собственности и торговлю» [Колтунова, с. 16].

Функциональный стиль в современном языкознании рассматривается через сумму стилеобразующих факторов, которые, в свою очередь, обуславливают комплекс стилевых черт и стилевую доминанту. Названным характеристикам должна соответствовать система языковых средств. Так, стилевая доминанта современного официально-делового стиля – предельная точность изложения, не допускающая возможности инотолкования, что объясняет, к примеру, наличие в текстах данного стиля разного рода осложняющих конструкций – рядов однородных членов, причастных и деепричастных оборотов и др. При этом стилевые черты и способы их языкового выражения выстраиваются в довольно четкую и логичную систему. Такое единство языка деловой литературы возникло не сразу: «Лишь с XV-XVI веков, по мере усиления централизации административной системы создается единство административной терминологии и фразеологии, единство основных норм языка деловой письменности» [Ларин 1977, с. 170]. Тем не менее, известно, что язык деловой письменности Древней Руси все же «определенным образом нормирован, имеет свои традиции, закреплённые формулы, пользуется рядом черт книжного языка, он особым образом престижен, поскольку это язык не только грамот и завещаний, это язык права, государственности» [Ремнева, с. 10]. Следовательно, даже самые ранние древнерусские тексты деловой направленности действительно возможно рассматривать как начальный этап в истории развития официально-делового стиля.

1.2.3. Воинские фрагменты в «Повести временных лет»

Помимо немногочисленных деловых фрагментов, представленных русско-византийскими мирными договорами, в ПВЛ присутствует большое количество фрагментов военной тематики. Эти фрагменты имеют самый разный объем и представлены во всех без исключения частях летописи. Повышенный интерес к обозначенной проблематике был обусловлен общим ходом историко-литературного процесса.

Как было сказано выше, раннее появление деловых текстов было вызвано необходимостью документального закрепления определенных юридически значимых ситуаций. Подобным образом объясняется широкое распространение в Древней Руси произведений, которые в научной традиции принято относить к жанру так называемой воинской повести. Действительно, исключительная популярность этих текстов была продиктована временем: «В условиях постоянной борьбы за независимость государства <...> воинская тема в течение всего средневековья привлекала к себе писателей» [Адрианова-Перетц, с. 115]. Произведения данной тематики создавались, чтобы поднимать дух молодого русского государства, укреплять веру в его свободу и независимость. Именно поэтому принято считать, что начальный этап формирования воинской повести как жанра хронологически совпал с возникновением письменности в целом. Однако относительно законченные тексты появились не сразу: первые классические образцы были созданы не раньше XIII в. (например «Повесть о разорении Рязани Батыем» XIII-XIV вв., «Слово о Куликовской битве Софония Рязанца» XIV-XV вв.).

Тексты военной тематики, в отличие от первых документов, имеют более определенную принадлежность к традиции: их следует рассматривать как светские исторические произведения. Для обозначения данных памятников используются и другие термины, например, летописная повесть,

летописный рассказ, историческая повесть, героическая повесть, «которые также обозначают литературные произведения на воинскую тему» [Прохазка, с. 228]. Н.В. Трофимова, специалист по истории древнерусской литературы, чья докторская диссертация посвящена изучению поэтики и эволюции жанра воинской повести, относит произведения, написанные в русле данной традиции, к XI-XVII вв. И хотя сам термин *воинская повесть* имеет длительную историю употребления, «до настоящего времени не существует единого определения жанра» [Трофимова, 2013, с. 7]. У Н.И. Прокофьева находим довольно ясную характеристику исторической повести. Данный жанр, по его мнению, отличается историзмом событий и персонажей, построением в соответствии с логикой и хронологией происшедшего, а также сосредоточенностью на действиях, а не на их производителях [Прокофьев, с. 32]. Понятие *историческая повесть* включает в себя понятие *воинская повесть*: последняя предполагает отбор в соответствии с объектом повествования.

Воинская повесть, как и большинство древнерусских произведений, строится по определенному канону. В наиболее общем виде композиция классической воинской повести имеет трехчастную структуру: подготовка к сражению – сражение – исход сражения. Указанная схема нередко представлена более подробно. Как правило, такие детальные схемы встречаются в трудах литературоведов. Приведем пример повествовательной модели, в соответствии с которой, по мнению одного из исследователей, строились воинские повести. В нее оказываются включены: 1) злонамеренное деяние противника; 2) смирение князя и упование на силу Бога и молитвы; 3) столкновение с противником, ведомым яростью и гневом; 4) божественная помощь, которая иногда принимает форму прямого вмешательства; 5) безоговорочная победа князя и бегство противника; 6) рассуждение летописца о том, что все происходящее является следствием грешного образа жизни и утверждение, что человек не может ничего без

божественной помощи [Петровская]. Все эти замечания касаются довольно поздних образцов воинской повести (с XIV в.). Для воинских фрагментов ПВЛ подобную композиционную схему описал О.В. Творогов: «Сообщается о начале битвы, затем указывается на ее ожесточенность, а в заключение называется победитель и говорится о бегстве противника» [Творогов, 1964, с. 32]. Отметим, что степень универсальности подобного рода композиционных построений напрямую зависит от степени их распространенности: чем больше обязательных композиционных элементов, тем меньше вероятность, что все существующие воинские повествования попадут под предложенное описание. Получается, что композиционные составляющие могут сворачиваться до трехчастной схемы или же быть представлены более подробно, а значит, и список общих мест также подвержен модификации. В тексте летописи мы наблюдаем лишь отдельные структурные элементы воинской повести, являющиеся, тем не менее, значимыми для формирования жанра в целом.

Действительно, в ПВЛ мы находим древнейшие фрагменты, положившие начало жанру воинской повести, где «описание событий, связанных с военными походами князей, приобретает характер исторического документального сказания, свидетельствующего о формировании жанра воинской повести» [Кусков, 2003, с. 67]. В отличие от текстов договоров летописные фрагменты военной тематики не всегда представляют собой композиционно-смысловое целое, однако являются уже полностью аутентичными, непереводаемыми, а значит, более показательными с точки зрения лингвистического анализа.

Ученые отмечают, что трудно определить, когда именно произошло выделение жанра воинской повести из состава летописи. Уже в ПВЛ и особенно в местных летописях встречаются довольно развернутые и законченные фрагменты, с точки зрения формы и содержания вполне сопоставимые с полноценными воинскими повестями, к тому же

установлено, что зачастую эти фрагменты «мало связаны с окружающими их сообщениями и представляют собой самостоятельные произведения» (например, «Повесть о взятии Царьграда фрягами в 1204 г.» в составе Новгородской I летописи») [Трофимова, 2013, с. 8]. Следовательно, имеет смысл рассматривать некоторые части летописного повествования как источник изучения жанрово-стилевого своеобразия воинской повести.

В процессе поиска в тексте ПВЛ фрагментов, предшествующих появлению воинских повестей, необходимо, на наш взгляд, руководствоваться принципом тематического единства, то есть опираться в большей степени на содержание, а не на форму, потому как последняя находилась в то время в процессе активного становления. Назовем интересующие нас в этой части работы летописные фрагменты воинскими, т.к. они раскрывают определенные военные ситуации, причем сообщение о них не обязательно должно быть развернутым.

С точки зрения формы фрагменты изучаемого памятника не являются однотипными, поскольку, как известно, летопись может подавать информацию различными способами. Об этом пишет И.П. Еремин в статье «Киевская летопись как памятник литературы» [Еремин, 1949, с. 67]. Ученый делит весь повествовательный материал исследуемого текста на три группы: погодную запись, рассказ и повесть. Последняя форма связана с агиографической традицией, а потому в данной части работы нами рассмотрена не будет. Погодная запись представляет собой краткое, строго документальное сообщение, располагающееся, как правило, сразу же за указанием года, к которому относится то или иное историческое событие. С точки зрения содержания погодные записи весьма разнообразны, объединяет их выбор способа сообщения о событии, которое в данном случае оценивается как заслуживающее упоминания, но не нуждающееся в подробном изложении. Тематика погодных записей довольно широка: война, начало княжения, рождение у князя сына или дочери, наречение имени,

смерть политически значимого лица, основание города или церкви и т.д. Приведем в пример три погодные записи, идущие друг за другом:

- *в лѣтѣ [1027] родисѣ .г.-и сны ярославу и нареч имѣ ему стославъ* (ЛЛ, 50 об.)¹,
- *в лѣтѣ [1028] знаменьє [змиево] явисѣ на нбси яко видѣти всеи земли* (ЛЛ, 50 об.),
- *в лѣтѣ [1029] мирно бысть* (ЛЛ, 50 об.).

Важно отметить, что большая часть погодных записей сообщает о разного рода военных событиях, информация о которых зачастую представлена довольно скупо и фрагментарно:

- *в лѣтѣ [966] вѣтичи побѣди стославъ и дань на нихъ възложи* (ЛЛ, 19 л.),
- *в лѣтѣ [1041] иде ярославъ на мазовѣшаны въ лодьяхъ* (ЛЛ, 52 л.),
- *в лѣтѣ [1058] побѣди изѣславъ голоди* (ЛЛ, 55 л.).

Именно записи о военных событиях наиболее часто подвергались распространению. В таком случае автор летописи не ограничивался простой констатацией факта, стремился передать военное событие более подробно, и краткая запись постепенно превращалась в развернутое повествование (погодная запись и рассказ в терминологии И.П. Еремина). Одним из примеров можно считать запись, относящуюся к 977 г. (ЛЛ, 23 л.-23 об.). Данный фрагмент представляет собой сообщение на военную тему, в котором есть традиционное начало (*Поиди Ярополкъ на Олга брата своего*) и результаты действия (*побѣди Ярополкъ Олга, и приѣ власть его Ярополкъ, Ярополкъ посадники своя посади в Новѣгородѣ и бѣ володѣя единъ в Руси*), но главное отличие этого фрагмента заключается в том, что кроме описания основного события – захвата власти Ярополком – здесь еще рассказывается о смерти Олега, женитьбе Ярополка, бегстве Владимира.

¹ Здесь и далее примеры из древнерусских текстов даются в упрощенном графическом виде.

И.П. Еремин отмечает исключительную близость рассказа и погодной записи: обе формы изложения материала документальны, не содержат вымысла. Все отличия рассказа от погодной записи признаются исследователем незначительными, несущими количественный, а не качественный характер: «Большой объем повествования, большая подробность изложения, известная связность и непрерывность его, большая по охвату фактов документальность, даже интерес к мелким деталям того или иного события, даже ‘автор’ – все это само по себе еще не свидетельствует о новом качестве летописного рассказа» [Еремин, 1949, с. 81]. Мы, вслед за И.П. Ереминым, склонны считать, что рассмотренные формы изложения одинаково отражают историческую действительность, а значит, могут быть в равной степени интересны с точки зрения истории развития жанра и стиля.

Таким образом, большая часть фрагментов ПВЛ – фрагменты воинского типа, сообщающие о сражениях внутри молодого древнерусского государства и за его пределами. Несмотря на то, что объем подобных летописных сообщений мог быть самым разным, их композиция, как правило, оставалась неизменной, следствием чего стало употребление традиционных языковых средств – формул.

1.2.4. Агиографические фрагменты в «Повести временных лет»

Несмотря на то, что большая часть текстового пространства ПВЛ посвящена описанию военных событий, значительная роль в данном произведении, как и в древнерусской литературе вообще, отводилась фрагментам религиозной тематики. Ученые неоднократно предпринимали попытки выстроить своего рода иерархию типов древнерусских письменных памятников. Н.И. Толстой считал, что «книжно-письменную культуру,

формируемую религией Писания, можно сравнить с пирамидой, верхние ярусы которой занимает конфессиональная литература, а нижние – светская» [Мечковская, с. 227]. И хотя «было бы антиисторично считать, что для древнерусского читателя вся эта литература имела лишь узко церковное значение» [Адрианова-Перетц, 1964, с. 42], средневековое сознание в целом было направлено на передачу христианской системы ценностей, и передача эта осуществлялась в первую очередь за счет создания текстов, т.е. главным образом на собственно языковом и текстуальном уровнях. Следовательно, проникновение конфессиональной традиции в летопись можно рассматривать как явление вполне закономерное. Данное замечание помогает объяснять многие содержательные особенности летописи, и в первую очередь, ее языковую и тематическую неоднородность.

Общая линия построения текста летописи (*лѣто + писати*), казалось бы, довольно прозрачна: это погодная запись исторических событий древнего времени. Действительно, интересующие нас произведения наиболее часто рассматриваются с точки зрения отражения в них реальных событий, истории создания летописных сводов и т.д. Эти и некоторые другие вопросы поднимаются в работах Д.С. Лихачева, А.А. Шахматова, Я.С. Лурье, М.Д. Приселкова, А.Н. Насонова и мн.др. [Лихачев, 1947; Шахматов, 1940; Лурье; Приселков; Насонов]. Однако при таком подходе довольно трудно понять цель включения в ПВЛ значительного числа фрагментов, содержащих отступления от конкретно-исторического повествования, ведущегося «по годам». Прежде чем объяснить наличие в летописном тексте таких, на первый взгляд, чужеродных с точки зрения жанра текстовых элементов, как некролог, поучение, рассказ о знамени, необходимо понять, для чего в действительности создавался интересующий нас текст, поскольку, как известно, «именно замысел определяет набор и порядок изложения известий в летописи» [Данилевский, 1999, с. 14].

Для современной научной мысли не является новой концепция, в рамках которой летописям отведена роль своего рода скрижалей, «книг жизни», где находят отражение людские деяния, которые будут иметь значение на Страшном Суде. Возможно, «летописцы стремились не только зафиксировать те или иные действия людей, но и повлиять на решение их судьбы – через отбор сообщений для внесения в летопись или тенденциозное редактирование» [Гимон]. Признано, что «и воинская повесть, и летопись, относимые чаще всего к памятникам мирской литературы, изображают и истолковывают события с религиозной точки зрения» [Ранчин]. В утверждении посредством Слова новой, христианской, веры создатель летописного текста видел одну из своих ключевых задач [Данилевский, 1999]. Согласно данной точке зрения, «летописца интересуют не сами по себе события, а ‘божественная логика’, которая управляет всем ходом человеческой истории» [Бахтина, 1999, с. 261]. Такой подход к пониманию цели создания летописи отчасти объясняет известную стилистическую неоднородность исследуемого текста, а следовательно, и наличие значительного числа отступлений от документирующего повествования, которые, вероятно, являются отступлениями только формально: напротив, «исторические события представляются временными, частными воплощениями вневременных событий библейской истории» [Аникин].

Подавляющее большинство подобного рода «отступлений» в летописи так или иначе соотносимы с жанром жития. В летописных фрагментах агиографического характера представлена конфессиональная традиция. Эти части текста, в отличие от рассмотренных выше, направлены, прежде всего, на воздействие, которое в летописи обычно достигается косвенным путем: через описание жизненного пути праведника. В качестве главного предмета изображения в агиографических летописных фрагментах выступают деяния святого или его жизненный путь в целом, здесь используются определенные мотивы: учительства (наставничества), пророчества, исцеления, юродства и

др. Эти тексты, как правило, отличаются высокой степенью художественной занимательности и обладают значительной литературной ценностью, т.к. подходят под определение «поэзии идеального преображения жизни», которая, по мнению И.П. Еремина, только и представляет «собственно литературу как искусство» [Еремин, с. 78.]. И если деловые тексты никогда не характеризовались художественностью как таковой, а воинские произведения лишь со временем приобрели черты изобразительно-выразительные (правда, с оттенком публицистичности), то тексты, описывающие жизненный путь святого, всегда отличались занимательностью и оригинальностью.

Житие как тип текста пришло на Русь из Византии, где возникло в сер. VI в. Словом *житие* еще в византийской литературе обозначался особый тип текста, включающий жизнеописания знаменитых патриархов, епископов, монахов-основателей крупных монастырей, а также биографии светских лиц, которых церковь считала святыми. Как известно, «язык богослужебных книг и связанная с ним литература литургического творчества принесли к восточным славянам богатую традицию христианской теории, догматики, духовной поэзии и песни» [Виноградов, 1978, с. 254].

Наиболее ярко отражают агиографические черты летописные фрагменты о Феодосии Печерском и первых печерских черноризцах, а также рассказ об убиении Бориса и Глеба. Получается, в ПВЛ можно найти элементы двух типов житийных текстов, наиболее распространенных на Руси. Их появление обусловлено существованием в древнерусской литературе двух типов героев – церковного и государственного служителей. Именно названные фрагменты ПВЛ, на наш взгляд, можно считать одними из первых оригинальных житийных текстов. Так, А.А. Шахматов считает «Чтение» и «Сказание» о Борисе и Глебе результатом творческой переработки протографа – «Древнейшего Киевского летописного свода», который ученый датирует второй четвертью XI в. [Шахматов, 2001] В

современных исследованиях мы также находим подтверждение данной идеи: «Уже в XI веке на Руси начали складываться оригинальные жития (Бориса и Глеба, Феодосия Печерского, княгини Ольги, князя Владимира, Александра Невского, князя Михаила Черниговского), что соответствовало духовным и религиозным требованиям того времени» [Лоевская].

Обращаясь к обозначенным выше летописным фрагментам, нельзя не отметить одну значимую их особенность: все они объединены агиографической традицией, поскольку изображают фигуру святого как абсолютный идеал, однако фактически не содержат информации непосредственно о «житии»: в летописи зачастую описано только преставление героев, сопровождаемое пространной похвалой и выполненное, безусловно, в традициях классического жития. Чтобы объяснить этот факт, вспомним о специфике организующих летописный текст погодных записей. Дело в том, что список тем, считавшихся достойными упоминания в летописи, был довольно закрытым: война, начало княжения, рождение у князя сына или дочери, наречение имени, смерть политически значимого лица, основание города или церкви и некоторые другие. Упоминание об этих событиях в летописи имеет документирующий характер, здесь нет места развернутому повествованию. Отсюда и немногословность летописца, сообщающего о преставлении известных государственных деятелей, чаще всего князей. Исключительным случаем можно считать летописные сообщения о войне, которые под пером летописца часто превращались в довольно объемные тексты. Тем не менее, в летописи все же встречаются случаи разворачивания сообщения о преставлении того или иного значимого для того времени лица. В таких случаях мы имеем дело с посмертной похвалой умершему (некрологом). Древнерусский автор понимал, что смерть представляет собой итог человеческой жизни и имеет особое значение: добродетельные поступки и праведная жизнь прославят человека, а греховная жизнь, напротив, помешает войти душе в Царство Божие.

А.А. Пауткин придерживается мнения о том, что *некролог* – это повествование особого типа, рассказывающее о смерти того или иного князя и относящееся к панегирикам. Некрологи создавались с целью утверждения в древнерусском языковом сознании нового просветленного образа идеального князя, отличающегося христианскими добродетелями, то есть с целью восхваления. Именно в рамках некрологических характеристик сами события, человек и его поведение приобретают новые очертания, далекие от привычной документальности [Пауткин, 2002].

Т.Б. Рудомазина приводит классификацию некрологов. К первой группе она относит некрологи, отличающиеся обширной повествовательностью, пространностью, наличием монологов и диалогов, «церковного экфразиса», замещающего княжескую молитву. Ко второй группе относятся более лаконичные некрологи, среди которых выделяются:

- некролог-похвала (известие о смерти и захоронении, а затем перечисление добродетелей);
- некролог-плач (известие о смерти и захоронении, а затем мотив плача);
- некролог, совмещающий похвалу с плачем;
- некролог, сообщающий только о смерти и захоронении (погодная запись) [Рудомазина, с. 228-235].

Ученые видят следующие основные причины создания летописцами некрологов:

- попытка канонизации князя [Кусков, 2001; Турилов];
- потребность восполнения «разрозненности биографических фактов», а также создание индивидуального княжеского портрета [Пауткин, 1989].

Т.Б. Рудомазина в своей диссертации «Летописные повествования о княжеской смерти: жанрово-стилевой анализ» понимает некролог, в первую

очередь, как повествование, посвященное князьям-христианам с целью создания идеального образа правителя, преисполненного всевозможными добродетелями, посредством эксплицитных и имплицитных художественных средств [Рудомазина].

На изображение человека вообще и на посмертную характеристику князя, по мнению Д.С. Лихачева, значительное влияние оказало христианское мировоззрение, стиль средневекового монументального историзма, из которого логически выводится тенденция к эстетизации, кроме того, для создания княжеского портрета был характерен отказ от официальности, а также появление конкретики и реализма [Лихачев, Электр. ресурс].

Практически все летописные некрологи посвящены князьям. Подробнее всего в ПВЛ представлены посмертные характеристики княгине Ольге, а также князьям Владимиру, Ярополку, Изяславу, Ярославу Мудрому, Всеволоду, братьям Борису и Глебу). Особое место в летописи занимает антинекролог Святополку Окаянному. Кроме того, в тексте содержится похвала преподобному Феодосию Печерскому.

Итак, исходя из жанрово-стилевых особенностей компилятивного текста ПВЛ, мы можем говорить как минимум о трех типах фрагментов – воинском, агиографическом и деловом. Специфика каждого из названных типов выявляется в ходе лингвистического анализа текста. В этом отношении показательным представляется анализ такой актуальной для древнерусского языка категории, как формульность.

Таким образом, в пределах одного памятника, ПВЛ, мы можем найти следы двух основных традиций древнерусской литературы – светской и конфессиональной. Первая отражена в воинских фрагментах, которые представлены в исследуемом произведении довольно обширно, вторая проявила себя в агиографических фрагментах, которые уступают воинским фрагментам в количественном, но не в идеологическом отношении. Отдельно

следует рассматривать деловые фрагменты ПВЛ – включенные в общий текст мирные договоры Руси с Византийской империей.

1.3. Традиционные формулы в древнерусском тексте

1.3.1. Термин *традиционная формула*

Совершенно очевидно, что язык русских средневековых произведений отличается клишированностью и, как следствие, формульностью: в древнерусских текстах содержится огромное множество устойчивых сочетаний. Как отмечает известный специалист в области древнерусской литературы академик А.С. Орлов, «в средние века русской письменности внешность ее произведений была менее богата, мы имели меньше материала для выражения и поэтому дорожили им – отсюда повторение и некоторое однообразие схем и формул. <...> Пользование стереотипным шаблоном <...> есть общее свойство средних веков» [Орлов, с. 50].

Формульность древнерусского языка эксплицируется в тексте посредством единиц особого ранга, представляющих собой своеобразные устойчивые сочетания. В языкознании исследованием подобного рода единиц занимается фразеология, понимаемая как «раздел науки о языке, изучающий систему языка в ее современном состоянии и историческом развитии» [Шанский, с. 4]. Однако трудность состоит в том, что «не установлено диахроническое развитие фразеологии» [Федоров, 1973, с. 4], «перспективная линия изучения (от древнейшего состояния к современному) фактически не представлена» [Пименова, с. 51]. Показательно, что крайне трудной является задача составления диахронического фразеологического словаря [Бабкин, с. 7]. Такого словаря до сих пор нет, хотя известны случаи выпуска подобных изданий (можно вспомнить, например, первый и пока что

единственный в своем роде «Фразеологический словарь старославянского языка», изданный в 2011 г., а также многочисленные труды, в которых прослеживается история отдельных фразеологических единиц (см. работы В.М. Мокиенко, Н.М. Шанского и др.). Кроме того, некоторые сведения о древних устойчивых сочетаниях можно найти в статьях исторических словарей. Сказанное свидетельствует о том, что интересующее нас языковое явление, без сомнения, существовало, а количество «темных мест» в истории его изучения лишь доказывает неперенное наличие предмета дискуссии, а также необходимость разрешения проблемных вопросов.

История фразеологии как лингвистической дисциплины в отечественном языкознании восходит к трудам Ф.И. Буслаева, А.А. Потебни, А.А. Шахматова, В.В. Виноградова, Б.А. Ларина и др. [Буслаев 1854; Потебня, 1976; Шахматов, 1941; Виноградов, 1977; Ларин 1977]. С точки зрения исторического развития фразеологизмы изучались В.Л. Архангельским, О.В. Горшковой, О.А. Лаптевой, С.Г. Шулежковой, А.Г. Ломовым, Н.Г. Самойловой и др. [Архангельский, Горшкова, Лаптева, Шулежкова, Ломов, Самойлова].

На данный момент не существует не только адекватного научного описания древнерусских устойчивых образований, но и их общепринятого обозначения. В.В. Колесов отмечает, что предлагаемые учеными термины были созданы на различных основаниях [Колесов, 1989].

1. Внешний состав языковой единицы:
 - группа (В.М. Загребин);
 - устойчивый словесный комплекс (А.Г. Ломов);
 - словесное сращение (А.Н. Робинсон);
 - бин, блок (А.Т. Хроленко).
2. Ритмомелодическое единство словесного комплекса:
 - колон (Р. Пиккио);

- период (античная традиция до риторик XVII в.).
3. Синтаксическое (контекстное) единство словесного комплекса:
 - синтагма (Л.В. Щерба);
 - синтаксема (М.М. Копыленко);
 - синкретема (М.В. Пименова);
 - формула-синтагма (В.В. Колесов).
 4. Функциональное назначение словесного комплекса:
 - стереотипные формулы, повторяющиеся при однородных случаях (В. Мансикка);
 - постоянные (повествовательные) формулы (А.С. Орлов);
 - устойчивые формулы (И.П. Еремин, Н.А. Мещерский; О.П. Лопутько);
 - готовые (стойкие) литературные формулы (В.П. Адрианова-Перетц);
 - поэтический фразеологизм (А.Т. Хроленко, М.М. Копыленко);
 - традиционное устойчивое словосочетание, традиционная формула (О.В. Творогов).
 5. Отношение к коммуникативной функции:
 - повествовательные шаблоны (А.С. Орлов);
 - готовый ярлык (В.В. Виноградов);
 - готовые стереотипы (О.Ф. Коновалова);
 - речения-штампы (А.И. Генсьорский);
 - трафареты, трафаретные формулы, трафаретные выражения (Л.Я. Костючук);
 - неизменные (заученные) выражения (В.О. Ключевский);
 - цельные (застывшие, шаблонные) сочетания (А.М. Пешковский);
 - традиционные словосочетания-штампы (Т.Н. Кандаурова).
 6. Отношение к поэтической функции:

- стилистические формулы (Н.К.Гудзий, С.А. Богуславский);
- стилистические трафареты (Д.С. Лихачев);
- стилистические шаблоны (Б.А. Ларин);
- стилистические формулы с ключевыми словами-символами (О.Ф. Коновалова);
- минимальный контекст, в рамках которого действует троп (Е.Т. Черкасова);
- минимальный контекст, обработанный для запоминания (В.И. Ярцева).

Обобщив сведения, полученные при работе с научной литературой, посвященной данной проблематике, можно сделать вывод, что диахронические исследования о языке содержат сведения о формулах двух типов. Первые представляют собой основные строительные единицы древнерусского текста, средства поиска наиболее точных обозначений, а значит, и познания действительности; вторые же выполняют стилистическую функцию, они, в отличие от первых, «сняты с языка» подобно современным фразеологизмам. Имея в виду формулы первой группы (исходные, первичные, древнейшие), В.В. Колесов пишет, что «стилистическим средством [они] стали только в момент их разрушения» [Колесов, 1989, с. 137]. В самом деле, процесс возникновения и становления формулы как стилистического средства находился в отношениях взаимной обусловленности с процессом распада именного синкретизма: постепенно происходила своего рода семантическая сепарация компонентов изначально устойчивого оборота.

Древнейшие формулы, таким образом, изначально функционировали в условиях именного синкретизма. Затем, по мере разрушения последнего, первичные устойчивые сочетания, изначально выполнявшие номинативную функцию, стали восприниматься как стилистическое средство. Формула как

средство познания действительности прекратила свое существование с завершением распада именованного синкретизма. Стилистические же формулы бытовали в древнерусских текстах разного типа до тех пор, пока эти тексты продолжали создаваться. Поскольку сама идея о разграничении этих двух видов формул в истории языка представляется крайне затруднительной, в нашем исследовании будет использован термин традиционная формула, который, вслед за О.В. Твороговым, мы понимаем как широко распространенное устойчивое словосочетание [Творогов, 1962, с. 277].

Выбранный нами термин *традиционная формула* подчеркивает важную особенность устойчивого словесного комплекса: его употребление всегда традиционно, то есть подчинено той традиции, в рамках которой был создан содержащий формулу текст или же фрагмент этого текста. Слово *формула* в словаре лингвистических терминов дается как «общее название для устойчивого выражения, модели построения, фразы-клише и т.п.» [Ахманова]. Данный термин, таким образом, представляется нам наиболее оправданным: в нем отражены такие признаки, как краткость, точность, и, что особенно важно, стереотипность.

Мы предпочли определение *традиционный* определению *стилистический*, потому что, как было сказано выше, в исследуемый нами период развития языка формулы только еще начинают приобретать стилистическую функцию и становиться маркерами текстов того или иного типа, процесс жанрово-стилевой специализации языковых средств еще не завершен. Кроме того, именно следование традиции уже в древнерусский период помогало создавать тексты в рамках того или иного канона (стиля, жанра).

1.3.2. Проблемы диахронического исследования устойчивых сочетаний

В связи со сказанным необходимо прокомментировать термин фразеологизм, широко употребляющийся в лингвистических работах. Несмотря на отсутствие общепринятого взгляда на содержание данного понятия, можно утверждать, что термин *фразеологизм*, в отличие от термина *формула*, применяется преимущественно по отношению к современному состоянию языка. Поэтому, на наш взгляд, не вполне корректно использовать в данной работе современное обозначение и называть традиционные формулы фразеологизмами.

Вместе с тем следует подчеркнуть, что древнерусская традиционная формула обладает многими признаками, присущими современному фразеологизму. К примеру, для нее характерны:

- сверхсловный характер / расчлененность состава / раздельнооформленное строение;
- воспроизводимость / повторяемость;
- значительная степень употребительности / частотности;
- относительная устойчивость компонентного состава и грамматической структуры;
- незамкнутость / открытость структуры;
- постоянное, закрепленное за данной языковой единицей значение.

В то же время нельзя не отметить, что существует ряд признаков, принципиально отличающих древнерусскую формулу от современного фразеологизма. Так, В.П. Жуков, автор известного учебного пособия по русской фразеологии, полагает, что «методы изучения устойчивости и идиоматичности сочетаний лексем и семем <...> малоэффективны для изучения явлений диахронической фразеологии» [Жуков 2006, с. 58]. Ученый

объясняет это тем, что до нас дошло не так много письменных памятников ранней древнерусской поры. Иными словами, сохранившийся материал не может дать достаточно достоверных сведений об устойчивости древних формул ввиду невозможности объективно оценить уровень частотности последних. Действительно, устойчивость традиционной формулы носит скорее относительный, а не абсолютный характер, что, однако, не мешает проводить отдельные наблюдения за частотностью употребления формульной единицы и вариативностью составляющих ее компонентов.

Устойчивость определяется прежде всего внутренними, собственно языковыми факторами. Следовательно, отдельного комментария заслуживает такая характеристика, как идиоматичность – следствие утраты смысловой делимости сочетанием [Виноградов, 1977]. В условиях распада именового синкретизма вообще сложно говорить о полнозначной лексеме в современном ее понимании: древнерусское слово обретало окончательный смысл только в окружении других слов, в контексте, где и происходила актуализация синкретичного значения [Колесов, 1989]. Именно поэтому М.В. Пименова, занимающаяся разработкой интересующих нас вопросов, отмечает, что древнерусские устойчивые единицы отличаются от фразеологизмов «прежде всего с семантической точки зрения, поскольку реализуют отражающее древнюю концептуальную форму ментальности синкретичное значение, основанное на метонимии (а не на метафоре, как большинство современных фразеологических единиц)» [Пименова, с. 53]. Поэтому было бы, пожалуй, слишком смело утверждать, что слово, став компонентом традиционной формулы, полностью утратило собственную семантику, как бы растворившись в общем идиоматическом значении сочетания слов (хотя такая тенденция и присутствует): еще слишком ощутимо влияние синкретизма. Сказанное во многом объясняет возникновение определенных трудностей при вычленении традиционных формул в древнерусском тексте: наличие таких устойчивых единиц

очевидно, однако признаки их выделения, формальные и семантические, уже не столь безусловны.

Говоря о нетождественности формулы и фразеологизма, необходимо сказать также о том, что для них характерны различные условия употребления. В случае с фразеологизмом эти условия продиктованы стилем текста и его жанром, употребление же формулы не зависит от этих факторов. Известно, что В.О. Ключевский выделил ряд устойчивых сочетаний, присущих жанру жития [Ключевский], а А.С. Орлов посвятил свое исследование формулам воинских повестей [Орлов], при этом, по справедливому утверждению Д.С. Лихачева, «не жанр произведения определяет собой выбор выражений, выбор формул, а предмет, о котором идет речь» [Лихачев, 1967, с. 85]. Именно поэтому в летописи мы можем встретить как «житийные», так и «воинские» формулы – в зависимости от того, в рамках какой традиции (светской или конфессиональной) создавался тот или иной фрагмент, изображению какого предмета он посвящен.

Нельзя не отметить, что, являясь частью древнего нашего языка, традиционные формулы одновременно являлись частью произведений, принципиально отличающихся от современных. В «Поэтике древнерусской литературы» Д.С. Лихачев рассуждает о специфике литературы Древней Руси и пишет об этикетности как о неотъемлемом ее качестве. Сквозь призму этикетности академик смотрит не только на древнерусскую литературу, не только на древнерусское искусство, но и на жизнь русского Средневековья в целом: «Литературный этикет вызывал особую традиционность литературы, появление устойчивых стилистических формул, перенос целых отрывков одного произведения в другое, устойчивость образов, символов-метафор, сравнений и т.д.» [Лихачев, 1967, с. 75]. Из сказанного следует, что каждый древнерусский текст содержит формулы. Здесь можно привести высказывание З.К. Тарланова: «Хотя о формульности, этикетности, условностях говорят главным образом применительно к книжному типу

древнерусского литературного языка, они не были чужды и для повседневного делового языка» – «этикетность присуща была всем памятникам письменности, коль скоро она проявлялась как важнейший мировоззренческий признак» [Тарланов, с. 25]. В этом смысле древнерусская литература очевидно противопоставлена современной художественной литературе с ее стремлением к новизне и выражению индивидуального стиля автора.

Сопоставительное исследование некоторых особенностей древнерусских и современных русских устойчивых сочетаний позволило выявить несколько признаков традиционных формул, отличающих их от фразеологизмов:

- меньшая степень устойчивости и идиоматичности,
- обусловленность употребления предметом изображения, темой повествования (а не жанром или стилем),
- функционирование в текстах особого типа, которые в настоящее время уже не создаются.

Таким образом, по мере распада именованного синкретизма стилистические формулы, наряду с полнозначными лексемами, приходят на смену синкретичным единицам древнерусского текста как средству развертывания мысли посредством создания нового высказывания. Но на изучаемом нами этапе развития языка фразеологический состав еще не сформирован, он переживает период активного развития и становления, одновременно участвуя в формировании жанрово-стилевой системы того времени.

Традиционные формулы действительно представлены в наших древних текстах крайне богато. Науке известны разного рода классификации древнерусских формул. Обобщив результаты многих теоретических изысканий в области древнерусского языка и литературы, М.В. Пименова

предлагает выделять следующие структурно-семантические типы [Пименова, с. 58-60]:

1. Парадигматический структурно-семантический тип:
 - a) парные наименования (*радость и веселье, небо и земля*),
 - b) двандва (*Петръ и Павелъ, Петръ и Феврония*).
2. Синтагматический структурно-семантический тип:
 - a) атрибутивные сочетания:
 - i) словосочетания с постоянными эпитетами (*добрыи молодец, красна девица*),
 - ii) словосочетания с устойчивыми книжными атрибутами (*великыи князь, святыи духъ*),
 - b) глагольные сочетания:
 - i) описательные глагольно-именные обороты (*сътворити дань, възложити чьсть*),
 - ii) конструкции с императивом (*дажъ Богъ, иди к черту*),
 - c) предикативные конструкции:
 - i) интенсифицирующие (*бысть съча зла, бАше в градъ горестъ смертна / печаль горкаа*),
 - ii) аксиологические / выражающие оценку (*тЪломъ бАше красенъ*),
 - d) устойчивые сравнительные обороты (*аки мълния, акы волци*).

Приведенная классификация представляется нам логически выстроенной и завершенной. Мы будем пользоваться терминологией, отраженной в данной классификации, поскольку в ней нашли отражение формулы различных типов, причем эти типы выделены автором на основании не только структурных, но и семантических признаков устойчивых сочетаний, что соответствует обозначенному в настоящем исследовании подходу к работе с языковым материалом.

В самом деле, читая средневековые русские произведения, сложно не обратить внимание на содержащиеся в них многочисленные формульные

сочетания. Особую трудность представляет нахождение этих сочетаний в текстовом пространстве того или иного памятника. Изучение научной литературы, посвященной описанию древнерусских устойчивых сочетаний, позволило выявить ряд критериев для поиска рассматриваемых единиц в средневековом тексте:

1. Закрепленность в исторических словарях.

Исторические словари, подобно большинству толковых словарей русского языка, содержат сведения об устойчивых единицах. Словарная статья, как правило, строится по следующему принципу: толкование слова, затем включающие это слово устойчивые сочетания. Данные словарных статей являются достаточным основанием считать сочетание устойчивым, поскольку они основаны на материале многих текстов.

2. Значительная степень употребительности / частотности.

Как было отмечено выше, чем чаще составная единица встречается в тексте (корпусе текстов), тем с большей степенью уверенности можно говорить о ее устойчивости.

3. Композиционная обусловленность.

Устойчивые единицы традиционно выступают в определенных частях текстов или же их фрагментах.

Выводы по первой главе

1. Понятия 'стиль' и 'жанр' в их применении к диахроническому исследованию довольно неоднозначны. Стиль того или иного древнерусского текста реализует себя в ряде типичных языковых средств, соответствующих литературным текстам-образцам. Жанр в древнерусской литературе – явление весьма неоднозначное и не соответствует современному представлению о данной категории.

2. В литературе Древней Руси господствовали тесно связанные друг с другом, но все же разные традиции: светская и конфессиональная. Отдельно следует говорить о языке деловых памятников. Произведения, создававшиеся в рамках обозначенных традиций, следует считать принадлежащими к тому или иному типу текста (не к жанру). Термин *тип текста* введен в связи с тем, что содержание понятий 'стиль' и 'жанр' в контексте древнерусской литературы не вполне определено. Данный термин может быть применен по отношению к законченным произведениям, а также к их фрагментам.

3. ПВЛ представляет собой особый текст, имеющий компилятивную природу. Подходы к разделению данного текста на фрагменты могут быть различными в зависимости от цели исследования. Применительно к изучению данного памятника с точки зрения жанрово-стилевых особенностей следует говорить о таких основаниях для фрагментирования, как тематика фрагмента, цель его включения в общее повествование и, конечно, его традиционное языковое оформление.

4. Компилятивный летописный текст состоит из разнотипных фрагментов: воинских (соотносимых со светской традицией), агиографических (соотносимых с конфессиональной традицией), а также деловых. Выделение данных типов было продиктовано жанрово-стилевым характером проводимого исследования. Воинские фрагменты наиболее многочисленны, что связано с тематической направленностью ПВЛ. Реже встречаются агиографические фрагменты, которые, тем не менее, несут значительную смысловую нагрузку. Деловые фрагменты памятника представлены текстами договоров Руси с Византией.

5. Древнерусские тексты отражают процесс распада именного синкретизма: формула, начинающая выполнять стилистическую функцию, близкая современному фразеологизму, постепенно приходит на смену древнейшей формуле как средству познания действительности. В связи с тем,

что первоначально традиционная формула имела характер синтагмы и мыслилась как средство экспликации новых значений, она в том или ином виде встречается в древнерусских текстах самого разного характера.

6. Во многих лингвистических исследованиях отождествляются современные и средневековые русские устойчивые сочетания, что, на наш взгляд, не вполне корректно. Древнерусскую формулу отличает от современного фразеологизма ряд особенностей:

- 1) меньшая степень устойчивости и идиоматичности,
- 2) обусловленность употребления темой повествования,
- 3) функционирование в текстах особого типа, которые в настоящее время уже не создаются.

Перечисленные особенности древнерусских формул объясняются временем создания текстов, в которых употреблялись данные единицы.

7. Существует ряд критериев, помогающих распознать традиционные формулы в древнерусском тексте:

- 1) закреплённость в исторических словарях,
- 2) значительная степень употребительности / частотности,
- 3) композиционная обусловленность.

У каждой отдельно взятой формулы может быть выявлен определенный набор названных признаков, в редких случаях мы можем говорить только об одном признаке устойчивости сочетания.

ГЛАВА 2. ТРАДИЦИОННЫЕ ГЛАГОЛЬНЫЕ ФОРМУЛЫ В «ПОВЕСТИ ВРЕМЕННЫХ ЛЕТ»

2.1. Глагольные формулы в деловых фрагментах

Интересующие нас тексты русско-византийских мирных договоров представляют собой наиболее законченные фрагменты деловой тематики, нашедшие отражение в летописи. Цель деловых фрагментов – регламентация социально-правовых отношений. В центре внимания создателя таких текстов находятся определенные деловые ситуации. В качестве своеобразных языковых маркеров данного типа выступают особые формулы, которые на первый взгляд напоминают современные деловые клише.

Прежде чем начать анализ отдельных случаев употребления формул в тексте летописи, отметим, что русско-византийские договоры отличаются неоднородностью формы и содержания. В них содержится довольно разноплановая информация, изложение которой еще по сути синкретичное – «не отдельно правовое, отдельно идеологическое, отдельно литературное» [Бибихин, с. 245]. Наряду с фрагментами об установлении мирных и торговых отношений между Русью и Византией, в договорах присутствует информация о правилах ведения судебного процесса, о наследовании и др. Такое тематическое разнообразие ведет за собой нерегулярность употребления типичных языковых средств, а значит, и отсутствие строгого стандарта. Особенно это касается договора 911 года, где сообщения о заключении мира дополняются весьма подробным описанием устанавливаемых между государствами торговых отношений. В более поздних деловых памятниках границы варьирования сужаются: каждому отдельному типу текста соответствует определенная деловая ситуация (реже – ряд однотипных ситуаций). Кроме того, небольшое количество деловых

летописных фрагментов и их сравнительно маленький объем, как было сказано выше, также затрудняют исследование.

В связи со сказанным в ходе анализа летописного материала нами время от времени будут привлекаться древнерусские деловые тексты с разными жанрово-стилевыми характеристиками. В целях сопоставления языковых единиц мы будем приводить примеры из некоторых деловых памятников, таких, как «Договор Новгорода с готским берегом и с немецкими городами» и «Договор Смоленска с Ригою и Готским берегом». Указанные тексты XII-XIII вв., отразившие нормы международного права, были целиком посвящены регулированию торговых отношений между странами. В некоторых случаях мы будем обращаться к «Русской Правде», «Псковской судной грамоте» и др., т.к. именно в этих произведениях отражены нормы древнерусского судебного права. Привлечение других, более поздних, памятников позволит нам делать выводы о некоторых тенденциях в развитии деловых формул.

Перейдем к рассмотрению устойчивых единиц, типичных для древнерусских деловых текстов. В связи с тем, что русско-византийские мирные договоры не только самые древние деловые произведения, но и одни из самых древних русских текстов вообще, кажется очевидным наличие в них и самых древних формул – глагольно-именных с семантически недостаточным глаголом. Такие формулы выполняют не столько стилистическую функцию, сколько функцию развития смысла. Синкретичное имя в каждом новом контексте актуализирует определенное значение, распространителем имени при этом выступает глагол типа *дати*, *имѣти*, *творити* и т.п. Наиболее часто такие формулы применяются в тексте договоров для обозначения преступных деяний:

- *да запрѣтитъ князь словъ своимъ и приходѣщимъ руси сде да нь творѣть бециньѣ селѣхъ* (ЛЛ, 12 л.),

- *аще вбрати въ вусть днѣпрьскомъ русь корсунаны рыбы ловища да не творять имъ зла никакоже* (ЛЛ, 13 л.),
- *аще оубьетъ хсеанинъ русина или хсеанинъ русина или русинъ хсеанина и да держимъ будетъ створивыи убиство въ ближних оубьенаго* (ЛЛ, 13 л.-13 об.),
- *аще сотворит оубиство ащел убежит створивыи оубиство да аще ес домовит да часть ег сирѣч иже ег боудтъ по закону да возмет ближнии оубьенаг творивыи оубои* (РЛ, 17 л.),
- *ятъ будтъ в том час татъ егда татбу сътворит* (РЛ, 17 об.),
- *аще кто въ хрстьянъ или въ роус мученья вбразом искоус творити и насилье[мъ] явѣ возмет что либо друуже да въспатитъ троиче* (РЛ, 17 об.),
- *ащел кто искушенья сег не дас створити местникъ да погоубит правду свою* (РЛ, 18 л.).

В качестве именного компонента в рассматриваемых формулах выступает существительное со значением того или иного преступного деяния. При этом к родовым наименованиям можно отнести такие существительные, как *зло* и *бещинье* – ‘нарушение порядка’, к видовым – *искоус*, *искушенье* – ‘обман’, *татба* – ‘воровство’, *оубиство*, *оубои* – ‘убийство’. Все они сопровождаются семантически прозрачным глаголом *творити* (*створити*), который и несет в себе значение процессуальности. В данном случае значение формулы определяется значением именного компонента (например *створити оубои* – ‘убить’). Подобные сочетания являются очень древними, изучение особенностей их функционирования позволяет наблюдать за процессом распада именного синкретизма. Лексическое значение таких единиц выражено именем, а грамматическое – одной из форм глагола. Получается, что в древней формуле два компонента (имя и глагол) выполняют те функции, которые в современном языке берет

на себя одна языковая единица – лексема (в нашем случае можно сравнить способы выражения лексического и грамматического значений древнерусской формулой *створити оубои* и современным глаголом *убить*).

Первичные глагольно-именные формулы являются средством экспликации смыслов, ранее не имевших путей выражения в языке. Чтобы проверить данное утверждение применительно к деловым текстам, обратимся к более поздним произведениям. Действительно, в Русской Правде Краткой редакции (по Академическому списку), составленной в XI-XII вв., на месте формулы *створити оубои* встречаем *оубити*:

Аще убьютъ огнищанина в обиду то платити за нь [Памятники русского права... , вып. 1, с. 79].

В «Соглашении Смоленска с Ригою и Готским берегом» (XIII в.) читаем:

Аже убьютъ посла или попа, то двое того дати за голову [Памятники русского права... , вып. 2, с. 72].

В «Проекте договора Короля Польского и Великого князя Литовского Казимира с Великим Новгородом» (1470-1471 г.) также выступает не формула, но глагол:

А сведется вира, убьют сотцкого в селе, ино тебе взяти полтина [Памятники русского права... , вып. 2, с. 250].

Аналогично выглядит ситуация и с другими подобными формулами: на месте *створити татбу* встречаем *оукрасти (покрасти)*:

А оже украдутъ чюжь пес, любо ястреб, любо сокол, то за обиду 3 гривны; оже клетъ покрадут <...> или скота украдают или сено сверху стога иматъ, то все суд княжсой, а продажи 9 денег нь [Памятники русского права... , вып. 1, с. 80].

Случаи употребления глагола на месте глагольно-именного сочетания встречались и в самих договорах, но глаголы эти, как показало исследование,

не были единственным способом выражения идеи о нарушении закона. Приведем несколько примеров с глаголами на месте формул:

- *аще ли кто **покуситсА** вѣтъ руси взАти что вѣтъ людии црства вашего* (ЛЛ, 12 об.) – ср. *искушенье створити*
- *аще ли ключитсА **оукрасти** русину вѣтъ грекъ что или гръчину вѣтъ руси достоино есть да възворотити [е] не точью едино но и цѣну его* (ЛЛ, 12 об.) – ср. *татбу створити*
- *аще ли вѣтъ нея возьметъ кто что . ли члвка поработитъ или **оубьетъ** да будетъ повинень закону руску и гречьску* (ЛЛ, 13 л.) – ср. *убиство створити*

Лучшим доказательством сосуществования в летописи глагольно-именной формулы и глагола, выполняющих аналогичные функции, являются случаи их параллельного употребления в одном контексте:

- *аще кто **оубьет** или хрестъанина русин или хрестъянинъ роусина да оумрет идѣже аще **сотворит оубиство*** (РЛ, 17 л.)
- *аще **оукрадтъ** что русин либо оу хрестъанина или пак хрестъанинъ оу русина и ятъ будтъ в том час татъ егда **татбу сътворит*** (РЛ, 17 об.)

Итак, формулы типа *створити оубои* первоначально действительно не воспринимались как маркеры делового типа – это подтверждается фактом их повсеместной замены на цельнооформленную языковую единицу в аналогичных, но более поздних текстах. На примере трансформации такого рода сочетаний историк языка может проследить процесс постепенного высвобождения синкретичного имени из-под власти контекста и сделать определенные выводы о формировании слова как отдельной лексемы, уже не зависящей от условий ее окружения.

Сходную ситуацию можно наблюдать не только в случае с формулами, обозначающими виды правонарушений. Древнейшей глагольно-именной формулой, например, можно считать сочетание *вдати ѡбну*:

Аще оукраденное вбращетьсяА предаемо да вдасть и ѡбну его сугубо (ЛЛ, 12 об.).

В более поздних текстах, например в Договоре Смоленска с Ригою и Гостким берегом (2 ред., 1229 г.), данная формула, как и единицы, рассмотренные нами выше, заменяется на глагол:

Аже будеть холоп убит, 1 гривна сѣрѣбра заплатити у смоленске тако платити и у Ризе и на готскомь березе [Памятники русского права... , вып. 2, с. 59].

Однако не все глагольно-именные формулы деловых фрагментов с легкостью могли быть заменены на соответствующие им глаголы. Некоторые устойчивые сочетания были способны сохранять свою самостоятельность и не подвергаться замене довольно продолжительное время. Рассмотрим одну такую формулу. Она появляется в тексте договоров, когда речь заходит об исполнении сторонами тех или иных обязательств – это формула *ротъ ходити*. Данная единица нашла отражение в исторических словарях: *ротъ* = *на роту ходити съ кѣмь или къ кому* – ‘приносить присягу, давать клятву’ [МСДРЯ]. Само существительное *рота* в древнерусском тексте имело значение ‘(церк.) божба, клятва, присяга’, а также ‘часть батальона, состоящая из известного числа солдат’ [МСДРЯ]. Современному человеку это слово знакомо во втором значении, тогда как древнерусский текст знал оба. Для деловых памятников Древней Руси более актуальным является первое толкование.

В договоре 911 г. читаем о мере наказания, установленной за нанесение физического ущерба: преступивший закон должен заплатить «5 литров серебра по закону русскому». Это наказание выглядит несколько иначе, когда человек, нарушивший закон, не имеет денежных средств:

Ащели не имовит тако сотворивыи да вдасть елико может [и] да соимет [съ] с себе и ты самыя порты в нихже ходит да в проць да ротъ ходит своєю вброю яко никакож иному помощи ему да пребывает тАжа втоле не взыскаема (РЛ, 17 л.-17 об.).

Ротъ ходити значит давать клятву, то есть формула передает действие, являвшееся обязательным условием совершения правосудия. В случае если преступник являлся неимущим, он должен был снять с себя одежду, кроме того, он должен был поклясться, что ему неоткуда ждать финансовой помощи. И только при этом условии его отпускали. Это говорит о том, что освещенное светом веры слово имело в юридических отношениях того времени огромный вес.

Близкое рассмотренному употреблению встречаем в тексте договора 945 г., который вообще имеет много общего с текстом документа 911 г. Действительно, «представляется несомненным, что ссылки на прежний договор, читающиеся в договоре 945 г., ведут именно к договору 911 г.» [Шахматов, 1940, с. 118]. Тем не менее, с языковой точки зрения, определенные отличия все же существуют:

Аще ли есть неимовитъ да како может в только же проданъ будетъ яко да и порты в нихже ходАть да и то с него снАти а в проць да на роту ходитъ по своєю вбрь яко не имбЯ ничтоже ти тако пушень будетъ (ЛЛ, 13 об.).

Некоторые детали наказания в этом варианте сообщения изменены: если нарушитель не может заплатить за преступление закона, он должен не просто снять и отдать одежду, в которой ходит, но и отдать все свое имущество. Сообщение о клятве дается уже в качестве дополнительной информации, о чем свидетельствует оборот *а в проць*. Изменяется и содержание клятвы: преступник должен был поклясться, что у него не осталось другого имущества, кроме того, что у него забрали. Как видим, фрагменты описывают абсолютно аналогичные деловые ситуации, формула

ротЪ ходити выступает в одном и том же значении, однако некоторые смысловые отличия в сравниваемых сообщениях все же присутствуют.

Еще один случай употребления формулы *ротЪ ходити* можно встретить в договоре 945 г., где она выступает в варианте *ротЪ ити*. Согласно данным МСДРЯ, этот вариант формулы (*ити на роту, ротЪ, въ ротЪ*) имеет то же значение, что и рассмотренный выше – ‘*приносить присягу, давать клятву*’. Греческая сторона описывает действия, которые должны быть предприняты русскими людьми в случае побега челядина в Греческую землю. Необходимо было попытаться найти и вернуть сбежавшего:

Аще ли не вбращетсА да на роту идутъ наши хсане руси по вѣрѣ ихъ а не хсании по закону своему ти тогда взимають вѣтъ насъ ѿбну свою якоже оуставлено есть преже .в. паволоцѣ за чалАдинъ (ЛЛ, 12 об.).

Если в предыдущем контексте клятва лишь дополняла действие (в качестве наказания преступник должен был снять и отдать свою одежду), то здесь она является единственным свидетельством истинности намерений одной из сторон. Это еще раз говорит о силе, которую имело слово в эпоху Средневековья. Показательно также, что этот пример, в отличие от предыдущего, не имеет прямого указания на содержание клятвы: только по контексту мы понимаем, что русские и греки таким образом должны были засвидетельствовать чистоту своих намерений по отношению друг к другу, после чего были возможны дальнейшие действия: русские могли забрать у греков по две паволоки за каждого сбежавшего челядина. Кроме того, именно в этом фрагменте можно наблюдать подчеркнутое разграничение христианской веры и нехристианского закона. Клятвы людей разной веры признаются в договорах равноценными, несмотря на то, что изучаемые тексты являются частью свода, имеющего подчеркнуто религиозный характер.

Всего один раз слово *рота* функционирует в деловых фрагментах ПВЛ относительно самостоятельно, вне формулы. В этом случае оно реализует значение 'клятва, присяга, клятвенное удостоверение' [МСДРЯ]:

Азь стославъ кнАзь рускии якоже клАхъсА и оутвержаю на свѣщаньБ семь роту свою хочу имѣти миръ и свершену любовь со всАкомь (ЛЛ, 22 об.).

Употребление глагола на месте данной глагольно-именной формулы – явление довольно редкое:

Да елико явѣ боудть показаніи явлеными да нмѣют вѣрное w тацѣх явленіи а емуж начнуть не ати вѣры да кленетсА часть та иж ищеть неятью вѣры да егда кленетьс по вѣре своеи и боудть казн. якож явитьс согрешенье (РЛ, 17 л.).

Условия употребления глагола и формулы аналогичны, совпадают даже распространители единиц – *по вѣре своеи*. Однако в то время как рассмотренные нами выше глагольно-именные сочетания с момента замены их на глагол постепенно перестают функционировать в аналогичных текстах и контекстах, формула *ротѣ ходити* продолжает активно употребляться и в дальнейшем. На наш взгляд, это явление можно объяснить тем, что связь с глаголом у данной формулы не является прямой: не существовало подходящего по значению глагола с тем же корнем, что и слово *рота*. Выше мы упоминали подобный случай – это примеры с *створити татьбу* и *украсти*, где неодинаковая мотивированность имени в составе формулы и глагола не помешала замене составной единицы на цельнооформленную. Думается, что в случае с сочетанием *ротѣ ходити* особую роль мог сыграть тот факт, что глагол *ходити* (*ити*) в отличие от всех рассмотренных имеет довольно ясно выраженное лексическое значение, связанное, в первую очередь, с передвижением, которое не могло игнорироваться так же, как в случае с формулами с компонентом *створити* (*творити*). Вообще, наличие пусть незначительного, но все же переноса в значении компонентов, как

правило, делают трансформацию и даже замену таких устойчивых единиц довольно затруднительной.

Формула *ходити ротъ* и ее варианты широко употребляется в Русской Правде Пространной редакции (по Троицкому I списку):

- *аже начнетъ не знати, у кого купил, то **ити** по немъ тем видоком **на роту**, а истъцю свое лице взяти* [Памятники русского права... , вып. 1, с. 111].

Подобный случай употребления находим и в Договоре Новгорода с Готским берегом и с немецкими городами (1189-1199 гг.):

- *оже емати скот варягу на русине или русину на варязе, а ся его заприть, то 12 мужь послухы, **идеть роте**, възметъ свое* [Памятники русского права... , вып. 2, с. 126].

Однако в этих контекстах слово рота обозначает скорее присягу, чем клятву. И в первом, и во втором примере присягнуть должны свидетели, здесь уже нет упоминания о Боге и о вере.

Помимо глагольно-именных формул, способных так или иначе участвовать в контекстной замене на глаголы, в текстах договоров встречаются устойчивые сочетания со сходной структурой, которые не могли подвергаться подобной замене. Так, современному человеку хорошо знакомо выражение *иметь право*. В отличие от рассмотренных выше сочетаний оно не может быть заменено полнозначительным глаголом (ср. *совершить кражу, дать клятву* и др.). В тексте русско-византийских мирных договоров встречаем сходную с современной конструкцию – *имети власть*, которая не нашла отражения в исторических словарях, однако ее повторяемость, а также семантическая и структурная близость современному устойчивому выражению *иметь право* позволяют нам рассматривать данную единицу в ряду с другими глагольно-именными формулами. С точки зрения структуры

перед нами сочетание семантически прозрачного инфинитива с именем, несущим основное лексическое значение.

Смысловую близость понятий 'власть' и 'право' можно проследить на материале древнерусских и современных толковых словарей: «Власть – власть, свобода, право» [МСДРЯ]; «Власть – право и возможность распоряжаться, повелевать, подчинять своей воле» [БТС]. Приведем некоторые контексты с формулой *имети власть*. Первый относится к 94 г. и регулирует условия пребывания русских послов и просто гостей в Византии:

- *входАще же русь в [г]радъ . да [не творАть пакости и] не имБють волости купити . паволокъ лише по .н. золотникъ (ЛЛ, 12 л.),*
- *и втходАщеи руси втсюда <...> и да возвращаютсА съ спсннемъ въ свою да не имБють власти зимовати оу стго мамы (ЛЛ, 12 л.-12 об.).*

Как видим, конструкция *имети власть* близка современной *иметь право*, и не только семантически, но и грамматически: обе присоединяют инфинитив, конкретизирующий имя (*власть/право*). Возьмем для сравнения данные МАС: Право – ‘возможность действовать, поступать каким-л. образом. [Тетушка] опустилась в широкое бархатное кресло, на которое никто, кроме ее, **не имел права садиться** (И.С. Тургенев «Отцы и дети»).

В более поздних текстах наряду с зависимым инфинитивом можно встретить также зависимое существительное в винительном падеже:

- *К этому еще и следующее: если в монастырской области дается какое-либо аерико, этот монастырь царства моего святого отца да взимает все в исправности, а никто другой из этих (чиновников) **да не имеет власти на взимание** его [Рыльская грамота... , Электр. ресурс].*
- *Никто из офицеров, кто бы он ни был, **да не имеет власти** своих ундер-офицеров или салдат, которые в ротех уже записаны, из службы **освобождают или отставлятъ** [Артикул воинский... , Электр. ресурс].*

Отдельного комментария заслуживает формула *створити любовь*, также являющаяся частью языка деловых фрагментов ПВЛ. Ее значение исторические словари определяют как ‘заключить мирный договор’ [СДРЯ, СлРЯ]. Именно такой смысл данная единица имеет в деловом фрагменте ПВЛ, посвященном заключению военно-торгового договора 945 года о добрососедских отношениях между Киевской Русью и Византийской империей:

И великии князь нашъ игорь и болАре его и людье вси рустии послаша ны къ роману и костаАнтину и къ стефану къ великимъ црмь гречьскимъ створити любовь съ самьми цри со всьмь болАрствомъ и со всьми людьми гречьскими (ЛЛ, 11 об.).

Хотя сочетание *створити любовь* нельзя назвать частотным, оно, безусловно, является формульным, поскольку закреплено в исторических словарях и обозначает цель деловой ситуации – заключение мирного договора. Приведем еще один контекст с тематически близкой формулой, имеющей тот же именной компонент:

И вттоле оувьдАть ины страны како любовь имьють гръци съ русью (ЛЛ, 12 л.). Имьти любовь – ‘быть в мире, в дружбе’ [МСДРЯ].

Отмеченное выше значение именного компонента формул – *любовь* – не знакомо современному русскому языку, для которого в подобных контекстах привычными являются сочетания с другим именем – *мир*. Чтобы проиллюстрировать данное утверждение, обратимся к современному толковому словарю, где найдем существительные *мир* как ‘соглашение между воюющими сторонами об окончательном прекращении военных действий; мирный договор’ (заключить мир) и *мир* как ‘отсутствие войны, вооруженных действий между государствами; согласное сосуществование государств, народов’ (борьба народов за мир) [МАС]. Эти слова, как можно заметить, связаны метонимическими отношениями. В древнерусском языке мы встречаем похожую ситуацию: в летописи обнаруживаем *миръ*

‘перемирие, договор’, а также *миръ* ‘спокойствие, мир, тишина’ [МСДРЯ]. Но, в отличие от современного русского языка, в древнерусском находим также *любовь* ‘мир, согласие’ и *любовь* ‘мирный договор’ [МСДРЯ]. Семантически слова *миръ* и *любовь*, безусловно, близки. Главное отличие заключается в том, что в последнем более ярко выражена положительная оценка. Слово *любовь* в подобного рода летописных отрывках вообще встречается довольно часто (только в тексте договора 945 г. находим семь случаев употребления), что объяснимо: речь идет о характере взаимоотношений между государствами, и при благоприятном стечении обстоятельств эти взаимоотношения должны быть определены и, если необходимо, документально закреплены как мирные, а древнерусская *любовь* в одной из своих ипостасей и есть не что иное, как мир.

В договоре 945 г. есть информация о том, что византийские послы и гости, приходя на Русь, должны иметь при себе грамоту, являющуюся свидетельством их мирных намерений. Если же грамоты не будет, прибывших в Русскую Землю могли убить. В контексте, описывающем эту деловую ситуацию, встречаем очередную глагольно-именную формулу – *дати руку*. Данное сочетание имеет значение ‘протянуть руку в удостоверение чего-л., дать слово, поручиться’ [СлРЯ], ‘давать над собой власть’ [МСДРЯ]. Рассмотрим контекст:

Аще ли руку не дадАть и противАтсА ди оубьени будутъ да не изищетсА смртъ ихъ втѣ кнАзА вашего (ЛЛ 12 л.).

Видим, что формула связана соединительным союзом *и* с глаголом *противитисА* – ‘не соглашаться с другими’ [МСДРЯ]. Как известно, «каждый союз является носителем определенного квалифицирующего значения» [РГ 80]. Сочинительный союз *и* в данном случае соединяет однородные сказуемые. Вопрос о характере семантических отношений между однородными членами предложения, и особенно между сказуемыми, считается весьма неоднозначным [Баканова]. В некоторых случаях эти

отношения можно назвать синонимическими, в некоторых – гипогиперонимическими. С уверенностью можно утверждать одно: рассматриваемые однородные компоненты однофункциональны, что «предполагает их обязательную семантическую одноплановость» [Белошапкина, с. 546]. В приведенном контексте семантически более широким является глагол, а не формула. Оказание сопротивления (*противитисА*) проявляется в нежелании подчиниться, быть задержанным за правонарушение (*руку дати*).

В сходной ситуации употребляется вариант рассмотренной формулы – *дати руцѢ*. Именной компонент в данном случае выступает не в единственном, а в двойственном числе. Договор 911 г. содержит сообщение о том, что вор не должен оказывать сопротивления при задержании. В таком случае его свяжут и заставят вернуть украденное в тройном размере, но не убьют. Это касается как русских людей, так и «христиан»:

Аще дастъ роуцѢ свои оукрадыи да ят будет тѢмже оу негож боудет оукрадено и свазанъ будет [и] втдасть тое еже смѢ створити и сотворит тришчи (РЛ, 17 об.).

Итак, в обоих случаях исследуемая формула выступает в сходных контекстных условиях, связанных с тем или иным правонарушением. Формулу *руку дати*, как и рассмотренную ранее формулу *ходити ротѢ*, можно отнести к самым древним: их внутренняя форма отчетливо напоминает о связи с конкретным действием. Задержание преступника сопровождалось действием, нашедшим отражение в формуле. Произошел метонимический перенос: наименование отвлеченного действия (непротивления задержанию) возникло из наименования конкретной операции (дать руки в знак непротивления задержанию), совершаемой при этом. Неслучайно В.В. Колесов назвал средневековую русскую культуру культурой метонимии: «таков еще сам язык, настроенный на семантические сдвиги по объему понятия» [Колесов, 2002, с. 199].

В некоторых более поздних текстах рассматриваемое сочетание имеет другое значение, на наш взгляд, этимологически не связанное с рассмотренным выше, но схожее с ним по принципу мотивировки конкретным действием. В Новгородской Судной грамоте XV в. *руку дати* значит 'поручиться':

*А кому будет дело до владычня человека, или до боярьского, или до житейского, или до купецкого, или до монастырьского, или до кончанского, или до улитцкого, в волости о татбе, и о розбое, и о грабежи, и о пожозе, и о головщине, и о холопстве, а кто будет крест целовал на сей грамоте, ино ему речи правое слово, а **рука дать** по крестному целованью, что той человек тать и разбойник, или грабежщик, или пожезщик, или душегубец, или холоп [Памятники русского права... , Вып. 2, с. 217].*

Значимо в данном контексте упоминание о крестном целовании. Это хорошо известный на Руси ритуал: «При заключении мира употреблялась клятва – крестное целование» [Соловьев, с. 741]. Данное сочетание можно встретить и в современных фразеологических словарях, правда, с соответствующей стилистической пометой: *Устар. Присяга, клятва, сопровождаемая целованием креста* [Федоров, 2008]. В том же значении *руку дати* можно встретить в Псковской Судной грамоте XIV-XV вв.:

*А которой человек поручится за друга в серебре, а имет тот человек сочит на поручнике своего серебра, и тот истец, по ком **рука дана**, вымет против своего исца рядницу [Памятники русского права... , Вып. 2, с. 290].*

В современном русском языке и сейчас сохранился деловой термин, производный от слова *рука* – *поручительство* – 'ручательство кого-л. за выполнение каким-л. лицом предъявляемых к нему требований, возлагаемых на него обязанностей и т. п.' Костанжогло дал с радостью десять тысяч без процентов, без поручительства – просто под расписку (Н.В. Гоголь «Мертвые души») [МАС].

В дальнейшем сочетание *руку (не) дати* перестает употребляться в деловых памятниках. В современных текстах при описании подобных деловых ситуаций можно встретить устойчивый оборот *оказать сопротивление* – расщепленное сказуемое, сходное по смысловому наполнению с древнерусским *противитисА*.

Примечательно, что в текстовом пространстве договоров встречаются и другие глагольно-именные формулы с компонентом *рука*. В документе 911 г. встречаем формулу *быти под рукою*:

- *мы втѣ рода рускаг карлы инегелдѣ <...> иже послани втѣ волга великог кнзА роускаг и втѣ всѣх иж соут под роукою ег свѣтлых и великих кнзѣ и ег великих боярѣ <...> на оудержание и на извещение втѣ многих лѣт межи христианы и роусіо бывъшую любовь похотѣньем наших великих кнзѣ и по повелѣнью втѣ всѣх иже соут под роукою его соущих роуси (РЛ, 16 об.),*

- *також и вы грекы да хранит також любовь ко кнзмѣ нашим свѣтлым роускым и ко всѣм иже соут под роукою свѣтлаг кнзА нашег несоблазную непреложну всегда и во всА лѣта (РЛ, 17 л.).*

Приведенные три случая употребления интересующей нас формулы сосредоточены на довольно небольшом отрезке текста, представляющем собой начальную часть договора 911 г., словари не фиксируют это сочетание как устойчивое. Однако, на наш взгляд, его все же следует считать таковым, поскольку оно не может быть понято буквально. Слово *рука* здесь начинает выступать в качестве своеобразного термина, приобретает неопределенно-общий смысл, передавая идею власти. Во втором выпуске «Памятников русского права», содержащем предметно-терминологический указатель, сочетание *под рукою* предлагают понимать как *‘под властью’*. В СЛРЯ отмечено значение *‘в подчинении у кого-л.’*, отмечено также, что формула

является калькированным выражением из греческого. На символический характер данного оборота указывает И.М. Некипелова [Некипелова].

Сочетание *быти под рукою* следует рассматривать как формульное еще и потому, что позднее оно начинает заменяться сочетаниями, аналогичными по смыслу и структуре, но отличающимися от исходной формулы по компонентному составу. Уже в договоре 945 г. читаем:

*Ци аще ключитсА проказа никака втъ грекъ **сущихъ подь властью** цртва нашего да не имать власти казнити я но повельньемъ цртва нашего да прииметь якоже будеть створилъ* (ЛЛ, 13 л.).

Контекст с аналогичным употреблением формулы видим и в договоре 971 г.:

*Азь стославъ кнАзь рускии якоже клАхъсА и оутвержаю на свѣщаньѢ семь роту свою хочю имѢти миръ и свершену любовь со всАкомъ и великимъ црмъ гречьскимъ съ васильемъ и костАнтиномъ и съ бодохновеными цри и со всѢми людьми вашими и иже **суть подо мною** Русь болАре и прочии до конца вѢка яко николиже помышлю на вашу ни собираю вои ни языка ни иного приведу на вашу и елико **есть подь властью** гречьскою ни на власть корсуньскую и елико **есть городовъ ихъ ни на страну болгарьску** <...> аще ли *в тѢхъ самѢхъ прежде реченыхъ [не] съхранимъ азь же и со мною и подо мною да имѢемъ клАтву втъ ба* (ЛЛ, 22 об.).*

Если проанализировать три взаимозаменяемых компонента формулы, то становится очевидна причина, обусловившая эту замену: *рука – власть – я (князь)*. В приведенных контекстах упоминаются люди, «подвластные» тому или иному князю. Слово *князь* в деловом тексте само по себе эксплицирует идею власти. *Рука* же в договоре 911 г. замещает обозначение наделенного властью лица – князя – по принципу метонимии (ср. в СлРЯ фразеологизм *первая рука* означает первого, главного помощника).

Итак, формула *быти под рукою* отличается ярко выраженной символическостью, возникшей на основе метонимии, в связи с этим оказалось

возможным наблюдать различные ступени ее развития в пределах договоров Руси с Византией.

2.2. Глагольные формулы в воинских фрагментах

Формульность воинских текстов считается их главной языковой особенностью. Пожалуй, наиболее известен посвященный данной проблематике труд А.С. Орлова «Об особенностях формы русских воинских повестей», имеющий обобщающий характер, где автор подробно рассматривает целый ряд воинских формул, использовавшихся непосредственно для описания сражения. Ученый убежден в том, что «для образования и признания известного шаблона воинских повестей громадную роль играли летописные своды, где почти каждый бой описывался в одних и тех же выражениях», причем группа *loci communes*, по его мнению, установилась очень рано, уже в XI-XII вв. [Орлов, с. 1]. Исследователь также приводит немало летописных контекстов, содержащих воинские формулы. Отметим, однако, что в данном труде А.С. Орлов рассматривает собственно языковые единицы – формулы – наряду с традиционными мотивами, которые только обуславливают появление языковых единиц. Так, в названии некоторых частей работы используются одноименные формулы (например «За руки емлюще ся съчаху» или «Соступишася... и бысть съча зла»), а в названии других – обозначения традиционных элементов воинской повести (например «Изображение многочисленных войск» или «Бойцы не чувствуют ран»).

Итак, поскольку воинское повествование вне зависимости от его объема и художественной ценности строится по определенной схеме, обычно основанной на реальной последовательности событий, то логичным кажется предположение о том, что каждая смысловая часть будет в нем оформлена

подобным образом. В самом деле, формулы, традиционно обозначающие те или иные традиционные действия князя, его войска и их противников, в летописных воинских фрагментах присутствуют. Тем не менее, в ПВЛ мы встретим крайне мало формул, которые обыкновенно считаются воинскими и «хорошо известны каждому специалисту: ‘за руки ся емлюще сечаху’, ‘по удолиям кровь течаше, яко река’, ‘стук и шум страшен бысть, аки гром’, ‘бьяшеса крепко и нещадно, яко и земли постонати’, ‘и поидоша полци, аки борове’ и т. д.» [Лихачев, 1967, с. 81]. Дело в том, что перечисленные формулы являются уже выразительным средством. Мы же в данной части работы в основном будем говорить о сочетаниях с меньшей степенью образности, употребление которых вызвано необходимостью передачи традиционных элементов описания боя. О.В. Творогов предложил использовать для подобных единиц термин *традиционная ситуативная формула*. Ученый видел перед собой следующую задачу: «Изучать различные варианты словесных штампов (устойчивых словосочетаний), входящих в состав этих формул» [Творогов, 1964, с. 32]. Он считает, что «такое разграничение совершенно необходимо, так как устойчивые литературные формулы довольно инертны, тогда как обслуживающие их устойчивые словосочетания, напротив, время от времени сменяются другими, отражая литературную манеру автора, редактора, школы и т.д.» [Творогов, 1964, с. 32]. Итак, перейдем непосредственно к анализу языкового материала.

В первую очередь обратим внимание на формулу *бысть сьча зла*. Данная устойчивая единица является самой распространенной в воинских частях ПВЛ, поскольку «в разных вариациях начинает картину боя в массе повестей» [Орлов, с. 11]. К тому же, принимая во внимание специфику материала, можно утверждать, что названная единица организует текстовое пространство каждого из летописных воинских фрагментов, поскольку является частью описания кульминации военного события. А значит,

активное употребление данной формулы уже в ПВЛ можно считать вполне закономерным. Приведем контексты из начальной части памятника:

- *Ярослав же заоутра исполчивъ дружину свою противу свѣту перевезеса и высѣдъ на брегъ втринуша лодьѣ втѣ берега и поидоша противу собѣ и сступишася на мѣстѣ бысть сѣча зла* (ЛЛ, 48 об.),

- *бѣ же пАтокъ тогда въсходАщую слнцю и сступишася вбои бысть сѣча зла яка же не была в Руси и за руки емлюче сѣцАхуса и сступашася трижды яко по удольемъ крови теци к вечеру же вдолѣ Ярославъ а Стополкъ бѣжа* (ЛЛ, 49 л.).

Данные фрагменты относятся ко времени начала княжения Ярослава Мудрого в Киеве. И хотя первый отрывок закреплен за 1016 г., а второй за 1019 г., оба они посвящены противостоянию двух братьев – Ярослава и Святополка. Последний, как известно, убил Бориса и Глеба, положив таким образом начало страшному кровопролитию между родными братьями. Ярослав же собирался отомстить Святополку за смерть невинных Бориса и Глеба.

Само слово *сѣча*, согласно МСДРЯ, обозначает битву, сражение. Исследуемая формула в этих примерах выступает в «классическом» виде, ее компоненты не подверглись изменениям. Сочетание *бысть сѣча зла* имеет предикативный характер и сообщает о том, что событие (сражение) состоялось, то есть выполняет прежде всего функцию передачи информации, что вполне соответствует формату погодной записи с ее стремлением к документации. В этом смысле формула становится частью традиционной для описания боя схемы: *подготовка к сражению – сражение – результат сражения*. Консервативность данного построения подтверждает повторение при формуле глагола *сступитися* в форме множественного числа аориста. *Съступитися* значит ‘сойтись для боя’ [МСДРЯ]. Именно в сопровождении этого глагола рассматриваемая формула и встречается у А.С. Орлова [Орлов,

с. 11]. Однако, на наш взгляд, не следует включать глагол *сступитисА* в состав формулы *бысть сьча зла*, поскольку рассматриваемые глагол и формула представляют собой, пусть и близко связанные, но все же разные смысловые элементы. К тому же летопись знает множество контекстов, где формула *бысть сьча зла* выступает без сопровождения *сступитисА*. Приведем пример:

[И] поидоша противу собь и **бысть сьча зла** и мнози падоша и *вдолбша изАславъ стославъ всеволодъ всеславъ же бежа* (ЛЛ, 56 об.).

При этом схема описания военного события, как можно заметить, осталась без изменений. Сам факт начала сражения говорит о том, что пошедшие друг на друга войска князей в итоге столкнулись, то есть глагол *сступитисА* оказывается избыточным и с точки зрения смысла. Частотность же употребления *сступитисА* при формуле объясняется тем, что данный глагол позволяет передать действия в их последовательности, а это, безусловно, значимо для воинского повествования.

Являясь своего рода организационным центром воинского текста, исследуемая формула нередко обрастает языковыми элементами, позволяющими конкретизировать описываемую ситуацию. Так, во втором контексте формула дополнена зависимой конструкцией: при имени *сьча* видим придаточное определительное, которое направлено на подчеркивание важности события – *яка же не была в Руси*. Тут важно отметить, что в первом фрагменте описана лишь первая попытка Ярослава победить Святополка, закончившаяся бегством последнего, затем следовали другие сражения, и только финальное, отраженное во втором отрывке столкновение закончилось долгожданной победой над врагом. Именно поэтому летописец посчитал нужным дополнить формулу *бысть сьча зла* определительным компонентом с оценочным значением. Как видим, в данном случае летописец не ограничивается простой констатацией события и его результата, он

старается сделать погодную запись более подробной. Такое разворачивание летописного фрагмента сближает его с развитой воинской повестью.

Еще один подобный контекст встречаем под 1036 г., речь в нем идет об осаде Киева печенегами. Русской Землей в то время правил Ярослав Мудрый. Приведем интересующий нас фрагмент:

ПеченЪзи приступиша и почаша и сступишасА на мЪсто идеже стоит нынЪ стая софья митрополья русьская бЪ бо тогда поле внЪ града и быс сЪча зла и вдва вдолЪ к вечеру ярославъ (ЛЛ, 51 л.).

Данный контекст является более развернутым, чем предыдущий, летописец уже не ограничивается простым перечислением действий. Так, упомянутый нами выше глагол *сступитисА*, часто сопровождающий формулу *бысть сЪча зла*, здесь вводит обстоятельство места, за которым следует придаточное определительное (*сступишасА на мЪсто идеже стоит нынЪ стая софья митрополья русьская*), к которому, в свою очередь, присоединено придаточное причины (*бЪ бо тогда поле внЪ града*). В данном случае такое развернутое указание на место действия можно мотивировать желанием автора сделать повествование более понятным и близким читателю. Отметим, что для писательской манеры летописца вообще было характерно установление связи описываемого им прошлого с настоящим, он сравнивает тогда и сейчас, в продолжении данного контекста находим замечание о том, что побежденные половцы разбежались кто куда, а некоторые из них *пробЪгоша и до сего дне* (ЛЛ, 51 л.). Все это свидетельствуют о том, что фрагменты военной тематики становятся развернутыми повествованиями.

Под 1067 годом находим еще один случай употребления исследуемой формулы в сопровождении глагола *сступитисА*:

ИзАслав же и всеволодъ оуранившие поидоста втъ града противу Влгови <...> и бывшимъ имъ на мЪстЪ оу села на НЪжатиНЪ НивЪ и сступившимсА вбоимъ бысть сЪча зла (ЛЛ, 67 об.).

Данный контекст отличается от предыдущих тем, что на месте глагола в форме аориста (*сступишиася*), выступает причастие в составе конструкции дательный самостоятельный (*сступившимсА вбоимъ*).

Однако изменениям могут быть подвержены не только языковые компоненты, окружающие формулу, но и составные элементы самой формулы. Приведем примеры, относящиеся к 971 г.:

- *приде стославъ в переяславецъ и затворишиасА болгаре въ градъ и изльзоша болгаре на сьчу противу стославу и бысть сьча велика и вдалаху болгаре* (ЛЛ, 21 л.),
- *и исполчишиасА русь и бысть сьча велика и вдолъ стославъ и бьжаша гръци* (ЛЛ, 21 об.).

Данные фрагменты повествуют о княжении Святослава, правителя, которого за страсть к военным походам Н.М. Карамзин назвал русским Александром Македонским [Карамзин, 1989]. Под записью 971 г. находим два серьезных сражения – с болгарами и с греками. Заметим, что изучаемая формула используется для описания обоих столкновений, ни в одном случае она не подвергается распространению и композиционно, безусловно, вписывается в стандартную трехчастную схему боя (подготовка войска к сражению – сражение – результат сражения), становясь организующим центром описания. При этом исследуемая языковая единица, как можно заметить, выступает в неклассическом виде, отличном от того, который закреплен в исторических словарях.

Изменению подвергся один из компонентов формулы, выполняющий функцию определения при имени *сьча*. Прокомментируем данную замену. Прилагательное *великыи* указывает, прежде всего, на масштабы события, в то время как *злыи* обычно дает ему отрицательную оценку ('злбный, лютый' [МСДРЯ]), следовательно, семантически данные единицы отличаются. В данной же ситуации эти прилагательные взаимозаменяемы, поскольку сама

сбча оценивалась как явление негативное, приносящее с собой болезни и смерть, а потому *злыми* не столько дает происходящему негативную оценку, сколько придает рассматриваемому адъективно-именному сочетанию плеонастический характер. Таким образом, и в сочетании с прилагательным *великими*, и в сочетании с прилагательным *злыми* слово *сбча*, обозначавшее неотъемлемое, но все же негативное явление действительности, выражает более интенсивное действие (ср. *сечи* – ‘ударяя острым орудием, делить на части; рубить’) – бой был ожесточенным. Итак, несмотря на небольшую трансформацию своего компонентного состава, формула остается узнаваемой, поскольку при замене был использован семантический аналог – синоним с более или менее близким значением.

Слово *сбча* в составе изучаемой формулы может выступать также с прилагательным *силными*:

И поиде мьстиславъ и ярославъ противу собѢ и сступисА чело сѢверь съ варАгы и бысть сѢча силна яко посвѣтАше молонья блещашетьсА вружье и бѢ гроза велика и сѢча силна (ЛЛ, 50 об.).

Семантически прилагательное *силными* ближе к прилагательному *великими*, чем к прилагательному *злыми*, но в подобных рассмотренным выше контекстах все эти языковые единицы оказываются взаимозаменяемыми. Также данный пример интересен тем, что сообщение о битве продолжает обрастать подробностями. На этот раз автор текста не ограничивается упоминанием *сбчи*: он старается «визуализировать» происходящее, приблизить его к читателю. Такого эффекта удастся достичь при помощи упоминания незначимых с точки зрения передачи информации атрибутов боя (например *блещашетьсА вружье*) и особенно при помощи включенного в контекст придаточного времени (*яко посвѣтАше молонья*). Последнее присоединяется непосредственно к рассматриваемой формуле и напрямую с происходящим не соотносится, но с точки зрения читательского восприятия это, безусловно, значимый элемент повествования.

Имплицитно автор сравнивает блеск оружия с блеском молнии. Данный прием особенно широко применяется в традиционных воинских повестях, при помощи него создатель текста сознательно добивается образности, выразительности. Исследователи нередко упоминают о подобном приеме в отношении «Слова о полку Игореве» и признают, что обращение автора к природным силам было отнюдь не случайным. Крупнейший специалист в области мифологии А.Н. Афанасьев еще в 19 в. отмечал, что для человека с самого начала было характерно «сочувственное созерцание природы» [Афанасьев, с. 8]. Поэтому и человеческая сила в Средние века была «конкретно сопоставима с возможностями природных стихий» [Николаева, с. 44]. «В фольклоре и на ранних этапах существования литературы преобладали внепейзажные образы природы», которые под пером автора нередко подвергались персонификации и участвовали в жизни людей [Хализев, с. 241].

Так или иначе, можно предположить, что древнерусским читателем упоминание о природных образах считывалось если не как изобразительно-выразительное средство, то как отступление от традиционного документирующего бесстрастного повествования, поскольку служило для обозначения соответствия настроения природы ужасам боя. Иными словами, в данном контексте мы имеем дело не просто с перечислением и фиксацией последовательных этапов событий, но со стремлением придать воинскому тексту занимательность и большую силу воздействия. Автор текста использует для этих целей традиционную формулу – *и бѣ гроза велика и съча силна*. Дублируя воинскую формулу, выстраивая параллельные синтаксические конструкции, автор воздействует на читателя, подчеркивая внутреннее сходство *съчи* и *грозы*, бывшее близким и понятным древнерусскому человеку. Данный контекст вообще, на наш взгляд, является значимым, потому что именно здесь формула становится частью повествования, выполняющего не только информационную, но и

эстетическую функцию. Текст, таким образом, обретает художественную ценность, а формула начинает играть роль выразительного средства.

Варьироваться может не только определение, но и непосредственно именная часть, т.е. слово *сбча*. Приведем примеры из ПВЛ, относящиеся к 1096 г.:

- *ИзАслав же исполчисА предъ градомъ на поли Влег же поиде к нему полкомъ и сступишасА обои [и] **бысть брань люта*** (ЛЛ, 85 об.),
- *[и поиде] Влегъ противу Мстиславу Ярославъ поиде противу Вачеславу Мстислав же перешедъ пожаръ с Новгородци [и] [сседоша с конеи Новгородци] и сступишасА на КулачьцѢ и **бысть брань крѣпка*** (ЛЛ, 86 об.).

Мы видим, что в данных примерах варьированию одновременно подвергаются оба компонента формулы. Прилагательное *злыми* заменяется на *лютymi* или *крѣпкими*, а имя *сбча* на *брань*. Брань – ‘война, битва’ [МСДРЯ]. Мы видим варианты одной и той же формулы, они отличаются компонентным составом, однако значения этих формул как целостных единиц являются практически идентичными, сочетания строятся по одной синтаксической модели, выполняют в тексте одну и ту же функцию, композиционно закреплены за одним и тем же местом в описании боя.

Сосуществование подобных аналогичных устойчивых единиц в пределах одного памятника может показаться несколько странным. Н.В. Трофимова рассматривает интересующие нас единицы в одной из своих научных статей с характерным названием «”И бысть сеча зла и ужасна...” Эпитеты начала битвы в летописях» [Трофимова, 2010]. Исследователь связывает такую замену формулы со сменой писца. Так, формулы с компонентом *сбча* относятся к древнейшему своду, а формулы с компонентом *брань* – к Первому Киево-Печерскому своду, который был создан, по мнению А.А. Шахматова, в 1073 г. [Шахматов, 2001]. Отметим

также, что контексты, включающие слово *брань*, относясь к заключительной части общерусской летописи, представляют собой развернутые сюжетные повествования, включающие прямую речь князей, комментарии летописца и содержащие элементы образности. Думается, именно такие поздние фрагменты военной тематики имели в виду исследователи, когда высказывали мысль о роли ПВЛ в складывании жанра воинской повести.

Формула, о которой идет речь, имеет трехчастную структуру, где два элемента с более ярким лексическим значением (определение и определяемое) могли быть подвержены лексическому варьированию. Глагол *быти* в форме аориста единственного числа передавал прежде всего грамматическое значение данной предикативной формулы, выполняя роль сказуемого при именном компоненте. В редких случаях он мог подвергаться изменениям, правда, уже чисто грамматического характера:

И поидоша к собѢ к боевн и сступишася полци <...> брани же велицѢ бывши и мнозѢмъ падающихъ вть вбою полку и видѢвъ стополкъ яко люта брань и побѣже и прибѣже володимерю (ЛЛ, 91 л.).

Видим, что формула здесь встречается дважды, однако в первом случае мы имеем дело с конструкцией дательный самостоятельный, а во втором – со значимым отсутствием глагола-связки *быти* в настоящем времени. Так, компонент, выражающий отношение действия ко времени, может подвергаться грамматическому варьированию: глагол в аористе и в настоящем времени, причастие в составе конструкции дательный самостоятельный.

В следующем контексте можно наблюдать интересный случай изменения исследуемой формулы:

Стополкъ же выиде на желаню и поидоша противу собѢ вбои и съступишася и оукрѣнися брань (ЛЛ, 73 об.).

Лексическое значение прилагательного, условно говоря, было перенесено на глагол. В данном примере отражен случай распада формулы,

когда ее компонентный состав подвергся трансформации смешанного типа – лексико-грамматической. Однако чтобы сделать более серьезные выводы о глобальности данного процесса, необходимо привлечь большее количество иллюстративного материала.

Итак, мы проанализировали случаи употребления традиционной формулы предикативного характера *бысть съча зла* в летописных фрагментах военной тематики. Другие традиционные формулы, встречающиеся в данных летописных отрывках, организуются вокруг рассмотренной выше единицы. Еще одна формула, которая будет рассмотрена нами в данной части работы – *съвкупити вои многи*. По структуре эта формула является смешанной, т.е. имеет черты глагольно-именной (*съвкупити вои*) и адъективной (*вои многи*). Данное сочетание следует за упоминанием о решении князя пойти против врага (часто это решение приходит вслед за сообщением об опасности) и предшествует сражению, описывая его подготовительный этап. Формула, о которой идет речь, обычно выступает в форме ед.ч., поскольку обозначает действие князя по отношению к войску. Данное сочетание очень частотно в ПВЛ. Приведем несколько примеров:

- *Игорь же совкупивъ вои многи ВарАги Русь и ПолАны Словѣни и Кривичи и Твверьцѣ и Печенѣги [наа] и тали оу нихъ поя поиде на Греки въ лодьяхъ и на конихъ* (ЛЛ, 10 об.),
- *начаша скотъ събирати втѣ мужа по .д. куны а втѣ старость по .г. гривнѣ. а втѣ боярь по .м. гривнѣ и приведоша ВарАгы [и] вдаша имъ скотъ и совокупи Ярославъ воя многы* (ЛЛ, 49 л.),
- *Ярославъ совокупи воя многы и приде Къеву* (ЛЛ, 50 об.).

Реже глагол в данной формуле обозначает не результативное, а длящееся действие, в таком случае он сопровождается фазовым компонентом, указывающим на начало процесса:

Игорь же пришедъ нача совокупити воБ многи (ЛЛ, 10 об.).

Само слово *вои* выступает в формуле в форме множественного числа и обозначает войско как совокупность воинов, ‘силы’ [МСДРЯ]. В тексте ПВЛ оно ни разу не подверглось замене. Действие в сочетании выражено при помощи глагола *съвкупити* – ‘созвать, призвать’ [МСДРЯ]. Как и в случае с формулой *бысть съча зла*, компоненты данного сочетания способны заменяться. В ПВЛ можно встретить контексты, где на месте *съвкупити* выступает синонимичный глагол *събрати*:

- *Ярославу же сущю Новѣгородѣ вѣсть приде ему яко Печеньзи встоять Кыевъ Ярославъ събра вои многъ* (ЛЛ, 51 л.),
- *бысть же вѣсть ИзАславу яко Олегъ идетъ к Мурому посла ИзАславъ по воБ Суздалю и Ростову и по Бѣловзерци и собра вои многы* (ЛЛ, 85 об.).

Глаголы *съвкупити* и *събрати* являются очень близкими по значению. В МСДРЯ они оба толкуются через один и тот же глагол – *созвать*. Как и в случае с формулой *бысть съча зла*, прослеживается зависимость выбора глагола от места формулы в тексте ПВЛ. В начальной части памятника предпочтение отдается глаголу *съвкупити*, а в дальнейшем – глаголу *събрати*. Предложение Н.В. Трофимовой объяснить выбор нового компонента формулы сменой писца кажется нам вполне обоснованным, но отметим также тот факт, что выбор этот так или иначе происходит в соответствии с требованиями времени. Проще говоря, слово *съвкупити* со временем в данном контексте стало менее понятно древнерусскому читателю, чем слово *събрати*. Хотя здесь нельзя исключать и возможность влияния личности самого писца, его опыта на создаваемый им текст.

Рассматриваемая формула в предыдущих контекстах не имела при себе осложняющих структуру компонентов. Исключением являются всего два случая:

- *Вльга съ сыномъ своимъ Стославомъ собра вои много и храбры . и иде на Дервьску землю (ЛЛ, 16 л.),*
- *кнАзю Стославу възрастшю и възмужавшю нача вои совкупАти многи и храбры (ЛЛ, 19 л.).*

В данном контексте автор посчитал необходимым дополнить существительное *вои* определением, дающим дополнительную положительную оценку, подчеркивая тем самым состоятельность войска не только в количественном (*много*), но и в качественном отношении (*храбры*). Такое необычное для ПВЛ уточнение, на наш взгляд, объясняется тем, что оба контекста имеют народно-поэтический характер, так что подобные образные элементы функционируют в них намного свободнее, чем, например, в классических фрагментах воинской тематики. Первый контекст является частью предания о мести княгини Ольги древлянам и входит в начальную часть летописи, второй отрывок взят из рассказа о военных походах сына Ольги Святослава, он также является довольно древним и носит фольклорный характер.

В одном из контекстов глагол *сбрати* употреблен в форме двойственного, а не единственного числа. Это связано с тем, что решение выступить против врага принадлежало двум князьям:

Ярославъ и Мьстиславъ собраста вои многъ идоста на ЛАхы и заяста грады Червеньскыя впАть и повоеваста ЛАдьскую землю (ЛЛ, 51 л.).

В тексте ПВЛ можно встретить рассматриваемую единицу и с заменой прилагательного *многи*. Оно уступает место существительному *множество*:

Приде Стополкъ с Печеньгы в силъ тАжыцѢ и Ярославъ собра множество вои и възиде противу ему (ЛЛ, 49 л.).

С точки зрения смысла замена, на наш взгляд, не является существенной и в ПВЛ практически не встречается. Однако здесь же

отметим, что подчеркивание многочисленности войска часто эксплицируется в тексте именно при помощи данной единицы:

- *ИзАславъ и Стославъ и Всеволодъ и Всеславъ совокупи[ша] вои бещислены [и] поидоша на конихъ и в лодьяхъ бещислено множество на Торкы* (ЛЛ, 55 л.),
- *и не бѢ лзѢ вкрасисА вградъ множествомъ вои ратныхъ* (ЛЛ, 73 об.),
- *и приступи стополкъ крсть надБясА на множество вои* (ЛЛ, 90 об.-91 л.).

Итак, при анализе случаев употребления формул *бысть съча зла* и *съвкупити вои много* в ПВЛ мы можем наблюдать сходные процессы, связанные с особенностями функционирования данных единиц. Так, в пределах обоих сочетаний отмечаются случаи лексической замены на сходный по значению компонент, что объясняется стремлением к «обновлению» сочетаний в ходе развития языка, а также сменой писца, контекстные же условия употребления остаются во всех случаях подобными и, на наш взгляд, не накладывают отпечатка на выбор того или иного варианта. Также отмечается возможность грамматического варьирования в пределах глагольной парадигмы: форма слова меняется в зависимости от условий протекания действия (отношения к пределу, к деятелю и ко времени непосредственно).

Формулу *съвкупити (събрати) вои многи* достаточно часто можно встретить в местных летописях, а также в развитых воинских повестях, где она неизменно эксплицирует идею о многочисленности войска и обрастает новыми образными средствами, прежде всего, гиперболами и сравнениями:

Иноплеменницы собраша полки своя многое множество и выступиша яко борове велици и бѢ множество ихъ яко не моци презрѣти чрезъ нихъ [Летопись по Воскресенскому списку].

Получается, что первоначально свободная от какой бы то ни было образности формула, оказываясь в рамках повествования на военную тему, в некоторых случаях была способна не просто маркировать воинский тип текста, но и становиться стилистическим приемом. Подобного рода процесс вообще был характерен для текстов, реализующих эстетическую функцию (поэтому мы не сталкивались с ним при анализе деловых фрагментов).

Как видим, для древнерусского автора было важно передать идею многочисленности войск. Еще одна типичная для сформированной воинской повести формула также связана с передачей этой идеи. Приведем примеры:

- *приде семевонъ на цръградъ и поплъни фракию и макидонью и приде ко црюграду въ силъ въ велицъ в гордости* (РЛ, 21 л.),
- *и вступиша [печеньзи] в градъ в силъ велицъ бецислено множьство вколо града и не бѣ лъзѣ изъ града вылъсти ни вѣсти послати* (ЛЛ, 19 об.),
- *приде стополкъ с печенъгы в силъ тАжъцъ и ярославъ собра множьство вои и възде противу ему* (ЛЛ, 49 л.).

Сочетания типа *в силъ...* относятся к глаголу, называющему то или иное действие войска, чаще всего наступление или осаду. Определение, традиционно сопровождающее имя *сила*, подчеркивает его значение и сосредоточивает внимание читателя на положительной оценке сочетания в целом. Слово *великыи* мы встречали в составе формулы *бысть сѣча велика*, оно действительно является традиционным для выражения в тексте идеи о чем-либо выдающемся и положительном. Интересно добавление *в гордости* в первом примере. Оно делает атрибутивную формулу похожей на парную (типа *миръ и любовь, молонья и громъ* и т.п.). Соединение в одной конструкции слов *сила* и *гордость* говорит о том, что автор мыслил силу как предмет гордости и передал эту идею при помощи соединения двух имен в формуле. Отношения между компонентами пары можно охарактеризовать

как внешнее – внутреннее: сила – объективная характеристика войска, гордость – внутреннее переживание, вызванное тем, что войско хорошо подготовлено и готово вступить в битву с противником. Подробнее об отношениях компонентов, составляющих парную формулу, речь пойдет ниже.

Следующая формула, которая будет нами рассмотрена, относится к завершающей части традиционного воинского текста, где речь идет о результате сражения. Это глагольно-именная формула *възложити дань*. Впервые данная единица встречается уже в записи 884 г.:

Иде [Олезь] на СьверАне и побьди СьверАны и възложи на нь дань легьку и не дасть имъ Козаромъ дани платити рекъ азъ имъ противень а вамъ не чему (ЛЛ, 8 об.).

Данный пример представляет собой редкий случай, когда формула встречается в очень краткой записи, имеющей документирующий характер. Слово *дань* в приведенном контексте имеет значение ‘подать’ [МСДРЯ], т.е. репрезентирует понятие из области финансового права. Установлено, что «древнерусские летописные своды употребляют его прежде всего в смысле военной контрибуции, которую подвластные племена платили своим победителям» [Брокгауз]. Победа над северянами и обложение их данью и являются своего рода результатом похода Олега. Интересно уточняющее определение при имени *дань*, определяющее размер подати. В данном случае она оценивается автором как небольшая (*легька*). Здесь же видим еще одно сочетание со словом *дань* – *дань платити*, эксплицирующее действие, имеющее противоположное «направление».

Следующий случай употребления формулы отнесен автором летописи к 914 г.:

Иде игорь на ДеревлАны и побьдивъ а и възложи на нь дань болиши Влговы (РЛ, 20 об.).

Князь Игорь – сын Рюрика, в свое время оставленный последним на попечение Олега. Как известно, именно размер возложенной Олегом на древлян дани сыграл в его жизни роковую роль. И на языковом уровне подчеркивается размер подати: Игорь возложил дань *легьку*, а Олег – дань *болиши влговы*. В целом же оба контекста являются аналогичными с точки зрения подачи информации: обе формулы включены в краткие сообщения о княжеских походах, занимают одно и то же место в композиции этих сообщений и одинаковым образом участвуют в выстраивании связи по типу подчинения (*дань* + определение).

Еще один контекст относится к 946 г., времени правления вдовы Игоря и матери Святослава княгини Ольги, которая выполняла функции регента при малолетнем наследнике. Ольга отличалась исключительной мудростью и, пойдя на древлян, говорила с ними следующим образом:

Мало оу васъ прошую дайте ми втъ двора по .г. голуби да [по] .г. воробьи азъ бо не хоцю тАжъски дани възложити якоже и мужъ мои (ЛЛ, 16 об.).

Однако это высказывание княгини не было искренним, она обманула древлян:

И възложиша на на дань тАжъку .в. части дани идета Киеву а третья Вышегороду к Ользь бб бо Вышегородъ градъ Вользинъ (ЛЛ, 17 л.).

Данные отрывки подтверждают мысль о том, что информация о размере дани была, безусловно, актуальна, а потому при формуле видим слова, передающие эту информацию. В данном случае Ольга называет дань, которой Олег обложил древлян, «тяжкой», но сама же потом накладывает такую дань. Как видим, в древнерусском сознании существует выраженное в языке противопоставление *легкьи – тАжкьи*. Оба определения характеризуют слово *дань* в составе глагольно-именных формул.

Любопытно, что для современного русского человека антонимичная пара при подобных существительных выглядела бы как *маленький – большой*

(ср. *маленький долг – большой долг*). То есть тот факт, что маленький долг отдать легко, а большой тяжело, конечно, подразумевается, но лексически эти идеи никак не выражены, древнерусские же определения представляются более субъективными и несут в себе элемент оценочности.

Примечательно, что в более поздних фрагментах ПВЛ формула *възложити дань* функционирует уже без подобного рода определений.

Приведем примеры:

- *ВАтичи побѣди Стославъ и дань на нихъ възложи* (ЛЛ, 19 об.),
- *[Мьстиславъ] вынзе ножь [и] зарѣза Редедю [и] шедъ в землю его взА все имѣнье его [и] жену его и дѣти его и дань възложи на Касогъ* (ЛЛ, 50 л.).

В ПВЛ встретился и такой контекст с формулой *възложити дань*, где содержится информация об условиях, согласно которым дань необходимо было платить. Из этого фрагмента мы узнаем, что дань «от плуга» брал не только Владимир, но и его отец Святослав. Это уже не размер, но способ «дачи дани»:

Иде [володимеръ] к ЛАхомъ и зая грады ихъ перемышль Червень и ины грады еже суть и до сего дне подъ Русью в сем же лѣтѣ и ВАтичи побѣди и възложи на нь дань втѣ наОуга (втѣ плуга – РЛ, 46 л.) якоже вѣць его имаше (ЛЛ, 26 л.).

Формула *възложити дань* обычно использовалась в тексте для передачи завершенного результативного действия. Намного реже возникала необходимость передать это действие в его протекании, что объяснимо: облагание данью как процесс все же ограничено определенным временным пределом. В тех же случаях, когда контекстно важно было показать длительность, использовали другую составную единицу:

- *поча Влегъ воевати ДеревлАны и примучи вои имаша на них дань по чернѣ кунѣ* (ЛЛ, 8 об.),

- *рече же имъ Вльга яко азъ мьстила оуже вбиду мужа своего <...> а оуже не хоцю мьщати но хоцю **дань имати** помалу [и] смирившисА с вами поиду впАть* (ЛЛ, 16 об.),

- *иде Стославъ на Дунаи и на Болгары [и] бившемъсА вбоимъ вдолъ Стославъ Болгаромъ и взА городъ .н. по Дунаеви [и] сьде кнАжа ту въ Переяславци **емла дань** на Грьцѣх* (ЛЛ, 19 об.).

В тексте ПВЛ можно встретить формулу со значением, противоположным *възложити дань* – *платити дань*. В той же функции выступало и сочетание *дати (даяти) дань*. Приведем несколько примеров из ПВЛ:

- *посла къ Радимичемъ рька камо **дань даете** вни же рьша Козаромъ* (ЛЛ, 8 об.)

- *и пристроиша Грьци .р. тысАць на Стослава и не даша дани* (ЛЛ, 26 об.)

Итак, для описания ситуации обложения данью использовался ряд глагольно-именных традиционных формул. Все эти единицы выступают в тексте ПВЛ в случае необходимости сообщить о результате военных походов. Наиболее часто использовалась формула *възложити дань*. В рассмотренных контекстах сообщение об обложении данью может содержать информацию о размере платежа и реже – о способе выплаты, сама же формула не подвергается трансформациям: оба ее компонента остаются без изменений. На наш взгляд, это связано с тем, что данная единица, хотя и встречается в текстах военной тематики, все же является средством экспликации деловой ситуации, а потому во многом функционирует как глагольно-именные формулы типа *створити оубои, татбу* и т.п., рассмотренные нами в предыдущей части исследования.

Подобным образом функционируют в тексте ПВЛ формулы *створити миръ (любовь)* и *имьти любовь*, которые также способны употребляться в

воинских фрагментах, являясь при этом частью описания деловой ситуации закрепления мирных отношений. Дело в том, что формулы *створити миръ (любовь)* и *възложити дань* объединены функционально: они фиксируют юридически значимый результат военного столкновения. Последнее утверждение свидетельствует о гибкости жанрово-стилевых границ в древнерусской литературе и еще раз подтверждает высказанную Д.С. Лихачевым мысль о том, что именно тема определяла в древнерусском тексте средства выражения устойчивого содержания.

Еще одна исследуемая единица также относится к завершающей части воинских фрагментов, она следует за сообщением о результате события и чаще всего указывает на окончание отрывка. Это формула *възвратитисѧ въ своя си*. Согласно данным «Историко-этимологического словаря» П.Я. Черных, современное наречие *восвояси* со значением ‘к себе, домой’ пришло в русский, а перед тем – в древнерусский язык из старославянского, куда, в свою очередь, было перенесено из греческого путем калькирования [Черных]. С точки зрения грамматики древнерусского языка данное формульное сочетание состоит из притяжательного местоимения *своя* (вин. мн. ср.р. от *свои*) и усилительной частицы *си*. М. Фасмер считает *си* местоимением в Д.п. (ср. *себе*) [Фасмер]. Любопытно, что авторы-составители некоторых этимологических словарей считают *восвояси* собственно русским образованием, возникшим «путем сращения в одно слово словосочетания *во своя вьси* (где родственно современному, хотя и устаревшему *весь* – "деревня"), имеющего значение "в свои деревни, домой"» [Крылов]. Подобная трактовка сочетания кажется нам необоснованной с точки зрения грамматической и лексической семантики выражения, и в вопросе о происхождении данного наречия мы склонны соглашаться с М. Фасмером (тем более, что и П.Я. Черных трактует данное слово как «к себе»).

Итак, рассмотрим формулу, на базе которой возникло наречие *восвояси*. Впервые данная устойчивая единица употребляется уже во фрагменте о первом походе Руси под предводительством Аскольда и Дира на Царьград в 866 г.:

И волнамъ вельямъ въставшемъ засобъ безбожныхъ Руси корабль смАте [u] к берегу приверже и изби я яко ма[ло] их втъ таковыя бѣды избѣгнути [u] въ свояси възвратишасА (ЛЛ, 7 об.).

Поход, описанный в этой части летописи, оказался неудачным, причем неудача эта объясняется летописцем непривычным для воинского текста образом. Сражение не состоялось: ему помешали силы природы. Получается, что сочетание *възвратитисА въ своя си* использовалось даже тогда, когда сражение не состоялось, но имело место само выступление в воинский поход. Противодействие же со стороны стихии автор связывает с молитвой царя Михаила и патриарха Фотия, за которой последовал священный ритуал: ризу святой Богородицы смочили в море. Такое магическое объяснение, тем не менее, не является чем-то чужеродным для текста ПВЛ, поскольку встречается в ее начальной части, многие фрагменты которой имели характер исторических преданий. В целом же мистическое влияние природы на ход боя впоследствии стало излюбленным мотивом воинских повестей. Достаточно вспомнить описание природы в «Слове о полку Игореве»: «Мрачными предзнаменованиями природа сопровождает сборы Игоря в поход и самый поход, и с радостным возбуждением она помогает ему во время его бегства из плена» [Гудзий].

Еще один неудачный поход, заставивший русских *възвратитисА въ своя си*, описан под 941 г. Это поход князя Игоря на греков, когда последние применили в морской битве горючую смесь, так называемый греческий огонь:

Русь же видАщи пламАнь вѣтахусА въ воду морьскую хотАще оубрести и тако прочии възвратишасА въ свояси (ЛЛ, 10 об.)

Приведем еще два контекста, содержащих изучаемое сочетание:

- *Приде Семевоъ на Цръградъ и поплъни Фракию и Макидонью и приде ко Црюграду въ силъ въ велицъ в гордости и створи миръ с Рамономъ црмъ и възратисА въ своя си* (РЛ, 21 л.)

- *паки придоша Оугри на Цръградъ [и] миръ створивше съ Рамономъ възвратишасА въ своя си* (ЛЛ, 10 об.)

Данные фрагменты объединяет сообщение о заключении мира, предшествующего возвращению войск. Мы можем сделать вывод о том, что исследуемая формульная единица употребляется не обязательно в случае негативного для инициатора военных действий исхода событий.

Позднее в ПВЛ глагол *възвратитисА* уступил место глаголу *ити* и его приставочным производным. Приведем примеры:

- *[Игорь] повель Печеньгомъ воевати Болъгарьску землю [а] самъ возьмъ оу Грекъ злато и наволоки и на всА воя и възратисА въспАть и приде къ Киеву въ своя си* (ЛЛ, 11 л.),

- *и варивше яша кнАзи Печеньзьстии и подивишасА и поимше тали своя и внѣхъ пустивше въсташа втѣ града въ своя си идоша* (ЛЛ, 44 об.),

- *Влег же выиде и-Стародуба и приде Смолиньску и не прияша его СмолнАне и иде к РАЗаню Стополкъ же и Володимеръ поидоста в своя си* (ЛЛ, 77 л.-77 об.),

- *и на томъ цѣловаша крсть да аще кто втѣсель на кого будетъ то на того будемъ вси и крсть чтныи рекоша вси да будетъ нашъ [хрестъ чтныи] и всА земля Русьская и цѣловавшесА поидоша в своя си* (ЛЛ, 87 л.).

Замену глагола *възвратитисА* на *ити* (*поити*, *прийти*) в составе глагольно-именной формулы следует, по нашему мнению, объяснять сознательным обновлением устойчивого сочетания в соответствии с неизбежными изменениями в языковой системе. Мы уже говорили о

подобном процессе в этой части работы: определение зла в формуле *бысть сѣча зла* заменили на *велика*, а в сочетании *сѣвкупити* *вои многи* глагол *сѣвкупити* был заменен на *собрати*. В рассматриваемом случае смена глагола объясняется и с точки зрения семантики: *възвратитисѧ* уже подразумевает возвращение домой, назад, т.е. на самом деле достаточно один раз транслировать эту идею – используя сочетание *въ своя си*, которое и задавало «направление» глаголам движения (*ити* и его производным), появившемся в составе формулы впоследствии.

Как и многие другие воинские устойчивые сочетания ПВЛ, данная формула продолжала широко употребляться в местном летописании:

- *князь же Олександръ съ Новгородци и с Ладожаны **придоша** вси здрави **въ своя си**, сохранени богомъ и святою Софьею и молитвами всѣхъ святыхъ* [Новгородская I летопись... , Электр. ресурс],

- *Юрьи же <...> **взѧша** Сохачевъ городъ . и поимаша в немъ товара много и Челѧди . а прокъ *иссѣкоша* и тако (и) *вполонишасѧ* и **поидоша во свояси*** [Ипатьевская летопись, Электр. ресурс].

В более поздних батальных рассказах на месте данной формулы встречаем цельнооформленную единицу – наречие, которое функционировало довольно свободно и могло не иметь четкой композиционной связи с окончанием повествования. См. напр. в «Истории о Казанском царстве» (XVI в.): «Царь же князь великий повелъ весь плѣнь собирать в станы своя и держаше на многи дни в шатрѣх своих, пищею и одеждами всѣм доволно учрежаше, якоже отецъ чадолюбивый чад своих веселяше. И в Рускую землю в лодьяхъ своих отсылаше их до Василя-города и **восвояси** оттуду их разпуцаше. Нужницы же они видѣша к ним таковое милосердие и благоутробие его <...> многи слезы и моления ко Господу о нем *всылаху*» [История о Казанском царстве].

В современном русском языке слово *восвояси* по-прежнему употребляется, оно вышло далеко за пределы военной тематики: «Восвояси – нареч. Разг. К себе домой. *Я кивнул ему [Павлу] головой и пошел восвояси* (И.С. Тургенев «Бежин луг») [МАС]. Некоторые современные словари отмечают в этого слова определенное смысловое развитие: для современного человека уйти восвояси – обычно уйти ни с чем: «Восвояси – разг.-сниж. к себе домой. *Иди в. Убирайся в.*» [БТС Кузнецова, 1998].

Выше мы анализировали формулы, употребляющиеся в тех или иных частях воинских фрагментов. Теперь рассмотрим отдельные воинские фрагменты ПВЛ целиком и понаблюдаем за функционированием в них описанных устойчивых сочетаний:

- *иде Игорь на Деревланы и побьдивъ а и возложи на нь дань бошии Влговы в то же лѣт прииде Семиинъ Болгарьскіи на Цръград и сотворивъ миръ и прииде во своаси* (РЛ, 20 об.).

- *приде Семеонъ на Цръградъ и поплъни Фракию и Макидоню и приде ко Црюграду въ силъ въ велицъ в гордости и створи миръ с Рамономъ црмъ и възратисА въ своя си* (РЛ, 21 л.),

- *ярославъ събра вои много варАгы и словъни приде кыеву и вниде в городъ свои и бѣ печенъгъ бе-щисла ярославъ выступи из града и исполчи дружину. [и] постави ВарАгы посредъ а на правѣи сторонѣ Кыяне а на лѣвѣмъ крилъ Новгородци [и] стаха пред градомъ Печенъзи приступиша и почаша и сступишасА на мѣсто . идеже стоитъ нынѣ стая Софья митрополья Русьская . бѣ бо тогда поле внѣ града и быс сѣча зла и вдва вдолѣ к вечеру Ярославъ . и побѣгша Печенъзи разно* (ЛЛ, 51 л.)/

Приведенные примеры демонстрируют композиционную обусловленность употребления традиционных формул в воинских летописных фрагментах. Формулы в них являются своего рода маркерами тех или иных постоянно повторяющихся действий, так или иначе связанных

с вооруженными столкновениями. В связи со сказанным становится ясно, почему в данном типе летописных фрагментов распространены именно предикативные и глагольно-именные устойчивые единицы: важно было передать действия в их протекании, в их последовательности, тогда как дополнительные, обстоятельственные значения находились на периферии повествования, а в кратких записях для них и вовсе не было места.

В нескольких фрагментах наряду с рассмотренными выше композиционно обусловленными формулами можно встретить яркие, образные формульные конструкции, характерные для развитых воинских повестей. Приведем в качестве примера контекст, повествующий о втором походе князя Игоря на Византию:

*Игорь же совокупивъ вои мнози ВарАги Русь и ПолАны СловЪни и Кривичи и Тьверьцѣ и Печенѣги и тали оу нихъ поя поиде на Греки въ лодьяхъ и на конихъ хотА мьстити себе се слышавше Корсунци послаша къ Раману глице се иде Русь бе-щисла корабль покрыли суть море корабли такоже и Болгаре послаша вѣсть глице идуть Рьсь и наяли суть к собѣ Печенѣги се слышавъ црь посла к Игорю лучиѣ болАре мола и гла не ходи но **возьми дань** юже ималъ *Влегъ придамъ и еще к тои дани такоже и къ Печенѣгомъ посла паволоки и злато много Игорь же дошед Дуная созва дружину и нача думати. [и] повѣда имъ рѣчь црву рѣша же дружина Игореве да аще сице глть црь то что хотимъ боле того не бившесА имати злато и сребро и паволоки егда кто вѣсть кто вдолѣеть мы ли внѣ ли ли с моремъ кто свѣтенъ се бо не по земли ходимъ но по глубинѣ морьстѣи вбѣча смрь всѣмъ послуша ихъ Игорь и повелѣ Печенѣгомъ воевати Болъгарьску землю [а] самъ вземъ оу Грекъ злато и паволоки и на всА воя и възратисА вьспАть и **приде къ Киеву въ своя си** (ЛЛ, 10 об.-11 л.).**

В данном контексте привычное для ПВЛ сообщение о том, что князь *съзвупи вои мнози*, выглядит совершенно иначе. Автор фрагмента не довольствуется фиксацией того факта, что войско было многочисленным (бе-

щисла) – он использует гиперболу, говоря, что русских кораблей было так много, что они смогли покрыть собой все море (*покрыли суть море корабли*). В описании сухопутных сражений использовался образ поля. Подобные конструкции – одна из характерных языковых черт развитого воинского повествования:

- *яко же покрыти водѣ быти отъ множества вой* [Ипатьевская летопись],
- *и покрыша поле полкы, яко на десяти верстѣ, отъ множества вой* [Софийскийская первая летопись...],
- *покрываеми бо велицыми поля бываху многочисленнымъ воинствомъ* [Сказание... , Электр. ресурс].

Обратимся к еще одному контексту из ПВЛ, содержащему воинские формулы. Речь в нем идет о победе Ярослава Мудрого над братом Святополком:

*Приде Стополкъ с Печеньгы в силѣ тАжъцѣ и Ярославъ собра множьство вой и възиде противу ему на Лѣто Ярославъ мѣстѣ идеже оубиша Бориса въздѣвъ руцѣ на нбо реч кровь брата моего вопъеть к тобѣ Влдо мѣсти вѣть крове праведнаго сего якоже мѣстиль еси крове Авелевы положивъ на Каинѣ **стенанье и тРАсенье** тако положи и на семь помоливъсА и рекъ брата моя аще еста и тѣломъ [вѣтила] вѣтуда но млтвою помозѣта ми на противнаго сего убищю и гордаго и се ему рекию поидоша противу собѣ **и покрыша по[ле] Летьское вбои вѣ множьства вой** бѣ же пАтокъ тогда възходАщю слнцю и сступишасА вбои **быс сѣча зла** яка же не была в Руси и **за руки емлюче сѣцАхусА** и сступашасА трижды **яко по удольемъ крови тещи** к вечеру же вдолѣ Ярославъ а Стополкъ бѣжа (ЛЛ, 49 л.).*

В приведенном примере встречается еще одна широко распространенная в древнерусской литературе воинская формула – *за руки*

емлюче сьѡхуса, она относится к описанию самого боя. Данная единица демонстрирует жесточенность сражения. Приведем примеры из более поздних памятников:

- *ратнїи же за руки емлюще сьѡхуса* (Кулик. битва, Степ. Книга, I, 495; Сл. О житии и преставлении в. к. Д. И., Снегирева, 87),
- *и сьѡхуса, за руки емлющеса* (Иное сказ., н. XVII в., 31),
- *другъ друга за руцѡ хватаючися и сьѡхуса* (Азов. Взятие, 1637, Рум. №378).

Следующая редкая для ПВЛ воинская формула, встретившаяся в приведенном примере, основана на скрытом сравнении крови и реки – *яко по удолюемь крови теци*. Обратимся к другим источникам:

- *яко крови ихъ по удоляемь течаше* (Каз. вз. 1552, ПСРЛ, VI, 312),
- *течаше кровь крестьянская, яко рѡка силная* (Повесть о разорении Рязани Батыем, сер. XIV в.),
- *крови же человѡческія, яко водныя источницы течаше* (Повесть о некоей брани, нач. XVII в.).

Характерные для воинских повестей и редких летописных фрагментов формулы типа *за руки емлюче сьѡхуса*, *яко по удолюемь крови теци* и др. представляют собой несколько иное языковое явление по сравнению с устойчивыми единицами, рассмотренными выше. В отличие от последних, эти единицы уже вполне можно назвать выразительным средством. Такие формулы также отражают традиционные мотивы сражения, но воспринимаются уже не просто как средство типизации. Эти сочетания вплетены в канву произведения сознательно, их функция – эстетизация повествования, воздействие на чувства и эмоции читателя. Неслучайно и возникли подобные единицы намного позже первичных формул, главной задачей которых была языковая репрезентация действия.

Сказанное подтверждает мысль о том, что ПВЛ не имеет в своем составе законченных воинских повестей: развернутые, образные фрагменты встречаются в исследуемом тексте крайне редко. При этом анализ традиционных формул позволяет говорить о своего рода преемственности между воинскими фрагментами летописи и соответствующими им самостоятельными произведениями древнерусской литературы.

Выводы по второй главе

1. Для воинского и делового типов фрагментов типичными являются глагольные формулы: в деловых фрагментах регулярно встречаем глагольно-именные устойчивые сочетания, в воинских – глагольно-именные и предикативные. Выбор глагольных формул обусловлен вниманием автора к передаче конкретных действий, совершаемых героями повествования. Данная особенность роднит воинские и деловые фрагменты между собой и делает возможным употребление в обоих типах текста сходных, а иногда даже одинаковых устойчивых единиц.

2. В летописных фрагментах деловой направленности встречается ряд глагольно-именных формул, которые констатируют факт совершения того или иного преступного деяния и лишь в редких случаях используются для обозначения каких-либо иных действий. Глагольный компонент в таких сочетаниях семантически прозрачен, он является носителем грамматического значения. Смысл же формулы в целом определяется смыслом ее именного компонента.

3. Тексты договоров содержат сочетания и другого плана, некогда обозначавшие конкретные действия, но со временем утратившие прозрачность внутренней формы. На примере таких формул можно

проследить процесс отвлечения первоначально конкретного значения. К таким формулам относятся сочетания с компонентом *рука*.

4. Традиционные формулы используются на всем протяжении воинских летописных фрагментов памятника и оформляют все части их композиции, которую в наиболее общем виде можно представить как *подготовка к сражению – сражение – результат сражения*. Наиболее часто традиционные формулы встречаются в заключительной части сообщений, что объясняется небольшим в среднем объемом фрагментов и вниманием автора к самому факту события, а не к обстоятельствам его протекания.

5. Большая часть глагольных формул воинских фрагментов представлена глагольно-именными сочетаниями, компоненты которых связаны подчинительной связью. Глагольно-именные формулы являлись самыми древними, первичными и выполняли номинативную функцию, они не были средством выразительности в современном его понимании, но, регулярно употребляясь в подобных друг другу фрагментах, со временем стали восприниматься как маркеры определенного типа текста. На начальном же этапе развития нашего языка роль таких формул заключалась в выработке способов обозначения тех или иных действий. В связи с этим данный тип формул характерен не только для воинских, но и для деловых фрагментов. Кроме того, будучи экспликатором действия, глагольно-именная формула использовалась, когда необходимо было описать последовательность военных действий или же обязательных операций в ходе деловой коммуникации.

6. В проанализированных фрагментах также встречаются глагольные формулы предикативного характера, которые не были знакомы фрагментам других типов (*бысть съча зла, поидоша вои многы* и др.). Предикативная формула, в отличие от глагольно-именной, содержит информацию не только о действии, но и о производителе действия, а значит, она могла быть использована только в том случае, когда субъект известен

заранее, что невозможно в деловой ситуации, когда субъект максимально обобщен.

7. Так называемые воинские формулы, типичные для более поздних произведений древнерусской литературы, выполненных в жанре воинской повести, встречаются уже в ПВЛ, что дает основание говорить о последней как об источнике развития вышеупомянутого жанра, правда, количество таких употреблений в летописи крайне мало. Общие для ПВЛ и воинских повестей формулы с течением времени обычно так или иначе видоизменялись, подвергаясь различного рода лексическим и грамматическим трансформациям.

8. Воинские фрагменты ПВЛ содержат единичные случаи употребления не первичных формул (*за руки емлюче съАхуса, яко по удольемь крови тещи и т.п.*). Такие единицы, как и все, рассмотренные выше, указывают на тип текста, но, в отличие от древнейших глагольных сочетаний, выступают также в роли выразительного средства: они заключают в себе образность, которой лишены первичные формулы. Не только понятийное, но и образное мышление в средневековый период еще активно формировалось, и анализ разновременных текстов и их фрагментов позволяет нам проследить за этим сложным процессом.

9. Характерные для воинских фрагментов ПВЛ традиционные формулы продолжали функционировать в воинских повестях до тех пор, пока последние продолжали создаваться. Рассмотренные сочетания не закрепились в синхронических словарях и знакомы только начитанному носителю русского языка.

ГЛАВА 3. ТРАДИЦИОННЫЕ ИМЕННЫЕ ФОРМУЛЫ В «ПОВЕСТИ ВРЕМЕННЫХ ЛЕТ»

3.1. Атрибутивные формулы в агнографических фрагментах

Начнем с рассмотрения атрибутивных формул, то есть тех, которые с точки зрения структуры представляют собой устойчивое соединение имени, обозначающего предмет, и имени в функции определения. Отметим, что «синтаксической моделью, чаще всего употребляемой для выражения атрибутивных отношений, является модель “прилагательное + существительное”» [Хлопьянов]. Единицы подобного рода ранее не становились объектом нашего внимания, поскольку не являлись характерными ни для деловых, ни для воинских летописных фрагментов. Между тем, они имеют длительную историю изучения. В ряде работ данные сочетания рассматриваются как сочетания с постоянными [Барсов, 290] или украшающими [Буслаев 1959] эпитетами [Веселовский; Потебня 1914; Пропп; Евгеньева; Михайловская].

Используя терминологию М.В. Пименовой, мы будем называть подобного рода сочетания атрибутивными [Пименова]. Вслед за А.А. Потебней, Б.А. Успенским, В.В. Колесовым и М.В. Пименовой [Пименова; Потебня 1968; Колесов 1989; Успенский], мы полагаем, что определения, включенные в состав подобного рода формул выполняют номинативную функцию, отражая особенности мировидения древнерусского человека. В рамках подобных устойчивых сочетаний происходит «разложение восприятия на сходные по содержанию элементы, из коих один представлен субстанцией, а другой ее деятельностью; это попытка объяснения явления» [Потебня 1968, с. 330].

По мнению М.В. Пименовой, такие единицы включают в свой состав устойчивые книжные атрибуты и могут быть представлены двумя основными лексико-семантическими разновидностями: первые называют денотат, обладающий признаком, выделяющим его из однородного ряда, превращающим его именно в этот денотат (объект, явление) в сопоставлении с денотатом «родовым» (*чърныя ризы* ('монашеская одежда') – *ризы*; *тъма кромЪшина* ('ад') – *тъма* и т.п.) [Пименова, с. 62]. Вторая разновидность атрибутивных сочетаний указывает «на денотат, представляющий собой то, что должно, являющийся таким, каким он должен быть, соответствующий норме, идеалу» (*святая церковь, бѣзбожныи Мамай* и т.п.) [Пименова, с. 63].

Анализ атрибутивных формул ПВЛ подтвердил наличие в исследуемом тексте обоих типов сочетаний. Отметим также, что компоненты формул второго типа относительно свободны друг от друга, их соединение является довольно «уязвимым» и может быстро распадаться. Определение в таком случае обычно представляет собой слово с максимально общей оценочной семантикой. Чаще всего это действительно слова со значением обобщенно-положительной оценки [Соколовская]. Однако не любое сочетание слова и сопровождающего его определения со значением положительной оценки является устойчивым. Приведем примеры сочетаний с прилагательным *великыи*, взятые из разных типов летописных фрагментов:

- *и съмѣси бѣ языки и раздѣли на .о. и .в. языка и расъсѣя по всеи земли по размѣшенни же языкѣ бѣ **вѣтромъ великимъ** разраши столѣ (ЛЛ, 2 об.),*
- *Вльга же поимши малы дружины легько идуци приде къ гробу его [и] плакаса по мужи своемъ и повель людемъ своимъ съсуги **могилу велику** (ЛЛ, 16 л.),*
- *и баше **снѣгъ великъ** [и] поидоша противу собѣ и быс сѣча зла и мнози падоша и вдолѣша (ЛЛ, 56 л.),*

- *и надолзѢ борющемаС има нача изнемагати мѣстиславъ бѢ бо великъ и силенъ РедедА* (ЛЛ, 60 л.).

Как видим, определение *великыи* имеет довольно широкую сферу функционирования. Часто употребление слова в сочетании с компонентом *великыи* просто указывает на размер или масштаб того, что передано определяемым словом (*великыи вѢтер / снѢгъ – сильный, велика могила – большая, великъ РедедА – высокий, крупный*). Таким образом, у читающего летопись складывается впечатление, что все, о чем он узнает из текста, имеет большое значение:

- *и приде Столавъ къ порогомъ и не бѢ лзѢ проити порогъ и ста зимовати в БѢлобережьи и не бѢ оу них брашна оуже и бѢ гладъ великъ яко по полугрѣвѢ глава конАча и зимова Стославъ ту* (ЛЛ, 23 л.),

- *и послуша его Ярополкъ [и] избѢгъ пред нимъ затворисА въ градѢ Родъни на оустъ [Рси] рѢки а Володимерь вниде в Киевъ и всѢде Ярополка в РоднѢ и бѢ гладъ великъ в немъ* (ЛЛ, 24 об.),

- *в се же время оувѢдѢша Печеньзи яко кнАза нѢту [и] придоша и сташа вколо БѢлагорода и не дадАху выльсти из города и быс гладъ великъ в городѢ* (ЛЛ, 44 л.).

Об устойчивости приведенных сочетаний говорить не приходится: слишком велика вероятность варьирования компонентов и, кроме того, нет какой-либо закреплённости за типом фрагмента или местом в его композиционном строении. В большинстве случаев имена, сопровождаемые определением *великыи*, можно сказать, являются семантически равными самим себе и функционируют в тексте вполне свободно. Мы также не можем говорить о том, что определение *великыи* приближает названные понятия к «идеалу», представляет их такими, какими они должны быть.

Однако некоторые атрибутивные сочетания настолько активно функционируют в неизменном виде, что находят отражение в исторических

словарях и, безусловно, имеют устойчивый характер. Постоянство состава таких единиц обусловлено тем, что они представляют предмет в идеальном его проявлении. Одной из таких формул является, например, формула *великыи кнАзь* (МСДРЯ). Приведем примеры из княжеских некрологов:

- *престависА великыи кнАзь русьскыи Ярославъ* (ЛЛ, 54 об.),
- *престависА великыи кнАзь Всеволодъ снъ Ярославль внукъ Володимеръ* (ЛЛ, 72 л.),

Интересен тот факт, что *великыи* является постоянным атрибутом князя, в то время как другие определения при данном имени появляются факультативно и не так частотны. Обычно их использование связано с дополнительной задачей автора:

- *да любим друг друга втѣ всеа дша и изволениа и не вдадим елико наше изволение быти втѣ соуцих по рукою наших [кнАзь] свѣтлых* (РЛ 17 л.),
- *и вложиша и в корсту мороморАну схраниша тѣло его с плачемъ блжнаго кнАза* (ЛЛ, 45 л.),
- *изиде противу ему блговѣрныи кнАзь Всеволодъ с своима снѣма с Володимеромъ и Ростиславомъ* (ЛЛ, 69 л.),
- *[с]щна быс цркви Печерьская стѣя бца монастырА Февдосьева <...> при блгороднѣмъ кнАзи Всеволодѣ* (ЛЛ, 69 об.).

Определение *свѣтлыи* при имени *кнАзь* в ПВЛ встречаем всего один раз. Необычный для памятника выбор атрибутивного компонента можно, на наш взгляд, объяснить спецификой фрагмента, посвященного заключению одного из русско-византийских мирных договоров, о которых речь шла выше. Данные фрагменты являются переводными, и языковые средства, употребляемые в них, сложно считать типичными. Выбор определения *блаженныи* во втором примере явно продиктован типом фрагмента. Описание князя как праведника было характерной чертой некролога.

Оставшиеся два примера повествуют о правлении одного и того же князя – Всеволода Ярославича. Фигура этого государя трактуется историками не всегда положительно. Так, Н.М. Карамзин в «Истории государства Российского» говорит о нем как о слабом князе, который «любил мир и видел беспрестанное кровопролитие» [Карамзин, 1991, с. 60]. Возможно, именно поэтому фигура данного правителя не характеризуется при помощи типичной для ПВЛ формулы *великыи кнАзь*, которая появляется только в некрологе Всеволоду, как бы «приподнимая» образ князя, идеализируя его.

Итак, в агиографических фрагментах ПВЛ мы встречаемся с атрибутивной формулой *великыи кнАзь*, которая обычно используется в некрологах, но может функционировать и в других типах фрагментов. Это объясняется тем, что фигура князя вообще являлась центральной для текстового пространства летописи.

Из сказанного следует, что сочетание *великыи кнАзь* действительно является устойчивым, но мы не можем считать его характерным для агиографических фрагментов ПВЛ, хотя и здесь возможно говорить об особенностях употребления единицы в тех или иных контекстных условиях.

Не только прилагательное *великыи* могло входить в состав устойчивого атрибутивного сочетания. Существовали и другие типичные именно для агиографических фрагментов ПВЛ прилагательные, образующие формулы. Приведем примеры:

- *еякоже Соломонъ реч оумерию мужю праведну не погыбаеть оупованье сего бо в памАть держать Русьстии людье поминающе стое крищнье и прославляють Ба въ млтвахъ и в пѣснехъ и въ псалмѣхъ поюще Гсви* (ЛЛ, 45 л.),

- *и идоша братья ко Антонью и рѣша вче братья оумножаются а хотѣли быхомъ поставити манастирь Антонию же радъ бывъ [рече] блгснь*

Бъ в всемъ и млтѡ стѣя Бца и сущихъ въцъ иже в Стѣи Горѣ да будетъ с вами (ЛЛ, 53 об.),

- *паче же имѣти въ оустѣхъ Плтрь Двдвъ подобаетъ черноризцем симъ бо прогонити **бѢсовское оунынье*** (ЛЛ, 62 л.),

- *сдумавше послаша брата два глице сице егоже изволитъ Бъ и твоя **чстная млтѡ** егоже тобѣ любо того нарци* (ЛЛ, 63 л.).

Специфическими для летописных частей, связанных с конфессиональной традицией, следует, на наш взгляд, считать формулы, имеющие терминологический характер. Под термином мы понимаем «принадлежность специального <...> языка, средство номинации специальных <...> понятий или предметов» [Верещагин, с. 39]. В нашем случае использование терминов связано с церковной, христианской тематикой текстовых фрагментов. Соединение слов в таких терминологических сочетаниях рождает новый смысл, и смысл этот имеет, как правило, нравственный характер.

Являясь частью христианской терминологии, соответствуя букве Священного Писания, подобные формулы без значительных изменений сохранились до настоящего времени. Одной из таких атрибутивных формул терминологического характера является сочетание *постное время*:

- *Федодоси бо обычаи имаше приходѣще **постному времени** в недлю масленую вечеръ по вбычаю цѣловавъ братю всю и поучивъ ихъ како проводити **постное время*** (ЛЛ, 61 об.-62 л.),

- ***постное бо время** вчищаетъ оумъ члвку* (ЛЛ, 62 л.),

- *постивъсѡ и Гъ .м. днии намъ показая **постное время*** (ЛЛ, 62 об.),

- *се азъ втхожю втѣ васъ якоже яви ми гсѣ в **постное время** в печерѣ сущю ми изити втѣ свѣта сего* (ЛЛ, 62 об.).

Данная составная единица функционирует во фрагментах, посвященных преставлению Феодосия Печерского, и это закономерно, поскольку речь в них идет о фигуре игумена, а не князя. Это типичное монашеское житие, следовательно, в нем находят отражение монастырский быт и обычаи, в том числе традиция временного воздержания от еды и питья, то есть пост. Действительно, во фрагментах, напрямую не связанных с конфессиональной сферой, сочетание *постное время* не употребляется.

Науке известен еще один памятник, посвященный описанию жизненного пути Феодосия, – его «Житие», созданное в XI в. В этом произведении на месте сочетания *постное время* чаще можно встретить формулу *постныя дни*:

- *и се же якоже бѣ отъходя въ постныя дѣни въ прѣжбрененую пещеру <...> и никомуже того вѣдущю, прѣбывааше въ ней единъ до вѣрбѣныя недѣля къ братии излазяаше якоже тѣмъ мнѣти, ту ему прѣбывѣшию въ постныя дѣни,*

- *и о семь же молю вы и закливаю да въ ней же есмь одежи нынѣ въ той да положите мя тако въ пещерѣ идеже постныя дѣни прѣбываахъ.*

Исторические словари толкуют *постныи* как ‘относящийся к посту’, а само слово *постъ* как ‘воздержание’ [МСДРЯ]. Привычное современному русскому языковому сознанию более узкое понимание поста как воздержания именно от пищи также отражено в исторических словарях. *Постъ* может означать процесс, «пощение», а также время, дни, назначенные для поста [МСДРЯ].

Получается, что сочетание *постное время* уже в древнерусский период имело однословный эквивалент – *пост*. В толковом словаре современного русского языка также читаем: «Пост – предписываемое церковными правилами воздержание от скоромной пищи, а также период такого воздержания. *Дома, по случаю поста, ничего не варили и не ставили*

самовара, и день поэтому казался очень длинным. (А.П. Чехов «Убийство») [МАС]. Данное утверждение еще раз доказывает формульность изучаемого словесного комплекса. Замена компонента *время* на *дни* объясняется, по нашему мнению, стремлением к конкретизации понятия ‘время’. В СлРЯ *пост* и *постные дни* в большинстве случаев возможно считать взаимозаменяемыми, а само сочетание *постный день* до сих пор представлено в словарях как устойчивое: «постный день – день, в который по церковным правилам не разрешается есть мясную и молочную пищу. *В скоромные дни в домах пахло борщом, а в постные — осетриной, жаренной на подсолнечном масле.* Чехов, *Моя жизнь*» [МАС].

Еще одним сочетанием, относящимся к религиозной сфере и носящим терминологический характер, является сочетание *царство небесное*. Интересно, что в МСДРЯ слово *царство* толкуется как понятие, связанное не с миром горним, но с миром дольным: ‘царский престол (о ханской власти)’ и ‘титул царя’. Принципиально новый смысл появляется благодаря функционированию данного слова в устойчивом сочетании со словом *небесный*, которое, согласно МСДРЯ, в данном контексте означает ‘относящийся к вечной блаженной жизни’. Понятие ‘Бог’ определяется через понятие ‘царь’ (*царь небесный*). Подобные параллели вообще довольно характерны для литературы Древней Руси, поскольку Всевышний создал человека по собственному образу и подобию (см. Кн. Бытия).

Впервые формула *царство небесное* встречается в некрологе княгине Ольге – первой праведнице Земли Русской:

*Си первое вниде в **црство нбсное** втъ Руси* (ЛЛ, 20 об.).

Также данную формулу можно встретить в летописных фрагментах о черноризцах печерских. Приведем пример, являющийся частью описания предсмертного чуда, случившегося с пресвитером Демьяном:

*Лежащую ему в немощи приде англъ к нему въ вбразь Февдосьевъ даруя ему **црство нбсное** за труды его* (ЛЛ, 64 л.).

Во фрагменте, описывающем кончину самого Феодосия, встречаем вариант исследуемого сочетания, в котором слово *црство* заменяется на *црствие*:

Единою же ему пришедшоу к нима и оучашеть я в млстни къ оубогымъ в црствии нбснѣмъ еже прияти праведникомъ. а грѣшникомъ муку [и] в смртнѣмъ часѣ (ЛЛ, 70 об.-71 л.).

В тексте ПВЛ формула *црствие небесное* встречается всего однажды, в отличие от гораздо более частотной *царство небесное*. Данный факт объясняется семантически. В МСДРЯ слово *црствие* толкуется однозначно как 'царствие небесное, блаженство загробной жизни'. И если соединение в одной устойчивой единице компонентов *царство* и *небесное* рождало новое значение, то в случае со словом *царствие* не происходит подобных смысловых трансформаций, и мы сталкиваемся со своего рода смысловой избыточностью.

Единицы *царство* и *царствие* отличаются морфемным составом: при одной производящей основе *цар-* используются разные словообразовательные суффиксы: *-ств-* и *-ствиј-*. Обе морфемы использовались уже в старославянском языке и служили для образования существительных с абстрактным значением [Хабургаев, 1986, с. 122-123]. Однако значимым здесь является вопрос о происхождении данных суффиксов, неоднократно поднимавшийся отечественными лингвистами. Так, обобщив различные точки зрения, Попова Т.Н. утверждает, что словообразовательные форманты «*-ость*, *-ство* признаются большинством исследователей (см. работы А. Мейе, Ж. Варбот, Ю.С. Азарх) общеславянскими, особняком же стоит суффикс *-ствие* старославянского происхождения, моравской литературно-письменной школы (см. работы Г.А. Николаева, В.М. Маркова)» [Попова, с. 193].

Думается, именно различие в происхождении и оказывается принципиальным в решении вопроса об особенностях функционирования

изучаемых единиц: старославянизмы с точки зрения семантики отличаются большей степенью отвлеченности. Поэтому *царствие* само по себе относится к миру небесному, в случае же со словом *царство* нередко необходимо уточнение (*царство небесное*). Слово *царствие* в сопровождении определения *небесное* употребляется в ПВЛ только один раз, и способно в том же значении функционировать вне формул. Например, в Поучении Ярослава Мудрого детям:

*Да то вы дѣти мои не тѣжъка заповѣдь Бжѣя вѣже тѣми дѣлы .г. ми избыти грѣховѣ своихъ и **црствія** не лишитисѣ* (ЛЛ, 79 об.).

Не раз встречаем сочетание *црство нбсное* в полулегендарном летописном рассказе о выборе (испытании) вер. Искомая формула используется философом в его известном монологе о христианской вере, помещенной в ПВЛ под 986 г.:

- *възрастѣшю же ему (Иисусу) и бывшую лѣт .л. нача чюдеса творити и проповѣдати **црство нбсное*** (ЛЛ, 35 л.),
- *[и] послаше (Иисус) оучники своя проповѣдати **црство нбсное** покаянье в оставленье грѣховѣ* (ЛЛ, 35 л.),
- *поставилъ же есть бѣ единъ день в неже хоцет судити пришедъ с нбсе живымъ и мртвмъ и въздати комуждо по дѣломъ его првднмъ **црство нбсное** и красоту неизречнну веселье бес конца и не оумирати въ вѣки гршнкмъ мука вгнена и червь неоусыпаяи и мѣб не будет конца* (ЛЛ, 36 л.)

Следующий контекст относится к 988 г., но развивает ту же тему выбора вер. Цари Василий и Константин обращаются к Владимиру, пришедшему на Корсунь, со словами:

*Не достоить хсеяномъ за поганья дати аще сѣ крстиши то и се получиши и **црство нбсное** примеши и с нами единовѣрникъ будеши аще ли сего не хоцеши створити не можемъ дати сестръ своее за тѣ* (ЛЛ, 38 л.).

Последний раз формула *црство небесное* употребляется в посмертной похвале «новому Константину великого Рима»:

Но дажь ти Гсь по срдцю твоему и всА прошенья твоя исполни егоже желаше црства нбснаго (ЛЛ, 45 л.).

Примечательно, что только однажды формула *црство небесное* употребляется в отрывке, который может быть квалифицирован как воинский. Речь в нем идет о набеге на Киев половецкого хана Боняка в 1096 г. Именно тогда был сожжён княжеский двор в селе Берестово и пригородные монастыри. Половцы разоряли и Печерский монастырь, оскверняли его святыни. Летописец равнодушно описывает страшные события, свидетелем которых, судя по всему, являлся:

Хсьяномъ бо многыми скорбьми и напастьми внити в црство нбсное а симъ поганым и ругателем на сечь свѣтъ приимиши веселье и просторонство а на вномъ свѣтъ приимуть мку с дьяволом оуготовании вгню вѣчному (ЛЛ, 77 об.).

Благодаря широкому употреблению данной формулы в текстах Священного Писания, особенно в Евангелии от Матфея, выражение *царство (царствие) небесное*, как и другие подобные формулы, знакомо носителю современного русского языка и отражено в актуальных фразеологических словарях: «(кому) Устар. Высок. Выражение, употребляемое при пожелании покойному загробной жизни в раю. – Супруга наша Авдотья Петровна скончалась... Терентий, взглянув на образ, перекрестился. – Царствие ей небесное! (М. Горький. Трое)» [Фёдоров, 2008].

Во фрагменте об убиении Бориса и Глеба можно встретить также близкую рассмотренной устойчивую единицу *нбсная обитель*:

Поварь же Гльбовъ именовъ Торчинъ вынезь ножъ зарѣза Гльба . акы агна непорочно принесеса на жертву Бви в воню блгооуханья жертва словесная и прия вѣнецъ вшедь въ нбсныя вбители (ЛЛ, 46 об.-47 л.).

Само по себе слово *обитель* следует понимать ‘жилище, дом’ [МСДРЯ], в приведенном примере устойчивая единица имеет совсем иной смысл. Атрибутивные формулы *царство нбсное* и *нбсная обитель* роднит то, что обе они обозначают рай. В обоих случаях благодаря прилагательному *нбсным* обозначаемое существительным понятие из мира земного перемещается в мир божественный. Аналогичную ситуацию можем наблюдать в следующих примерах:

- *радуитасА нбсная жителА въ плоти англа быста единомыслена служителА верста единовбразна* (ЛЛ, 47 л.),
- *радуитасА брата вкупь в мьстѣхъ златозарныхъ в селѣхъ нбсныхъ в славѣ неоувАдающеи еяже по достоянью сподобитасА* (ЛЛ, 47 об.).

Использование христианской терминологии обосновано здесь несколькими факторами. Во-первых, речь в данном фрагменте идет о разорении монастыря, а значит, наблюдаемые языковые особенности оправданы тематически. Во-вторых, данный воинский отрывок во многом имеет народно-поэтический характер (Боняк в нем назван шелудивым хищником, а сами половцы сынами Измаила), а значит, он более открыт для «иностилевых» вкраплений. И наконец, в-третьих, развернутые воинские фрагменты летописи вообще нередко завершаются дидактическим отступлением, имеющим относительно устойчивое содержание. Они имеют назидательный характер и транслируют читателю мысль о том, что все плохое в жизни человека происходит *грехъ ради нашихъ*.

Следующая анализируемая формула атрибутивного характера – *крестное знаменье*. Это сочетание как устойчивое обозначает знак креста и встречается уже в исторических словарях (см. напр. МСДРЯ). Приведем некоторые контексты:

- *да приходАщая таковыя мысли възбранАти знаменьем крстнымъ глуще сице гси исс хсе хе нашъ помилуи нас аминь* (ЛЛ, 62 л.),
- *старецъ же знаменасА крстнымъ знаменьем и приде в кблью свою* (ЛЛ, 64 об.).

Особенно интересен второй случай. В нем мы наблюдаем своего рода избыточность. Глагол *знаменати* в данном контексте выступает в значении ‘знаменать знаком святого креста’ [МСДРЯ], что семантически дублирует формулу *крстное знаменье*. Подобный случай встречаем в следующих примерах:

- *вн же (черноризецъ Исакий) глице вашъ старБишина антихрестъ есть а вы бьси есте [и] знаменаше лице свое крстнымъ вобразом и тако ищезнаху* (ЛЛ, 66 л.),
- *вн же глице к нимъ аще бысте члвци [были] то въ дне бы есте пришли а вы есте тма и во тмБ ходите и тма вы ять и знамена я крстмъ [и] ищезнуша* (ЛЛ, 66 л.).

В первом контексте, по-видимому, была предпринята попытка хотя бы отчасти преодолеть вышеупомянутую избыточность путем трансформации формулы. Во втором контексте формула *крстное знамение*, можно сказать, заменена на ее однословный эквивалент – *крсть*. Несмотря на то, что у данной единицы нет значения ‘крстное знамение’, оно здесь считается однозначно. Стоит вспомнить известное и современному носителю языка выражение *вот те крест*, которое в МАС толкуется следующим образом: (прост. устар.) ‘слова клятвы, обычно сопровождаемые крстным знаменем’. – *Это правда? – Вот те крест, правда! – побожилась Дашутка. Седых, Даурия.*

В некоторых, как правило, более поздних летописных контекстах, глагол выступает уже как независимый от условий употребления экспликатор данного значения:

Азь же пришедь и со игуменомъ не свѣдуицю никомуже разгладавши кудь копати и знаменавши мѣсто кдѣ копати кромѣ оустья (ЛЛ, 70 л.).

Сочетание *крестное знамение*, как и большинство христианских формул, дошло до настоящего времени благодаря активному функционированию в религиозных текстах. Оно находит отражение и в словарях: это ‘молитвенный жест христиан – изображение движением правой руки знака креста’. – *Матушка Татьяна Марковна! – вопила она, – придите в себя, сотворите крестное знамение! Старуха перекрестилась.* (И. Гончаров, Обрыв) [МАС].

Определенная символичность рассмотренных атрибутивных традиционных сочетаний во многом объясняется отвлеченным характером обозначаемого. Второй тип формул, характерный для агиографических фрагментов ПВЛ, также возник как средство описания абстрактного.

3.2. Парные формулы в агиографических фрагментах

Формулы, о которых пойдет речь, М.В. Пименова называет парными наименованиями (например *радость и веселье, небо и земля*). Нетрудно заметить, что с точки зрения семантики две приведенные в качестве примера формулы отличаются типом отношений между компонентами. В первом случае компоненты частично дублируют значение друг друга и наблюдается своего рода смысловая избыточность, а во втором, напротив, составляющие устойчивого сочетания находятся в отношениях противопоставленности.

Рассмотрим единицы первого типа, представляющие собой соединение сходных по смыслу компонентов. Приведем примеры из некролога Борису и Глебу:

- *ГлѢбу же оубьену бывшую <...> положиши и оу брата своего Бориса <...> и съвкуплена тѢломъ наче же дама оу вѣладыкы всецрѦ пребывающа **в радости** бесконечнѣи **во свѣтъ** неиздреченнѣмъ* (ЛЛ, 47 л.),
- *тѢмже и мы должни есмы хвалити достоино стрпца Хсва <...> рекуще радуитасѦ стрпца Хсва [застоупника] Русьскыя землѦ яже ицѢленье подаета приходѦщим к вамъ **вЪрою и любовью*** (ЛЛ, 47 л.),
- *но хслюбивая стрпцаѦ наша покорита поганыя подѣ нозѢ кнѦземъ нашим молѦщасѦ къ влѣбѢ бу нашему мирно пребывати **в совокуплении и въ сдрави*** (ЛЛ, 47 об.),
- *радуитасѦ яко всѦ напаяюща срѣца **горести и болѣзні** вггонѦща* (ЛЛ, 47 л.).

Посмертная похвала Борису и Глебу невелика по объему, она умещается на одном летописном листе, однако рассматриваемые парные формулы встречаются в ней довольно часто. Уже на основании приведенных примеров можно выделить некоторые особенности подобных устойчивых единиц. С точки зрения структуры они представляют собой не просто соединение двух близких по значению имен, связанных союзом *и*, характерным признаком является и то, что имена эти относятся к одному и тому же слову из ближайшего контекста (как правило, к глаголу). Эта связь имеет много общего с той, которую принято теперь называть однородной. Однородные члены, с точки зрения современного языка, 1) занимают позицию одного члена предложения; 2) связаны с одним и тем же членом предложения подчинительной связью; 3) связаны между собой сочинительной связью; 4) часто имеют одинаковое морфологическое выражение; 5) обычно выражают однотипные понятия [Бабайцева]. Приведенные выше парные древнерусские формулы также характеризуются всеми перечисленными признаками. Существует лишь одна особенность,

связанная со временем создания текста, и касается она семантической стороны исследуемого нами языкового явления.

С точки зрения значения парные формулы состоят из компонентов, не являющихся в полной мере самостоятельными единицами. Сочетания с таким типом смысловой связи между единицами Е.А. Гуревич включил в созданную им семантическую классификацию парных формул и назвал тавтологическими, указывая тем самым на близость значений компонентов [Гуревич]. По мысли А.А. Потебни, такие конструкции отражали стремящуюся к целостности двойственность объекта мышления и первоначально служили не средством «украшения» речи, но средством развития новых значений [Потебня, 1968].

Так, в первом из приведенных нами примеров соединение в одной конструкции слов *радость* и *свет* (см. первый контекст) говорит о том, что автор мыслил *радость* ('чувство душевного удовлетворения, веселья', МСДРЯ) как атрибут мира земного, а *свет* ('свет духовный', МСДРЯ) – мира Божьего. Эти отношения поддерживаются и на уровне определений: *душа* (человеческое) – *дух* (Божье). Однако очевидно, что в совокупности эти компоненты эксплицируют в тексте представление о состоянии человека, достигшего царства небесного. Эта идея передана именно при помощи соединения двух имен в формуле. Соединение двух элементов не равно их сумме, оно дает нечто третье, сформированное как бы на пересечении значений двух используемых в устойчивом сочетании компонентов. Добавим, что подробному исследованию отношений, возникающих между компонентами подобного рода сочетаний, посвящено диссертационное исследование М.В. Артамоновой [Артамонова].

Аналогично можно рассмотреть все оставшиеся приведенные в качестве примера формулы. Слова *вера* и *любовь*, соединенные в парной формуле, обозначают основные аксиологические понятия христианской культуры. Классическое определение веры в христианстве встречаем в

Послании апостола Павла к евреям: «Вера есть осуществление ожидаемого и уверенность в невидимом» (Евр. 11:1). Однако «отдельно концепт вера может быть ключевым для любого религиозного дискурса в целом, например, исламского» [Балашова, Электр. ресурс]. В православном же дискурсе вера не может рассматриваться отдельно от любви: «А теперь пребывают сии три: вера, надежда, любовь; но любовь из них больше» (1 Кор. 13:13). Таким образом, в соединении понятий *вера* и *любовь* отразилось представление о православном мироотношении.

Еще одна формула представлена соединением компонентов *совокупление* и *здравие*. В МСДРЯ первый компонент толкуется как ‘единение’, а второй – как ‘здоровье’, то есть ‘состояние тела животного, когда оно беспрепятственно совершает свойственные ему действия’. Оба компонента эксплицируют идею согласованности, цельности, слаженности, при этом один компонент связан с духовной сферой, а другой – с физической.

Последний пример свидетельствует о том, что, помимо положительно маркированных понятий, в парные формулы могли объединяться и единицы с негативной коннотацией (*горести* и *болъзни*). Такие случаи встречаются реже, поскольку древнерусский автор стремился представить в своем тексте в первую очередь нравственный образец, а не отступление от него. *Горестъ* понималась средневековым русичем как ‘горе’, т.е. ‘беда, несчастье’, а *болъзнь*, как и в современном русском языке, обозначала состояние, противоположное здоровому. Таким образом, в исследуемой парной формуле мы наблюдаем соединение компонентов, находящихся по отношению друг к другу в родо-видовых отношениях.

Данный случай в семантическом плане отличается от рассмотренных выше. С одной стороны, компоненты парной формулы вступают в отношения, близкие синонимическим, поскольку значения компонентов, безусловно, близки. Однако понятия, обозначаемые словами *горести* и

болѣзни, находятся между собой в отношениях иного плана – отношениях включения. Примечательно, что в современном языке подобные единицы не могут быть объединены сочинительной связью. Так, довольно сложно представить себе контекст, в котором бы использовались конструкции типа *мебель и стулья*, или *цветы и розы*, или даже *чувства и любовь* – с точки зрения современной русской грамматики в этом нет смысла. В древнерусском же языке сочетания подобного рода компонентов, как и сочетания типа *радость и свѣтъ*, *мир и любовь*, эксплицируют одну общую идею, в нашем примере – идею о неприятностях, которые могут постичь человека на его жизненном пути, злейшей из которых, по-видимому, представляется болезнь. Данный пример иллюстрирует утверждение о том, что «способность объединять видовые обозначения в родовое является результатом определённого развития мышления» [Богданова, с. 108]. Средневековые русские тексты демонстрируют процесс этого развития в его разворачивании: в них еще не вполне отчетливо заметна граница между синонимической связью и связью, строящейся по типу род-вид.

Сочетания, подобные рассмотренным, встречаются и в других летописных отрывках агиографического типа. Рассмотрим пример из некролога Владимиру Святославовичу:

Дажь ти Гсь вѣнецъ с праведными в пици раистѣи веселье и ликѣствованье съ Авраомь и с прочими патриархы (ЛЛ, 45 л.).

Ликѣствованье связывается с глаголом *ликовати* – ‘торжествовать’ [МСДРЯ]. Компоненты сочетания, таким образом, близки по значению, однако отличаются степенью выраженности признака.

Любопытным представляется летописный фрагмент о перенесении мощей Феодосия Печерского, завершающийся некрологом преподобному. В нем встречаем очередную парную формулу:

Се же сбысѣ пррченъе блжнаго вѣца нашего Феодосѣя добраго пастуха иже пасаше словесныя вѣца нелицемѣрно с кротостью и с рассмотреньемъ (ЛЛ, 71 л.).

Под словом *кротость* понимается внутреннее спокойствие, смирение. *Рассмотренье* в МСДРЯ толкуется как ‘внимательность’. Следовательно, компоненты формулы относятся друг к другу как внутреннее и внешнее, как свойство и отношение, в совокупности реализуя идею о том, что внимательно относиться к окружающим людям может только человек незлобивый, находящийся в гармонии с самим собой.

Рассмотрим еще один пример:

Бу послужилъ еси в тишинѣ въ мнишьскомъ житиѣ всако собѣ принесенъе бжстvenое принеслъ еси пощенъемъ превозвышьсѣа плотьскы стрсти и сласти възненавидѣвъ (ЛЛ, 71 л.).

Значение древнерусского слова *страсть* было близким современному представлению о плотской страсти, слово *сласть* в МСДРЯ толкуется через *страсть* и, кроме того, имеет значение ‘сладострастие’. Также оба компонента формулы объясняются в МСДРЯ через понятие порока – это и есть общая идея, которая сделала возможным существование такой ритмически организованной формулы.

Ранее нам уже встречались парные формулы, компоненты которых подверглись распространению за счет определительных элементов:

Пребывающа в радости бесконечнѣи во свѣтъ неиздреченнѣмъ (ЛЛ, 47 л.).

В некрологе Изяславу Ярославичу читаем:

Повезоша и съ нѣсми попове и черноризци понесоша и в град и не бѣ лзѣ слышати нѣня во плачи велицѣ [и] вопли плака бо са по немъ весь град Киевъ (ЛЛ, 67 об.-68 л.).

Эти примеры интересны тем, что демонстрируют возможность распространения как одного из компонентов парной формулы, так и обоих за счет определений, выполняющих эмоционально-экспрессивную функцию.

На примере контекста, взятого из некролога Ярополку Изяславичу, мы имеем возможность наблюдать любопытную контаминацию формул двух типов – парной и атрибутивной:

*Многы бѣды приимъ безъ вины изгонимъ вѣтъ братья своя вбидимъ разграбленъ прочее и смръть горкую приять но **вѣчнѣи жизни и покою сподобисѧ** (ЛЛ, 69 л.-69 об.).*

Устойчивый характер сочетания подтверждается данными «Фразеологического словаря старославянского языка» (ср. *животъ вѣчнѣи*), в котором значение данного устойчивого оборота дается со ссылкой на сочинения апостола Павла: это ‘будущая, загробная жизнь, жизнь которую человек получит при втором пришествии Христа’. Вечная жизнь в христианстве противопоставлена тлению: «Что посеет человек, то и пожнёт. Сеющий в плоть свою от плоти пожнёт тление, а сеющий в дух от духа пожнёт жизнь вечную» (Гал. 6:7-8). В целом же исследуемая парная формула может быть охарактеризована как состоящая из сходных по смыслу компонентов.

Парные формулы, приведенные нами выше, помимо семантической близости компонентов, имеют еще одну общую черту – все они состоят из абстрактных существительных, соединение которых также направлено на экспликацию представления об абстрактном. В летописи мы встречаем и такие случаи, когда составляющие парной формулы так же связаны по смыслу, но представлены они уже единицами с более конкретным значением. В некрологе Ярополку Изяславичу читаем:

И вси Кияне великъ плачь створиша над нимъ со пслмы и пѣнми проводиша и до стаг Дмитрея (ЛЛ, 69 л.).

Пѣснь означает здесь богослужебную песнь вообще, второе же слово сужает значение первого и называет ряд текстов, которые исполнялись обычно в подобных случаях – псалмы царя Давида. Данные единицы не несут предметного значения, но все же они менее отвлеченны, чем слова типа *любовь, кротость, болѣзнь*, поскольку обозначаемые ими понятия формируются на базе понимания, а не на базе ощущений [Чернейко, с. 57].

Приведем пример, взятый из некролога Владимиру Святославичу, и сравним его с приведенным выше:

Якоже Соломонъ реч оумершю мужю праведну не погыбаеть оупованье сего бо в памАть держать Русьстии людье поминающе стое крщнье и прославляють ба въ млтвахъ и в пѣснехъ и въ псалмѣхъ поюще Гсви (ЛЛ, 45 л.).

Мы видим распадение парной формулы засчет включения еще одного компонента. Возникает конструкция, формально напоминающая современный однородный ряд, однако с семантической точки зрения отношения между словами в данном примере оказываются сложнее, чем между однородными членами.

Похожий пример можем наблюдать в летописном рассказе о Феодосии Печерском:

Аще ли будАше нужьное врудье то вконцемъ малым бесѣдоваше (Феодосий) в субботу ли в недѣлю а во ины дни пребываше в постѣ и в млтвахъ въздержасА крѣпко (ЛЛ, 62 об.).

В данном случае, однако, компоненты сочетания не дублируют друг друга семантически и не вступают в родо-видовые отношения. Примечательно, что в пределах данного фрагмента мы еще раз встречаем исследуемое сочетание, но на этот раз оно дополняется существительным *възддержанье*, утрачивая свой бинарный характер:

Феодосу же приемшю манастырь поча имѣти възддержанье и велико [по]щенье и млтвы съ слезами (ЛЛ, 54 л.).

Примечательно, что чем ниже уровень отвлеченности традиционной формулы, тем она менее устойчива. Можно предположить, что существовало два типа конструкций с парными компонентами, совпадающими формально, но отличающимися семантически: первый тип – неделимая в смысловом плане парная формула с близкими по значению компонентами, отличающимися высокой степенью абстракции, второй тип – относительно свободное сочетание разных по значению слов, соединенных союзом *и*. Наиболее показателен в плане разграничения формул и относительно свободных сочетаний анализ парных соединений, конкретных по своей семантике. Такие сочетания более всех рассмотренных соответствуют современному представлению об однородности:

- *Антонии же приде Кыеву и мыслаше кдѢ бы жити и ходи по маастыремъ и не възлюби Бу ни хотАщю и поча ходити по дебрь и по гора[мъ] ища кдѢ бы ему Бъ показаль (ЛЛ, 53 л.),*

- *въ ядени бо мнозѢ и питъи безмѣрнѢ въздрасаютъ помысли лукави помыслом же въздрасъшим стварАетсА грѣхъ тѣмже реч противитесА бѣсовьскому дѣиству и пронырьства ихъ блюстисА вѣтъ лѣности и вѣтъ многого сна (ЛЛ, 62 л.),*

- *яко се первыи Демьянъ презвутерь бАше тако постникъ и въздержник (ЛЛ, 63 об.),*

- *страхъ ему творАче в мечтѢ яко се многоъ народъ с мотыками [и] лыскарѢ глице раскопаемъ печеру сию и сего загребем здѢ (ЛЛ, 66 л.).*

В агиографических фрагментах ПВЛ встречаются случаи соединения трех компонентов, подобные рассмотренным выше:

И реч единъ вѣтъ бѣсовъ глемыи Хсъ възмѣте сопѢли бубны и гусли и оударАите ат ны Исакии сплАшетъ и оудариша в сопѢли [и] в гусли и в бубны [и] начаша имъ играти (ЛЛ, 65 л.)

Итак, сочетания, являющиеся устойчивыми, могли подвергаться распаду, однако, так или иначе, процесс обретения компонентами формулы относительной самостоятельности протекал отнюдь не быстро. Так, помимо нарушения бинарности парной формулы, мы можем наблюдать своеобразную контаминацию двух близких по смыслу устойчивых сочетаний. Интересен пример, также взятый из фрагмента о Феодосии, где имена несколько раз попарно объединяются в формулы:

Наче же имѢти к собѢ любовь всѢм меншим и к старѢшим покоренье и послушанье старѢшимъ же к меншимъ любовь и наказанье и образ бывати собою въздержаньем и бдѢньем хоженьем и смѢреньем (ЛЛ, 62 л.).

Похожую ситуацию, но уже с негативно маркированными единицами встречаем во фрагменте, повествующем о победе над бесами одного из печерских черноризцев – Исакия. Отрицательная коннотация объясняется здесь выбором объекта повествования:

И тако взА побѢду на бѢсы яко [и] мухы ни во чтоже имАше страшенья ихъ и мечтанья ихъ глицеть бо к нимъ аще мА бѢсте прелстили в печерь первое понеже не вѢдАхъ кознии ваших и лукавства (ЛЛ, 66 л.).

Наряду с парными формулами с компонентами-существительными, в тексте летописи довольно употребительны устойчивые единицы, построенные на соединении других частей речи. Приведем пример:

Феодосьеви же живуцю в монастыри и правАцю добродѢтельное житье и чернечское правило и приимающю всАкого приходАщаго к нему к нему же и азъ придохъ худыи и недостоиньи рабъ (ЛЛ, 54 л.).

Исходя из анализа приведенных примеров, можно говорить об определенных смыслах, для передачи которых наиболее часто употреблялись изучаемые формулы. Как правило, они обозначали состояние, в котором находится человек (*вѢра и любовь, веселье и ликъствованье, кротость и рассмотренье, вѢчная жизнь и покои, плачь и вопль, горесть и болѢзнь*).

Часто такие формулы вводятся в текст при помощи глагола *прѣбывати* (в радости и во свѣтъ, в совокуплении и въ здравии, в постѣ и в млтвах). Данный глагол означает ‘быть постоянным в чем-либо’ [МСДРЯ], т.е. указывает на состояние, в котором человек может находиться длительное время.

Выбор именно парной формулы в случае, когда было необходимо охарактеризовать человека, объясняется стремлением автора передать детали внутреннего мира героя. Приведем пример, рассказывающий о духовных качествах черноризцев Феодосиева монастыря:

Стефану же предержащую манастырь и блжное стадо еже бѣ совокупилъ Феодосии такы чернѣцѣ яко свѣтила в Руси съяють вви бо бАху постнѣци и крѣнѣци (ЛЛ, 63 об.).

Значительно реже в тексте летописи можно встретить парные формулы с компонентами, противоположными друг другу по значению. Наиболее широкое распространение получила в летописи формула, объединяющая компоненты *день* и *ночь* (*нощъ*).

- *поча жити ту мола ба ядыи хлѣбъ сухъ и тоже чересъ днь и воды в мѣру вкушая копая печеру и не да собѣ оупокоя днь и нощъ* (ЛЛ, 53 л.),
- *Феодосии же молаше ба за нь и млтву твораше над нимъ днь и нощъ* (ЛЛ, 65 об.),
- *се же то все терпаше приимаше раны и наготу [и] студень днь и нощъ* (ЛЛ, 66 л.),
- *Феодосии бо обычаи имаше приходѣще постному времени в недлю масленую вечеръ по вбычаю цѣловавъ братю всю и поучивъ ихъ како проводити постное время в млтнахъ **нощных и дневных*** (ЛЛ, 61 об.-62 л.).

Как и в современном русском языке, для пары противоположных по значению слов возможно подобрать общее родовое понятие, которое и лежит

в основе их противопоставления: «противоположностью надо признавать только отличие вещи от того, от чего она отличается по виду; а такое различие бывает только между тем, что принадлежит к одному и тому же роду» [Аристотель, с. 329] В случае с парой день – ночь таким родовым понятием следует считать время, конкретнее – время суток.

Важно отметить, что, когда речь идет о парной формуле, противоположность компонентов принимается как данность, цель же создания таких сочетаний и последующего включения их в канву текста была, по-видимому, несколько иной – соединить эти противоположности и представить явление или признак во всем многообразии его проявлений. В современном языкознании подобное явление названо термином амфитеза – «устойчивое сочетание, состоящее из антонимов, соединенных сочинительным союзом *и*» [Энциклопедический словарь-справочник... , 480 с.].

Устойчивые парные единицы, подобные рассмотренным, как было сказано выше, являются характерными именно для агиографических фрагментов летописи. Ряд ученых объясняет употребление парных наименований тем, что подобные сочетания играют в тексте роль выразительного средства [Лихачев, 1979; Евгеньева, 1963]. Не стоит забывать и о семантическом подходе к рассмотрению парных формул [Колесов, 1989, с. 145; 1990, с. 28]. На наш взгляд, их возникновение действительно объясняется семантически, причем смысловые отношения между компонентами пар могут быть самыми разнообразными.

Дело в том, что человеку на ранних этапах развития языка гораздо труднее было образовывать не конкретные, а именно абстрактные наименования. Последние наиболее часто функционируют именно в текстах конфессиональной направленности, что вполне объяснимо: в этих произведениях на первом месте стоит изображение духовного мира человека, описание его внутреннего пути. Так что первоначально роль таких формул

состояла как раз в передаче абстрактных значений, и со временем, когда значения эти нашли пути выражения в языке, парные формулы продолжали в том или ином виде функционировать в древнерусских произведениях, воспринимаясь как одна из ярких особенностей текстов, созданных в русле агиографической традиции.

В обоих случаях, как в случае с близкими парными компонентами, так и в случае с компонентами противоположными, «второй член задается самим характером связи (т.е. изнутри), а не контекстом, контекст лишь определяет, какой из возможных заданных характером связи вариантов будет предпочтен в данном случае» [Гуревич, с. 70]. Оба вида связи абсолютно понятны и естественны для языкового сознания человека. Ф. де Соссюр назвал их ассоциативными: они «не опираются на протяженность, локализируются в мозгу и принадлежат тому хранящемуся в памяти у каждого индивида сокровищу, которое и есть язык» [Соссюр, с. 122]. Позднее Л. Ельмслев назвал такие отношения парадигматическими [Ельмслев]. На уровне лексики данные взаимосвязи реализуются через такие явления, как синонимия, антонимия и гипо-гиперонимия. В древнерусский период сложно говорить о развитой системе парадигматических отношений, однако общие закономерности в установлении связей между понятиями и обозначающими их словами во многом соответствуют современным.

Любопытно, что Е.А. Гуревич в работе «Парная формула в эддической поэзии (опыт анализа)» помимо тавтологических формул выделяет еще два типа – с отношениями оппозиции и дополнительности [Гуревич, с. 63]. Три вида формул, выделенные Е.А. Гуревич, соотносятся с тремя основными видами парадигматических отношений между лексическими единицами в современном языке: тавтологические парные формулы объединяют слова, близкие по значению (ср. синонимы), формулы со значением оппозиции – слова, противоположные по значению (ср. антонимы), наконец, отношения

дополнительности возникают между словами, связанными родо-видовыми отношениями.

Парные формулы, как и атрибутивные, нашли частичное отражение в исторических словарях, наиболее распространенные из них известны и современному носителю языка:

- *Совет да любовь* – пожелание согласной, счастливой жизни вступающим в брак.
- *Тишь да гладь (да божья благодать)* – о спокойной, безмятежной жизни.
- *(И) день и ночь* – все время, не переставая.

Итак, атрибутивные и парные формулы представлены в агиографических фрагментах очень широко, чего нельзя сказать о формулах глагольных. Тем не менее, последние все же присутствуют в исследуемых частях ПВЛ, однако и здесь есть важная особенность: глагольно-именные устойчивые единицы в текстах конфессиональной направленности обозначают не конкретное активное действие (как в деловых и воинских фрагментах), а состояние. Показательно, что в качестве именного компонента здесь выступает слово *любовь*.

Формула *пробывати в любви* структурно и семантически, казалось бы, практически идентична еще одной традиционной формуле – *быти в любви* (неслучайно СлРЯ приводит их как взаимозаменяемые). Эти единицы, тем не менее, отличаются, и прежде всего – по функционированию: в отличие от *быти в любви*, стабильно выступающей во фрагментах воинского типа, *пробывати в любви* встречается во фрагментах разной жанрово-стилевой принадлежности, в том числе агиографических. Приведем пример из рассказа о братии Феодосия Печерского.

Въ любви пребывающе мениши покарАющеА старЪишимъ и не смЪюще предъ ними глати (ЛЛ, 63 об.).

В агиографических фрагментах летописное повествование последовательно выстраивается в соответствии с христианской системой ценностей. В частности это происходит за счет прямого и непрямого цитирования канонических текстов. Так, один из случаев употребления формулы *прѣбывати в любви* встречаем в составе цитируемого Первого соборного послания святого апостола Иоанна Богослова:

Якоже Іванъ глетъ Бъ любви есть прѣбываяи в любви в БЗБ прѣбываетъ и Бъ в немъ прѣбываетъ (ЛЛ, 68 л.).

Получается, что *прѣбывати в любви* в зависимости от условий употребления может означать и ‘жить в согласии’, и ‘пребывать в Боге’.

Интересным представляется рассмотреть функционирование формулы *имѣти любовь* в агиографических фрагментах. Данная единица в летописи очень частотна и представлена в двух вариантах: *имѣти любовь с* и *имѣти любовь к*. Первый вариант управления характерен для воинских и деловых фрагментов (любовь-мир), а второй – для агиографических (любовь-отношение). В первом случае передается идея состояния мира, отсутствия войны. Такое употребление встречаем, например, в речи Святополка Окаянного, который, обманывая брата Бориса, говорит ему:

С тобою хочю любовь имѣти и къ отню придам ти (ЛЛ, 45 об.).

Во втором же случае актуализировано основное значение дательного падежа – значение адресата действия. В наиболее общем виде этот вариант формулы можно представить как *имѣти любовь к* + обозначение лица в Д.п. Рассмотрим один из контекстов:

Наче же имѣти к собѣ любовь всѣмъ мѣншимъ и к старѣшимъ же к меншимъ любовь и наказанье (ЛЛ, 62 л.).

Любовь в данном случае становится довольно глубоким, личным чувством. Оно теперь имеет объект, на который и оказывается направлено. Любовь приобретает вектор: охватывая все существо человека, она переходит и на ближнего. Более того, в этом фрагменте поучения дан пример

разграничения – *меншимъ к старѣшимъ* наказано проявлять одно, *старѣшимъ к меншимъ* – иное, то есть «меньшие» и «старейшие» уже не пребывают в едином заданном состоянии (ср. приведенные ранее примеры, в которых формула репрезентирует любовь как отношение политического мира и согласия), а являются носителями определенных чувств, которые необходимо проявлять по отношению друг к другу. *Любовь* закономерно становится в один ряд с такими словами, как *покоренье, послушанье, наказанье* (т.е. поучение, ср. *наказъ*). Приведем аналогичные примеры:

- *такоже и старѣшии имА[ху] любовь к меншимъ наказу оутѣшающе яко чада възлюбленая* (ЛЛ, 63 об.),
- *Володимеръ бо такъ бАше любезнѣвъ любовь имѢя к митрополитомъ и къ еппмъ и къ игуменомъ. паче же и чернечьскыи чинъ любА и черници любА* (ЛЛ, 89 л.).

С помощью этой языковой единицы в агиографических фрагментах передано отношение праведника к окружающим его людям. Это уже не взаимное (ср. *имѢти любовь с*), а однонаправленное чувство. Данное утверждение справедливо как для ПВЛ, так и для местных летописей.

В более позднем летописании формула *имѢти любовь к* довольно часто выступает и в более развернутом виде – *имѢти любовь ко всимъ* – и встречается уже в составе некролога, посмертной похвалы князю, выступая как обязательный элемент летописных таких фрагментов. Доброта и человеколюбие князя, репрезентированные при помощи формулы *имѢти любовь к*, органично вплетаются в ряд других добродетелей умершего. Использование данной языковой единицы направлено на создание характеристики ушедшего князя как праведника. Приведем ряд контекстов из Киевского летописного свода – более позднего летописного памятника:

- *сыи же блговѣрнии кнзь Ростиславичь Стославъ бѣ оукрашенъ всакою добродѣтелью и баше храборъ на рати и **любовь имѣяше ко всемъ** (ИЛ, 196 об.-197 л.),*
- *сыи же блговѣрнии кнзь Мьстиславъ снъ Ростиславль въздрастомъ середнии бѣ и лицемъ лѣпъ и всею добродѣтелью оукраше и блгоправенъ и **любовь имѣяше ко всемъ** (ИЛ, 215 л.),*
- *сыи же блговѣрнии кнзь Романъ бѣ възрастомъ высокъ плечима великъ лицемъ красенъ и всею добродѣтелью оукрашенъ смиренъ кротокъ незлобивъ правдивъ **любовь имѣяше ко всемъ** и к братьи своеи истѣбноую нелицемерноую (ИЛ, 217 л.),*
- *того же лѣты во влговичехъ престависа кнАзь Всеволодъ Стославичь братъ Игоревъ мсца мая и того спрАтавшие тѣло его вса братья во Влговичехъ племени с великою чстью и с плачемъ великымъ и рыданьемъ понеже бо во Влговичехъ всихъ оудалѣе рожаемъ и воспитаемъ и възрастомъ и всею добротою и множьственою доблестью и **любовь имѣя ко всемъ** (ИЛ, 239 об.),*
- *се же блговѣрнии кнзь Двдъ възрастомъ бѣ середнии вобразомъ лѣпъ всею добродѣтелью оукрашенъ блгоправенъ хрстолюбивъ **любовь имѣя ко всемъ** (ИЛ, 241 об.).*

Итак, вариант формулы *имѣти любовь – имѣти любовь к –* репрезентирует новое представление: любовь здесь выступает как чувство и затрагивает сферу межличностных, а не официальных отношений. Отсюда и жанрово-стилевая закреплённость данной формулы за текстами, созданными в русле книжно-славянской традиции. «Из слова, выражающего связь-отношение, оно (слово *любовь*) превращается в слово морального смысла, пополняясь все новым и новым, социально важным содержанием» [Колесов, 2004, с. 588]. «'Любовь кого-то с кем-то или чем-то', то есть предложно и падежно выраженная совместность, не предусматривается правилами

сочетаемости русского языка» [Эпштейн, с. 457]. Действительно, «из многих значений слова *любовь*, в том числе и пришедших к нам через переведенные греческие тексты, для русского чувства, по-видимому, наиболее характерно понимание любви как *отношения*, а не как *связи*» [Колесов, 2007, с. 356]. Знаменательно, что трансформация представления в обозначенном направлении началась в летописи во фрагментах, связанных с агиографической традицией, так как именно там объектом описания впервые становятся межличностные, а не политические отношения.

По мере развития нашего языка становилось все меньше случаев употребления глагола *иметь* с названиями чувств, психических состояний и отношений, что в известной мере связано с процессами упрощения синтаксиса. Доказано, что «место описательных оборотов заняли простые глагольные сказуемые» [Филиппова, с. 71], то есть в нашем случае формула *имѣти любовь* уступила место глаголу *любити*. Данное изменение относится к XVIII в., но уже в летописи мы можем наблюдать некоторые его предпосылки.

Выводы по третьей главе

1. Исследование агиографических фрагментов ПВЛ показало, что в целом для них характерны типы формул, не свойственные воинским и деловым летописным фрагментам. Глагольно-именные устойчивые сочетания, будучи первичными, встречались во всех частях текста, однако о выполнении ими функции жанрово-стилевого средства мы можем говорить только в отношении деловых и воинских летописных фрагментов.

2. Древнерусские произведения, связанные с конфессиональной сферой, с самого начала отличались от текстов деловой или военной тематики особой экспрессивностью, ярко выраженной оценочностью. Они

более всех других ранних русских текстов приближались к литературе в современном ее понимании. Отсюда и выбор типов формул. Типичными для профессиональных летописных фрагментов можно считать атрибутивные и парные формулы, что обусловлено жанрово-стилевыми особенностями текстового материала.

3. Рассмотренные нами атрибутивные формулы представляют собой устойчивые сочетания существительного и согласованного с ним прилагательного. С точки зрения семантики атрибутивные формулы профессиональных летописных фрагментов являются частью религиозной христианской терминологии. Такие сочетания возникли из необходимости специализации того или иного понятия посредством его описания.

4. Атрибутивные формулы нашли отражение в исторических словарях. Благодаря своему терминологическому характеру, а также благодаря закреплённости за профессиональной сферой, подавляющее большинство летописных атрибутивных формул без значительных изменений сохранилось до наших дней и понятно носителям современного русского языка.

5. Парные формулы также являются характерным явлением в языке профессиональных летописных фрагментов. Они представляют собой устойчивые соединения слов, близких с точки зрения структуры и тесно связанных по смыслу.

6. Большая часть изученных летописных парных формул состоит из двух существительных, соединённых союзом, стоящих в одной и той же грамматической форме и выполняющих одинаковые синтаксические функции. В смысловом отношении компоненты парных формул, как правило, довольно близки, реже встречаются сочетания, компоненты которых связаны по типу метонимии (*горести и бользни*), также отмечены единичные случаи парных формул с противоположными по значению компонентами (*день и ночь*).

7. Парные формулы, подобно другим рассмотренным типам формул, возникли как средство развития и экспликации новых значений и впоследствии стали восприниматься как жанрово-стилевое средство, характерное для определенного типа фрагментов (в данном случае агиографического).

8. Рассмотренные парные формулы нашли частичное отражение в исторических словарях, наиболее распространенные из них (например *мир и любовь*) известны и современному носителю языка.

9. Употребление именно атрибутивных и парных формул в летописных фрагментах агиографического типа не случайно. Необходимость передавать понятия мира духовного диктовала выбор языковых единиц: большинство атрибутивных сочетаний имело характер христианских терминов (*постное время, царство небесное* и др.), также формулы этого типа были способны представлять обозначаемый объект действительности таким, каким он должен быть – соответствующим аксиологическим установкам того времени (*великий князь, бьсовское унынье* и др.). Парные же формулы создавались с целью дать максимально полную характеристику обозначаемому, которое несло отнюдь не конкретный смысл.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Историческое изучение языковой системы в аспекте ее функционирования следует проводить в строгом соответствии с тенденциями и законами той эпохи, когда создавалось то или иное произведение. Так, в древнерусский период довольно сложно говорить о стройной системе жанров, поскольку последние еще только начинают формироваться и постепенно выбирать традиционные для своего выражения формы. Функционально-стилевая характеристика древнерусских произведений также вызывает затруднения. При этом очевидно, что древнерусская речь определенным образом дифференцирована. Применительно к средневековому русскому периоду более правомерно говорить не о текстах разных жанров или стилей, а о текстах разных типов. Языковые средства, свойственные тому или иному типу фрагментов, могут быть самыми разнообразными. В этом отношении анализ древнерусских устойчивых сочетаний в ПВЛ оказался весьма показательным, поскольку традиционные формулы на тот момент являлись неотъемлемой частью системы языка и функционировали во всех типах произведений.

Исследование жанрово-стилевой специфики компилятивного текста ПВЛ и его лингвотекстологический анализ с точки зрения употребления традиционных формул позволяют говорить, во-первых, об отражении в пространстве изучаемого произведения светской и конфессиональной традиций, свойственных древнерусской литературе как таковой, и, во-вторых, о трех типах летописных фрагментов – воинском, агиографическом (соотносятся со светской и конфессиональной традициями соответственно) и деловом. Подавляющее большинство фрагментов ПВЛ относятся к воинскому типу: повествование в них связано с военной тематикой и

нацелено на передачу информации об основных исторических событиях, оно, как правило, безэмоционально и фактографично.

Значительно меньше в ПВЛ летописных частей агиографического типа – это пространные фрагменты о Феодосии Печерском и его братии, ряд княжеских некрологов и некоторые другие. Данные части летописи имеют аксиологический характер и отвлекают читателя от событийного ряда, напоминая о том, что за всем происходящим в государстве и за его пределами стоит Воля Божья. Фрагменты делового типа в ПВЛ крайне малочисленны: они представлены текстами договоров Руси с Византией, относящимися к 911, 945 и 971 гг.

Традиционные формулы широко распространены во всех типах древнерусских произведений, однако нахождение данных единиц в тексте нередко вызывает определенные трудности у исследователей языка средневековой литературы. Появившись как необходимое на тот момент средство выражения новых значений, традиционная формула по мере распада именованного синкретизма стала восприниматься как маркер того или иного типа текста или же его фрагмента. Отдельные традиционные формулы несколько трансформировались и со временем начали выступать в роли выразительного средства, но произошло это лишь в более поздний период развития языка, когда стало возможным говорить об образном типе мышления.

В работе был выявлен ряд критериев для поиска устойчивых сочетаний в древнерусском произведении. Кроме того, наблюдение за функционированием данных единиц в ПВЛ и работа с теоретическим материалом позволили сделать вывод о том, что современный фразеологизм и древнерусская традиционная формула представляют собой разные лингвистические явления, между которыми, тем не менее, прослеживается довольно отчетливая генетическая связь.

Диссертационное исследование показало, что существуют вполне определенные закономерности функционирования традиционных формул в тексте ПВЛ: для каждого типа фрагмента изучаемого памятника характерны соответствующие устойчивые единицы, обладающие одними и теми же структурно-семантическими особенностями.

Традиционными для деловых и воинских фрагментов ПВЛ являются глагольные устойчивые сочетания. При этом глагольно-именные формулы характерны для обоих типов фрагментов, тогда как предикативные выступают исключительно в воинских частях ПВЛ. С этой точки зрения агиографические фрагменты противопоставлены деловым и воинским, поскольку для них языковым средством типизации являются не глагольные, а именные формулы, представленные в двух разновидностях – парной и атрибутивной.

Итак, с помощью традиционных формул создавались древнерусские тексты разных жанрово-стилевых типов. Данные единицы положили начало развитию фразеологического состава русского языка, обогатили его, сделав возможным не просто экспликацию тех или значений в тексте, а экспликацию в зависимости от цели и условий сообщения, что говорит о проявлении внимательного и сознательного отношения человека как к самому языку, так и к его функциональным возможностям.

К перспективам диссертационного исследования можно отнести анализ отличных от традиционных формул лингвистических средств, способствующих жанрово-стилевой дифференциации фрагментов ПВЛ. Исследование также может быть продолжено на материале местных летописей. Кроме того, перспективным представляется наблюдение за процессом складывания функциональных стилей с позиций диахронии.

СПИСОК УСЛОВНЫХ СОКРАЩЕНИЙ

1. ИЛ – Повесть временных лет по Ипатьевской летописи // <http://www.krotov.info/acts/12/pvl/ipato.htm>.
2. ЛЛ – Повесть временных лет по Лаврентьевской летописи // <http://www.krotov.info/acts/12/pvl/lavr.htm>.
3. МАС – Словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. А. П. Евгеньевой. М., 1957-1961. Т. 1 (А-Й); Т. 2 (К-О); Т. 3. (П-Р); Т. 4.(С-Я); 2-е изд., испр. и доп. М., 1981-1984; 3-е изд., стереотип. М., 1985-1988; 4-е изд., стер.: М., 1999.
4. МСДРЯ – Срезневский, И.И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам : репринт. изд. : в 3 т. / И.И. Срезневский. – М.: Наука, 1989.
5. РГ 80 – Русская грамматика : в 2 т. / Ред. Н.Ю. Шведова. – М. : Наука, 1980.
6. РЛ – Повесть временных лет по Радзивилловской летописи // Полное собрание русских летописей. – Л., 1989. – Т. 38 : Радзивилловская летопись. – С. 11-104.
7. СлРЯ – Словарь русского языка XI-XVII вв. / Гл. ред. С.Г. Бархударов. – М. : Наука, 1975-1979. – Вып. 1-24.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ СПИСКИ

Список источников

1. Повесть временных лет по Лаврентьевской летописи [Электр. ресурс]. – Режим доступа: <http://www.krotov.info/acts/12/pvl/lavr.htm>.
2. Повесть временных лет по Ипатьевской летописи [Электр. ресурс]. – Режим доступа: <http://www.krotov.info/acts/12/pvl/ipat0.htm>.
3. Повесть временных лет по Радзивилловской летописи // Полное собрание русских летописей. – Л., 1989. – Т. 38 : Радзивилловская летопись. – С. 11-104.

Список словарей

1. Ахманова, О. С. Словарь лингвистических терминов / О. С. Ахманова. – 2-е изд., стер. – М. : УРСС : Едиториал УРСС, 2004. – 571 с.
2. Брокгауз, Ф. А. Энциклопедический словарь: Т. 10 (19). Давенпорт – Десмин / изд. Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. – СПб. : Типолитография И. А. Ефрона, 1893. – 486 с.
3. Крылов, П. А. Этимологический словарь русского языка / П. А. Крылов. – СПб. : Полиграфуслуги, 2005. – 432 с.
4. Кузнецов, С. А. Большой толковый словарь русского языка / С. А. Кузнецов. – СПб. : НОРИНТ, 2008. – 1536 с.
5. Литературная энциклопедия: Словарь литературных терминов [Электронный ресурс] / Под ред. Н. Бродского, А. Лаврецкого, Э. Лунина, В. Львова-Рогачевского, М. Розанова, В. Чешихина-Ветринского. – Режим

доступа: <http://feb-web.ru/feb/slt/abc/lt2/lt2-9721.htm> (дата обращения: 12.01.2015).

6. Розенталь, Д. Э. Словарь-справочник лингвистических терминов : пособие для учителя / Д. Э. Розенталь, М. А. Теленкова . –3-е изд., испр. и доп. – М. : Просвещение, 1985. – 400 с.

7. Русская грамматика : в 2 т. / Ред. Н.Ю. Шведова. – М. : Наука, 1980.

8. Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 1. XI – первая половина XIV в. / Ин-т рус. лит. Акад. наук СССР ; отв. ред. Д. С. Лихачев. – Л. : Наука, 1987. – 493 с.

9. Словарь древнерусского языка (XI-XIV вв.) : В 10 т. АН СССР. Ин-т рус. яз. Гл. ред. Р.И. Аванесов. – М. : Рус. яз., 1991.

10.Словарь русского языка XI-XVII вв. / Гл. ред. С.Г. Бархударов. – М. : Наука, 1975-1979. – Вып. 1-24.

11.Словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. А. П. Евгеньевой. М., 1957-1961. Т. 1 (А-Й); Т. 2 (К-О); Т. 3. (П-Р); Т. 4.(С-Я);. 2-е изд., испр. и доп. М., 1981-1984; 3-е изд., стереотип. М., 1985-1988; 4-е изд., стер.: М., 1999.

12.Срезневский, И.И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам : репринт. изд. : в 3 т. / И.И. Срезневский. – М.: Наука, 1989.

13.Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. / М. Фасмер. – М. : Прогресс, 1986. – 576 с., 672 с., 832 с., 864 с.

14.Федоров, А. И. Фразеологический словарь русского литературного языка / А. И. Федоров. – М. : Астрель : АСТ, 2008. – 828 с.

15.Черных, П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка : в 2 т. / П. Я. Черных. – М. : Русский язык, 1994. – 623 с., 560 с.

16.Энциклопедический словарь-справочник. Выразительные средства русского языка и речевые ошибки и недочеты / Под ред. А. П. Сковородникова. – М. : Флинта : Наука, 2005. – 480 с.

Список литературы

1. Абдулхакова, Л. Р. Вопросы истории языка в работах В. М. Маркова / Л. Р. Абдулхакова // Русский язык: функционирование и развитие (к 85-летию со дня рождения заслуженного деятеля науки Российской Федерации профессора Виталия Михайловича Маркова): материалы Международной научной конференции (Казань, 18-21 апреля 2012 г.) / Казан. ун-т; Ин-т филологии и искусств; Каф. ист. рус. яз. и слав. языкозн.; Под общ.ред. Л.Р. Абдулхаковой, Д.Р. Копосова. – Казань : Казан. ун-т, 2012. – Т.1. – 422 с.
2. Адрианова-Перетц, В. П. Военские повести Древней Руси / В. П. Адрианова-Перетц. – М. ; Л. : АН СССР, 1949. – 358 с.
3. Адрианова-Перетц, В. П. Задачи изучения «агиографического стиля» Древней Руси / В. П. Адрианова-Перетц // Труды отд. древнерус. лит / АН СССР. — М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1964. — Т. 20. — С. 41–71.
4. Аникин, Д. В. Исследование языковой личности составителя «Повести временных лет» [Электронный ресурс] : дис. ... канд. филол. наук / Д. В. Аникин. – Барнаул, 2004. – Режим доступа: www.ksana-k.narod.ru/menu/slave/anikin.html (дата обращения: 26.06.2014).
5. Аристотель. Метафизика: переводы, комментарии, толкования / Аристотель ; сост. С. И. Еремеев. – СПб. : Алетейя, 2002 – 826 с.
6. Артамонова, М. В. Парные именованья в древнерусском тексте : дис. ... канд. филол. наук / М. В. Артамонова. – Владимир, 2005. – 172 с.
7. Артикул воинский Петра I [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.hist.msu.ru/ER/Text/articul.htm> (дата обращения: 24.09.2014).

8. Архангельский, В. Л. Фразеология «Поучения» Владимира Мономаха в связи с общими вопросами фразеологии русского языка : автореф. дис. ... канд. филол. наук / В. Л. Архангельский. – М., 1950. – 14 с.
9. Афанасьев, А. Н. Поэтические воззрения славян на природу : в 3 т. Т. 3 / А. Н. Афанасьев. – М. : Индрик, 1994. – 840 с.
10. Бабайцева, В. В. Современный русский язык. В 3 ч. Ч. 3. Синтаксис. Пунктуация. / В. В. Бабайцева, Л. Ю. Максимов. – М. : Просвещение, 1987 – 256 с.
11. Бабкин, А. М. Русская фразеология: ее развитие и источники / А. М. Бабкин. – Л. : Наука, Ленингр. отд-ние, 1970. – 261 с.
12. Баканова, Н. Г. Однородные сказуемые: за и против / Н. Г. Баканова // Системное и асистемное в языке и речи : материалы Междунар. науч. конф., Иркутск, 10-13 сент. 2007 г. – Иркутск, 2007. – С. 123–130.
13. Балашова, Е. Ю. Лингвокультурная доминанта вера, надежда, любовь в религиозном дискурсе (на текстовом и системно-языковом материале) [Электронный ресурс] / Е. Ю. Балашова. – Режим доступа: http://sarrsute.ru/images/stories/articlefoto/rio/yazyk/2/balashova_e.pdf (дата обращения: 12.03.2014).
14. Барсов, Е. В. Слово о полку Игореве как художественный памятник / Е. В. Барсов. – М. : В университетской типографии на Страстном бульваре, 1887. – 322 с.
15. Бахтин, М. М. Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин ; сост. С. Г. Бочаров ; примеч. С. С. Аверинцев, С. Г. Бочаров. – М. : Искусство, 1979. – 423 с.
16. Бахтин, М. М. Проблема речевых жанров [Электронный ресурс] / М. М. Бахтин. – Режим доступа: http://philologos.narod.ru/bakhtin/bakh_genre.htm (дата обращения: 15.07.2014).

17. Бахтина, О. Н. Старообрядческая литература и традиции христианского понимания слова / О. Н. Бахтина. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 1999. – 261 с.

18. Безматерных, Е. И. Лексические разночтения в памятниках русского средневековья как отражение процесса формирования синонимических отношений в русском языке (на материале разновременных списков «Повести временных лет» и «Жития Сергия Радонежского») : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Е. И. Безматерных. – Ижевск : УдГУ, 2010. – 27 с.

19. Белошапкова, В. А. Современный русский язык / В. А. Белошапкова. – М. : Высш. шк., 1989. – 800 с.

20. Бибииков, М. В. Русь в византийской дипломатии: договоры Руси с греками X в. / М. В. Бибииков // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. – 2005. – № 1 (19). – С. 5–15.

21. Бибихин, В. В. Введение в философию права / В. В. Бибихин. – М. : Ин-т философии РАН, 2005. – 343 с.

22. Богданова, Л. И. Стилистика русского языка и культура речи. Лексикология для речевых действий: учеб. пособие / Л. И. Богданова. – М. : Флинта, 2011. – 248 с.

23. Буслаев, Ф. И. Русские пословицы и поговорки / Ф. И. Буслаев // Архив историко-юридических сведений, относящихся до России, издаваемый Н. Калачовым. – 1854. – Кн. 2. – С. 1-176.

24. Буслаев, Ф. И. Историческая грамматика русского языка / Ф. И. Буслаев. – М. : Учпедгиз, 1959. – 623 с.

25. Верещагин, Е. М. История возникновения древнего общеславянского литературного языка : пер. деятельность Кирилла и Мефодия и их учеников / Е. М. Верещагин. – М. : Мартис, 1997. – 314 с.

26. Веселовский, А. Н. Собрание сочинений Александра Николаевича Веселовского: в 6 т. Т. 1. Серия I. Поэтика / А. Н. Веселовский. – СПб. : Тип. Имп. Акад. Наук, 1913. – 622 с.

27. Виноградов, В. В. О понятии «стиля языка» (применительно к истории русского литературного языка) / В. В. Виноградов // Известия АН СССР. – 1955. – Т. 14, вып. 4. – С. 305–320.

28. Виноградов, В. В. Избранные труды. Лексикология и лексикография / В. В. Виноградов. – М. : Наука, 1977 – 312 с.

29. Виноградов, В. В. Избранные труды. История русского литературного языка / В. В. Виноградов. – М. : Наука, 1978. – 323 с.

30. Винокур, Г. О. О задачах истории языка / Г. О. Винокур // Избранные работы по русскому языку. – М. : Учпедгиз, 1959. – С. 207–226.

31. Воронцова, Т. А. Историческая стилистика : учеб.-метод. пособие / Т. А. Воронцова. – Ижевск : [б. и.], 2002. – 37 с.

32. Гимон, Т. В. Для чего писались русские летописи? [Электронный ресурс] / Т. В. Гимон. – Режим доступа: <http://opentextnn.ru/history/istochnik/istXIII-XIX/?id=1640> (дата обращения: 05.11.2014).

33. Гиппиус, А. А. Рекоша дружина Игоревы... : к лингвотекстологической стратификации Начальной летописи/ А. А. Гиппиус. // Russian Linguistics. – 2001. – Vol. 25. – P. 147-181.

34. Горшков, А. И. Теоретические основы истории русского литературного языка / А. И. Горшков. – М. : Наука, 1983. – 160 с.

35. Горшкова О. В. Язык московских грамот XIV-XV веков (лексика и фразеология) : автореф. дис. ... канд. филол. наук / О. В. Горшкова. – М., 1951. – 16 с.

36. Головин, Б. Н. Основы культуры речи / Б. Н. Головин. – М. : Высш. шк., 1980. – 333 с.

37. Граудина, Л. К. Культура русской речи : учеб. для вузов / Л. К. Граудина ; под ред. Л. К. Граудиной, Е. Н. Ширяева. – М. : НОРМА-ИНФРА М, 1999. – 560 с.

38. Гудзий, Н. К. Литература Киевской Руси и украинско-русское литературное единение XVII-XVIII веков [Электронный ресурс] / Н. К. Гудзий. – Киев : Наук. думка, 1989. – 373 с. – Режим доступа: <http://www.philology.ru/literature2/gudziy-89.htm> (дата обращения: 03.05.2015).

39. Гуревич, Е. В. Парная формула в эддической поэзии (Опыт анализа) / Е. В. Гуревич // Художественный язык средневековья. – М. : Наука, 1982. – С. 61–82.

40. Данилевский, И. Н. Древняя Русь глазами современников и потомков (IX-XII вв.) : курс лекций : учеб. пособие для студентов вузов / И. Н. Данилевский. – М. : Аспект Пресс, 1999. – 399 с.

41. Данилевский, И. Н. Исторические источники XI-XVII вв. [Электронный ресурс] / И. Н. Данилевский. – Режим доступа: <http://www.avorhist.ru/publish/istved2-1-3.html> (дата обращения: 15.12.2014).

42. Душечкина, Е. В. Художественная функция чужой речи в русском летописании / Е. В. Душечкина // Учен. зап. Тарт. ун-та. – 1973. – Вып. 306 – С. 65-104.

43. Евгеньева А. П. Очерки по языку русской устной поэзии в записях XVII-XX вв. / А. П. Евгеньева. – М.; Л. : Изд-во АН СССР. Ленингр. отд-ние, 1963. – 348 с.

44. Ельмслев, Л. Прологомены к теории языка / Л. Ельмслев. – М. : КомКнига, 2006. – 248 с.

45. Еремин, И. П. Киевская летопись как памятник литературы / И. П. Еремин // Труды отд. древнерус. лит / АН СССР. — М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1949. – Т. 7. – С. 67–97.

46. Еремин, И. П. О художественной специфике древнерусской литературы / И. П. Еремин // Русская литература. – 1958. – № 1. – С. 75–82.

47. Еремин, И. П. Литература древней Руси / И. П. Еремин. – М. : Наука, 1966. – 266 с.
48. Живов, В. М. Язык и культура в России XVIII века / В. М. Живов. – М. : Яз. рус. культуры, 1996. – 592 с.
49. Живов, В. М. Разыскания в области истории и предыстории русской культуры / В. М. Живов. – М. : Языки славянской культуры, 2002. – 760 с.
50. Жуков, В. П. Русская фразеология : учеб. пособие / В. П. Жуков, А. В. Жуков. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Высш. шк., 2006. – 408 с.
51. Жуковская, Л. П. Текстология и язык древнейших славянских памятников / Л. П. Жуковская. – М. : Наука, 1976. – 368 с.
52. Ипатьевская летопись [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.krotov.info/acts/12/pvl/ipat0.htm> (дата обращения: 5.04.2015).
53. История о Казанском царстве // Полное собрание русских летописей. – М. : Языки русской культуры, 2000. Т. 19. – 328 с.
54. Камчатнов, А. М. Текстологический анализ списков Изборника Святослава 1073 года [Электронный ресурс] / А. М. Камчатнов. – Режим доступа: www.textology.ru/article.aspx?aId=114 (дата обращения: 01.03.2014).
55. Карамзин, Н. М. История государства Российского : в 12 т. Т. 1. / Н. М. Карамзин ; под ред. А. Н. Сахарова. М. : Наука, 1989. – 640 с.
56. Карамзин, Н. М. История государства Российского : в 12 т. Т. 2-3. / Н. М. Карамзин ; под ред. А. Н. Сахарова. М. : Наука, 1991. – 832 с.
57. Килина, Л. Ф. Сопоставление разновременных списков «Повести временных лет» в практике научного исследования / Л. Ф. Килина // Проблемы современной филологии в вузовском образовании : материалы международной научно-практической конференции / Удмуртский гос. ун-т. – г. Ижевск, 2006. – С. 64-72.

58. Ключевский, В. О. Древнерусские жития святых как исторический источник / В. О. Ключевский. – М. : Издание К. Солдатенкова, 1871. – 480 с.
59. Ковалев, Г. Ф. Собирательные этнонимы в «Повести временных лет» / Г. Ф. Ковалев // Сравнительно-исторические исследования русского языка. – Воронеж : Изд-во Ворон. ун-та, 1980. – С. 69-74.
60. Ковалев, Н. С. Древнерусский летописный текст: принципы образования и факторы эволюции (на материале Галицко-Волынской летописи) : учеб. Пособие / Н. С. Ковалев. – Волгоград : Изд-во Волгоград. гос. ун-та, 2001. – 180 с.
61. Кожин, А. Н. Функциональные типы русской речи : учеб. пособие для студентов филолог. специальностей ун-тов / А. Н. Кожин. – М. : Высш. шк., 1982. – 222 с.
62. Кожина, М. Н. Стилистика русского языка : учеб. / М. Н. Кожина, Л. Р. Дускаева, В. А. Салимовский – М. : Флинта : Наука, 2008. – 464 с.
63. Колесов, В. В. Древнерусский литературный язык / В. В. Колесов. – Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1989. – 296 с.
64. Колесов, В. В. Общие понятия исторической стилистики / В. В. Колесов // Историческая стилистика русского языка : межвуз. сб. науч. трудов. – Петрозаводск : Петрозавод. гос. ун-т, 1990. – С. 16–36.
65. Колесов, В. В. Древняя Русь: наследие в слове. В 5 кн. Кн. 2. Добро и зло / В. В. Колесов. – СПб. : Филологический ф-т С.-Петербур. ун-та, 2001. – 304 с.
66. Колесов, В. В. Философия русского слова / В. В. Колесов. – СПб. : ЮНА, 2002. – 448 с.
67. Колесов, В. В. Слово и дело : из истории русских слов / В. В. Колесов. – СПб. : Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2004. – 703 с.
68. Колесов, В. В. Русская ментальность в языке и тексте / В. В. Колесов. – СПб. : Петербург. востоковедение, 2007 – 619 с.

69. Колтунова, М. В. Язык и деловое общение : нормы, риторика, этикет : учеб. пособие для вузов. – М. : НПО «Экономика», 2000. – 271 с.

70. Крылова, Л. К. Жанрово-стилевая обусловленность функционирования грамматической категории рода имени существительного в старорусских церковно-публицистических памятниках XVI века (на материале «Слов» Иосифа Волоцкого и «Посланий» Нила Сорского) / Л. К. Крылова // Вестник Челябинского государственного университета. – 2011. - №3. – С. 84–88.

71. Крысько, В. Б. Стилистическая дифференциация древнерусской лексики (на материале глаголов со значением *transgredi*) / В.Б. Крысько // Историческая стилистика русского языка: Межвуз. сб. науч. тр. / Отв. ред. З.К. Тарланов. – Петрозаводск, 1990. – С. 50-60.

72. Кусков, В. В. Идеальные правители Древней Руси / В. В. Кусков // Древнерусские княжеские жития. – М. : Кругъ, 2001. – С. 23–36.

73. Кусков, В. В. История древнерусской литературы : учеб. для филол. спец. вузов / В. В. Кусков. – 7-е изд. – М. : Высшая шк., 2003. – 336 с.

74. Лавровский, Н. А. О византийском элементе в языке договоров русских с греками : рассуждение, представл. в Ист.-филол. фак. С.-Петербур. ун-та на степ. магистра рус. словесности Николаем Лавровским / Н. А. Лавровский. – Варшава : Тип. Варшав. учеб. окр., 1904. – 153 с.

75. Лаптева, О. А. Расположение компонентов устойчивого словосочетания как элемент его структуры / О. А. Лаптева // Вопросы языкознания. – 1959. – № 3. – С. 73-85.

76. Ларин, Б. А. Лекции по истории русского литературного языка. X – середина XVIII в. / Б. А. Ларин. – М. : Высш. шк., 1975. – 328 с.

77. Ларин, Б. А. История русского языка и общее языкознание. Избранные работы : учеб. пособие для студентов пед. ин-тов / Б. А. Ларин ; сост. Б. Л. Богородский, Н. А. Мещерский. – М. : Просвещение, 1977. – 224 с.

78. Левшун, Л. В. Категория жанра в средневековой восточнославянской книжности: жанр и канон / Л. В. Левшун // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. – 2006. – № 4 (26). – С. 40–42.

79. Летопись по Воскресенскому списку // Полное собрание русских летописей. – СПб. : Типография Эдуарда Праца, 1856. – Т. 7. – 345 с.

80. Лихачев, Д. С. Русские летописи и их культурно-историческое значение / Д. С. Лихачев. – М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1947. – 499 с.

81. Лихачев, Д. С. Поэтика древнерусской литературы / Д. С. Лихачев ; АН СССР, Ин-т рус. лит. (Пушкинский дом). – Л. : Наука, Ленингр. отд-ние, 1967. – 327 с.

82. Лихачев, Д. С. История русской литературы X – XVII вв. / Д. С. Лихачев. – М. : Просвещение, 1979. – 462 с.

83. Лихачев, Д. С. Исследования по древнерусской литературе / Д. С. Лихачев. – Л. : Наука, 1986. – 408 с.

84. Лихачев, Д. С. Человек в литературе Древней Руси [Электронный ресурс] / Д. С. Лихачев. – Режим доступа: <http://ksanakk.narod.ru/Book/3tom/3/man> (дата обращения: 22.11.2014).

85. Лоевская, М. М. Трансформация агиографического жанра в старообрядческих житиях XVII в. [Электронный ресурс] / М. М. Лоевская. – Режим доступа: <http://krotov.info/history/17/staroobr/loevskay.htm> (дата обращения: 08.03.2015).

86. Ломов, А. Г. Устойчивые словесные комплексы древнейших русских летописей : автореф. дис. ... канд. филол. наук / А. Г. Ломов. – Самарканд, 1969. – 33 с.

87. Лурье, Я. С. Из истории русского летописания конца XV в. / Я. С. Лурье // ТОДРЛ. – XI т. – 1955. – С. 156-186.

88. Львов, А. С. Лексика «Повести временных лет» / А. С. Львов. – М. : Наука, 1975. – 367 с.

89. Максимович, К. А. Проблемы лингвистического изучения русско-византийских договоров X в. / К. А. Максимович // Русский язык: функционирование и развитие (к 85-летию со дня рождения заслуженного деятеля науки Российской Федерации профессора Виталия Михайловича Маркова) : материалы Междунар. науч. конф. (Казань, 18-21 апр. 2012 г.) / Казан. ун-т, Ин-т филологии и искусств, Каф. ист. рус. яз. и слав. языкозн. ; под общ. ред. Л. Р. Абдулхаковой, Д. Р. Копосова. – Казань : Казан. ун-т, 2012. – Т. 1. – 422 с.

90. Марков, В. М. Заметки по исторической стилистике русского языка / В.М. Марков // Избранные работы по русскому языку / Под ред. проф. Г. А. Николаева. – Казань : Изд-во «ДАС», 2001. – 275 с.

91. Мечковская, Н. Б. Язык и религия : пособие для студентов гуманитар. вузов / Н. Б. Мечковская. – М. : ФАИР, 1998. – 352 с.

92. Мещерский, Н. А. О лингвистическом разграничении памятников древнеславянского языка русского извода и древнерусского литературного языка XI-XIV вв. [Электронный ресурс] / Н. А. Мещерский. – Режим доступа: www.philology.ru/linguistics2/meshchersky-95b.htm (дата обращения: 17.01.2015).

93. Насонов, А. Н. История русского летописания XI – начала XVIII века. Очерки и исследования / А. Н. Насонов. – М.: Наука, 1969. – 556 с.

94. Некипелова, И. М. Метафоризация слова рука и конструкций с компонентом рука в текстах деловой письменности XI-XVII веков / И. М. Некипелова // *Ethnohermeneutik und Antropologie* / hrsg. von E. A. Pimenov, M. V. Pimenova. – Landau : Verlag Empirische Pädagogik, 2004. – Bd. 10. – С. 369–381.

95. Некрасов, Н. П. Заметки о языке «Повести временных лет» по Лаврентьевскому списку / Н. П. Некрасов // Изв. Отд. рус. яз. и словесности. – 1986. – т. 1. – С. 832-927.

96. Михайловская, Н. Г. Системные связи в лексике древнерусского книжно-письменного языка XI-XIV вв. / Н. Г. Михайловская. – М. : Наука, 1980. – 251 с.
97. Никитин, О. В. Традиции деловой письменности в языке древнерусской литературы и художественных произведениях XV-XVI вв. [Электронный ресурс] / О. В. Никитин. – Режим доступа: <http://www.portal-slovo.ru/philology/44847.php> (дата обращения: 05.03.2014).
98. Николаева, Т. М. «Слово о полку Игореве» : поэтика и лингвистика текста; «Слово о полку Игореве» и пушкинские тексты / Т. М. Николаева. – М. : Индрик, 1997. – 336 с.
99. Новгородская I летопись по Синодальному списку [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://krotov.info/acts/12/pvl/novg.htm> (дата обращения: 17.01.2015).
100. Обнорский, С. П. Избранные работы по русскому языку / С. П. Обнорский. – М. : Учпедгиз, 1960. – 354 с.
101. Одинцов, В. В. Стилистика текста / В. В. Одинцов. – М. : Либроком, 2010 – 264 с.
102. Орлов, А. С. Об особенностях формы русских воинских повестей (кончая XVII в.) / А. С. Орлов. – М. : Имп. о-во истории и древностей Рос. при Моск. ун-те, 1902. – 50 с.
103. Памятники русского права. Вып. 1. Памятники права Киевского государства. X–XII вв. / Сост. А. А. Зимин; под ред. С. В. Юшкова. – М. : Государственное издательство юридической литературы, 1952. – 287 с.
104. Памятники русского права. Вып. 2. Памятники права феодально-раздробленной Руси. XII–XV вв. / Сост. А. А. Зимин; под ред. С. В. Юшкова. – М. : Государственное издательство юридической литературы, 1953. – 442 с.
105. Панин, Л. Г. Лингвотекстологическое исследование минейного торжественника. Рукописи XIV-XVI вв. / Л. Г. Панин. – Новосибирск : Изд-во «Наука», Сибирское отделение, 1988. – 264 с.

106. Панин, Л. Г. История церковнославянского языка и лингвистическая текстология. / Л. Г. Панин. – Новосибирск, 1995. – 215 с.
107. Панфилов, А. К. Лекции по стилистике русского языка / А. К. Панфилов. – М. : МГПИ им. В. И. Ленина, 1972. – 104 с.
108. Пауткин А. А. Характеристика личности в летописных княжеских некрологах / А. А. Пауткин // Герменевтика древнерусской литературы XI–XII вв. – М., 1989. – С. 231–246.
109. Пауткин, А. А. Беседы с летописцем : поэтика раннего русского летописания / А. А. Пауткин. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 2002. – 286 с.
110. Петровская, М. С. Об одной повествовательной модели летописных воинских повестей («Господь гордым противится, а смиренным благодать дает») [Электронный ресурс] / М. С. Петровская. – Режим доступа: <http://odrl.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=7856> (дата обращения: 12.06.2014).
111. Пиккио, Р. Древнерусская литература / Р. Пиккио. – М. : Языки славянской культуры, 2002. – 352 с.
112. Пименова, М. В. Красотою украси : выражение эстетической оценки в древнерусском тексте / М. В. Пименова. – СПб. : СПбГУ; Владимир : ВГПУ, 2007. – 415 с.
113. Попова, Т. Н. К вопросу о специфике имен на -ость, -ство, -ствие в диалектном словообразовании. / Т. Н. Попова // Русская и сопоставительная филология : лингвокультурологический аспект / Казан. гос. ун-т., Филол. фак-т. – Казань : Казан. гос. ун-т, 2004.— С. 192–195.
114. Потebня, А. А. О некоторых символах в славянской народной поэзии. / А. А. Потebня. – Харьков: типография «Мирный труд», 1914. – 243 с.
115. Потebня А. А. Из записок по русской грамматике. Т. 3. Об изменении значения и заменах существительного / А. А. Потebня. – М. : Просвещение, 1968. – 551 с.

116. Потебня, А. А. Эстетика и поэтика / А. А. Потебня. – М. : Искусство, 1976. – 614 с.
117. Приселков, М. Д. История русского летописания, XI-XV вв. / М. Д. Приселков. – Санкт-Петербург : Дмитрий Буланин, 1996. – 324 с.
118. Прокофьев, Н. И. О мировоззрении русского средневековья и системе жанров русской литературы XI–XVI вв. / Н. И. Прокофьев // Литература Древней Руси. – М., 1975. – Вып. 1. – С. 5–39.
119. Пропп, В. Я. Язык былин как средство художественной изобразительности / В. Я. Пропп // Ученые записки ЛГУ. – № 173 – Л., 1954.
120. Прохазка, Е. А. О роли «общих мест» в определении жанра древнерусских воинских повестей / Е. А. Прохазка // Труды отд. древнерус. лит / ред. Д. С. Лихачев ; АН СССР. – Л. : Наука, Ленингр. отд., 1989. – Т. 42 – С. 228–240.
121. Ранчин, А. М. Своеобразие древнерусской литературы [Электронный ресурс] / А. М. Ранчин. – Режим доступа: <http://www.portal-slovo.ru/philology/42393.php> (дата обращения: 19.01.2014).
122. Ремнева, М. Л. Пути развития русского литературного языка XI–XVII вв. : учеб. пособие по курсу «История рус. лит. яз.» / М. Л. Ремнева. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 2003. – 336 с.
123. Рудомазина, Т. Б. Летописные повествования о княжеской смерти: жанрово-стилевой анализ : дис. ... канд. филол. наук / Т. Б. Рудомазина. – Елец, 2007. – 245 с.
124. Рылов, С. А. Функциональная стратификация древнерусской и старорусской речи / С. А. Рылов // Вестник Нижегородского университета. Сер. Филология. – 2000. – Вып. 1 (2). – С. 187–196.
125. Рыльская грамота царя Ивана Шишмана [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.drevlit.ru/docs/bulgar/XIV/1360-1380/Ivan_Sisman/gramota13785b37.php (дата обращения: 2.04.2014).

126. Самойлова, Н. Г. Устойчивые словосочетания в частной переписке XVII-начала XVIII вв.: (К вопросу о формировании устойчивых словосочетаний) : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Н. Г. Самойлова. – М., 1969. – 17 с.

127. Сказание Авраамия Палицына [Электронный ресурс] / Режим доступа: <http://old.stsl.ru/lib/palitsin/> (дата обращения: 14.08.2014).

128. Соколовская Ж. П. Имена прилагательные со значением обобщенно положительной оценки в древнерусском языке / Ж. П. Соколовская // Материалы научн. конф. – Кишинев, 1971. – С. 226-227.

129. Соловьев, С. М. История России с древнейших времен. Кн. 1. Т. 1-5. История России с древнейшего периода до царствования Ивана IV. – СПб. : Изд-во т-ва «Общественная польза», 1896. – 1726 с.

130. Соссюр, Ф. де. Курс общей лингвистики / Ф. де Соссюр ; пер. с франц. А. Сухотина. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 1999. – 432 с.

131. Софийская первая летопись старшего извода // Полное собрание русских летописей. – М. : Языки русской культуры, 2000. – 320 с.

132. Срезневский, И. И. Древние памятники русского письма и языка / И. И. Срезневский // Известия Императорской Академии наук по Отделению русского языка и словесности. – Т. 10. – СПб. – 1861.

133. Срезневский, И. И. Договоры с греками / И. И. Срезневский // Русское слово. Избранные труды / сост. Н. А. Кондрашов. – М., 1986. – С. 15–44.

134. Тарланов, З. К. Становление типологии русского предложения в ее отношении к этнофилософии / З. К. Тарланов. – Петрозаводск : Изд-во Петрозаводского государственного ун-та, 1999. – 208 с.

135. Творогов, О. В. Традиционные устойчивые словосочетания в «Повести временных лет» / О. В. Творогов // Труды отд. древнерус. лит / АН СССР. – М. : Л. : Изд-во АН СССР, 1962. – Т. XVIII. – С. 277–284.

136. Творогов, О. В. Задачи изучения устойчивых литературных формул Древней Руси / О. В. Творогов // Труды отд. древнерус. лит / АН СССР. – М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1964. – Т. 20. – С. 29–40.

137. Творогов, О. В. Литература Древней Руси / О. В. Творогов. – М. : Просвещение, 1981. – 128 с.

138. Творогов, О. В. Лексический состав «Повести временных лет» (словоуказатели и частотный словник) / О. В. Творогов // Лаврентьевская летопись. (Полное собрание русских летописей. Том первый.) – 2-е изд. – М. : Языки славянской культуры, 2001. – 496 с.

139. Тихомиров, М. Н. Пособие для изучения Русской Правды / М. Н. Тихомиров. – М. : Моск. ун-т, 1953. – 192 с.

140. Толстой, Н. И. История и структура славянских литературных языков / Н. И. Толстой. – М. : Наука, 1988. – 239 с.

141. Трофимова, Н. И. «И бысть сеча зла и ужасна...» (Эпитеты начала битвы в летописях) / Н. И. Трофимова // Русская речь. – 2010. – № 1. – С. 69–75.

142. Трофимова, Н. В. Древнерусская литература. Военная повесть XI–XVII вв. : курс лекций / Н. В. Трофимова. – М. : Флинта, 2013. – 208 с.

143. Трубецкой, Н. С. История. Культура. Язык. / Н.С. Трубецкой; Сост. В.М. Живов; Общ. ред. В.М. Живов. – М. : Издательская группа «Прогресс», 1995. – 800 с.

144. Турилов, А. А. Образ правителя в летописных «некрологах» XI–XIII веков / А. А. Турилов // Славяне и их соседи. – М., 2008. – Вып. 12. Анфологион: власть, общество, культура в славянском мире в Средние века : к 70-летию Б. Н. Флори. – С. 195–209.

145. Улуханов, И. С. О языке Древней Руси / И. С. Улуханов. – М. : Наука, 1972. – 134 с.

146. Успенский, Б. А. Семиотика искусства / Б. А. Успенский. – М. : Школа «Языки русской культуры». – 360 с.

147. Федоров, А. И. Развитие русской фразеологии в конце XVIII – начале XIX в. / А. И. Федоров. – Новосибирск : Наука, Сибир. отд-ние, 1973 – 172 с.

148. Филин, Ф. П. Лексика русского литературного языка древнекиевской эпохи: (По материалам летописей) / Ф. П. Филин // Учен. зап. Ленингр. пед. ин-та. – т. 80. – 1949. – 288 с.

149. Филиппова, В. М. Развитие глагольной фразеологии в русском литературном языке XVIII века (устойчивые глагольно-именные сочетания) / В. М. Филиппова // Русская литературная речь в XVIII веке. – М. ; Л. : Наука, 1968. – С. 3–160.

150. Хабургаев, Г. А. Этнонимия «Повести временных лет» в связи с задачами реконструкции восточнославянского глоттогенеза / Г. А. Хабургаев. – М. : Изд-во Моск. гос. ун-та, 1979. – 231 с.

151. Хабургаев, Г. А. Старославянский язык: учеб. пособие для студентов пед ин-тов по спец. "Русс. яз. и лит." / Г. А. Хабургаев. – М. : Просвещение, 1986. – 288с.

152. Хализев, В. Е. Теория литературы / В. Е. Хализев. – М. : Высш. шк., 2002. – 438 с.

153. Хлопьянов, А. В. К вопросу об изучении поэтических атрибутивных словосочетаний в иноязычной аудитории [Электронный ресурс] : доклад / А. В. Хлопьянов. – Режим доступа: http://kpfu.ru/conf/docs/F976969302/5_Khlopyanov_AV_stat.doc (дата обращения: 27.03.2015).

154. Чернейко, Л. О. Лингвофилософский анализ абстрактного имени / Л. О. Чернейко. – М. : Либроком, 2010 – 267 с.

155. Шанский, Н. М. Фразеология современного русского языка / Н. М. Шанский. – М. : Высш. шк., 1985. – 192 с.

156. Шахматов, А. А. Повесть временных лет и ее источники / А. А. Шахматов // Труды отд. древнерус. лит / АН СССР. — М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1940. — Т. IV. — С. 9–150.
157. Шахматов, А. А. Синтаксис русского языка / А. А. Шахматов. — Л. : Учпедгиз, 1941. — 620 с.
158. Шахматов, А. А. Разыскания о русских летописях / А. А. Шахматов. — М. : Кучково поле : Акад. проект, 2001. — 375 с.
159. Шелепова, Л. И. Лексические разночтения в Прологе (по спискам XII-XVII вв.) : учеб. пособие / Л. И. Шелепова. — Барнаул, 1992. — 106 с.
160. Шмелев, Д. Н. Русский язык в его функциональных разновидностях : к постановке проблемы / Д. Н. Шмелев ; отв. ред. А. И. Горшков ; АН СССР, Ин-т рус. яз. — М. : Наука, 1977. — 169 с.
161. Шулежкова, С. Г. Устойчивые словосочетания в языке официально-деловых документов южноуральских крепостей XVII в. : автореф. дис. ... канд. филол. наук / С. Г. Шулежкова. — М., 1967. — 20 с.
162. Эпштейн, М. Sola amore: любовь в пяти измерениях / М. Эпштейн. — М. : Эксмо, 2011. — 467 с.
163. Якубинский, Л. П. История древнерусского языка / Л. П. Якубинский. — М. : Учпедгиз, 1953. — 368 с.